

ISSN 0131-6117

Рус-

R U S S I A N

ская

S P E E C H

речь

МОСКВА, 2024

МАЙ – ИЮНЬ

Журнал основан в январе 1967 года

Выходит 6 раз в год

Главный редактор:

А. Д. Шмелев д. ф. н., проф., член-корр. РАН, Московский педагогический государственный университет;
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Зам. главного редактора:

М. Л. Каленчук д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Я. Шмелева к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Редколлегия:

О. В. Антонова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Е. Л. Березович д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Уральский федеральный университет
А. А. Гиппиус д. ф. н., академик РАН, проф., Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики»; Институт славяноведения РАН
М. Горэм PhD, проф., Флоридский университет, США
В. В. Деметьев д. ф. н., проф., Саратовский национальный исследовательский государственный университет
им. Н. Г. Чернышевского
Е. Е. Дмитриева д. ф. н., член-корр. РАН, проф., Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН
А. Ф. Журавлев д. ф. н., проф., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
А. В. Занадворова к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
А. А. Кибрик д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН; Московский государственный университет
им. М. В. Ломоносова
Ю. А. Клейнер д. ф. н., проф., Санкт-Петербургский государственный университет
А. М. Красовицкий PhD, Оксфордский университет, Великобритания
М. А. Кронгауз д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Д. М. Магомедова д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет
В. И. Новиков д. ф. н., проф., Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
М. А. Осадчий д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
М. С. Полинская PhD, проф., Мэрилендский университет, США
Е. Ю. Протасова PhD, проф., Хельсинкский университет, Финляндия
М. А. Пузина к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Х. Пфандль Dr. phil., проф., Грацский университет, Австрия
Л. Рязанова-Кларк PhD, проф., Эдинбургский университет, Великобритания

Зав. редакцией: М. А. Пузина
Зав. отделами: С. В. Дьяченко, О. В. Антонова

Статьи отбираются редколлегией
журнала на основе анонимного
независимого рецензирования.

Журнал индексируется в: Российский
индекс научного цитирования (РИНЦ).

Адрес редакции: 119019, Москва,
ул. Волконка, 18/2, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»
Телефон: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Сайт: <http://russkayarech.ru/>

© Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
© Государственный институт
русского языка им. А. С. Пушкина
© Российская академия наук
© Составление. Редколлегия журнала
«Русская речь», 2024

ISSN 0131-6117

Russian R U S S K A Y A Speech R E C H'

MOSCOW, 2024

MAY-JUNE

Founded in January 1967

6 issues per year

Editor-in-chief:

Alexei D. Shmelev Moscow State University of Education; Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Assistant editors:

Maria L. Kalenchuk Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena Ya. Shmeleva Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Editorial board:

Olga V. Antonova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Elena L. Berezovich Ural Federal University, Ekaterinburg, Russia
Vadim V. Dementyev Saratov State University, Saratov, Russia
Evgeniya E. Dmitrieva M. A. Gorky Institute of World Literature (RAS), Moscow, Russia
Alexei A. Gippius National Research University Higher School of Economics; Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
Michael Gorham University of Florida, Gainesville, USA
Andrey A. Kibrik Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Yury A. Kleiner St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia
Alexander M. Krasovitsky University of Oxford, UK
Maxim A. Kronhaus National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia
Dina M. Magomedova Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
Vladimir I. Novikov Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia
Mikhail A. Osadchiy Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Heinrich Pfandl University of Graz, Austria
Maria Polinsky University of Maryland, College Park, USA
Ekaterina Y. Protassova University of Helsinki, Finland
Maria A. Puzina Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Larissa Ryazanova-Clarke University of Edinburgh, UK
Anna V. Zanadvorova Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia
Anatoly F. Zhuravlev Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Maria A. Puzina
Editorial staff: Svetlana V. Dyachenko, Olga V. Antonova

Articles are selected by the editorial board on the basis of blind peer review process.

Abstracting / Indexing: Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs).

Address: «Russkaya rech'», editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-27-35
E-mail: rus-rech@mail.ru
Website: <http://russkayarech.ru/>

Содержание

Проблемы современного русского языка

- 7..... О. Д. Паршина. Прецедентный феномен в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов как лингвокультурно значимое обозначение провинции
- 20..... Е. Е. Серегина. «Что даха даст — то и взяха возьмет»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии
- 33..... С. Д. Шелов, Т. Д. Четверикова. Еще раз о частеречной характеристике термина

Из истории русского языка

- 42..... Т. С. Садова. Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года

Язык художественной литературы

- 53..... А. В. Кулагин. «Задумчиво и кротко». За строкой песни Окуджавы «Заезжий музыкант»
- 67..... И. З. Сурат. Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре О. Мандельштама
- 79..... М. М. Тагиева. О некоторых ошибках в переводе на азербайджанский язык романа Ф. М. Достоевского «Бесы»
- 89..... М. В. Терехова. Ирония в посланиях и амфигурии Антония Погорельского
- 103..... О. А. Чуреева. Монолог мировой души из пьесы «Чайка»: к вопросу об адекватности интерсемиотического перевода

В помощь изучающим русский язык

- 115..... Н. К. Онипенко. Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов

Contents

Issues of Modern Russian Language

- 7..... Olga D. Parshina. The Precedent Phenomenon *v derevnyu, k tetke, v glush'*, *v Saratov* as a Linguoculturally Significant Reference to the Province
- 20..... Elena E. Seregina. “What Dakha Gives — Vzyakha Vzyast”: Verbal Substantives in Russian Subdialects and Modern Poetry
- 33..... Sergei D. Shelov, Tatyana D. Chetverikova. Once Again on the Term Characteristics as Parts of Speech

From the History of the Russian Language

- 42..... Tatiana S. Sadova. Letters of Tsarina Evdokia Lopukhina in the Printed Manifesto of 1718

The Language of Fiction

- 53..... Anatoly V. Kulagin. “*Thoughtfully and meekly*”. Behind the Line of Okudzhava’s Song “The Visiting Musician”
- 67..... Irina Z. Surat. Poetics of Semantics’ Broadening. Notes on O. Mandelstam’s Vocabulary
- 79..... Mahrugh M. Taghiyeva. On Some Errors in the Translation into Azerbaijani of Dostoevsky’s Novel “Devils”
- 89..... Marina V. Terekhova. Irony in the Epistles and Amphiguri of Antony Pogorelsky
- 103..... Olga A. Chureyeva. The World Soul Monologue from the Play “The Seagull”: Toward the Issue of Transmutation Adequacy

Learning Russian

- 115..... Nadezhda K. Onipenko. Once Again about the Isolation of Prepositive Attributive Phrases

Прецедентный феномен *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* как лингвокультурно значимое обозначение провинции

Ольга Дмитриевна Паршина, Тольяттинский государственный университет (Россия, Тольятти),
parshinaod@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030011

АННОТАЦИЯ: В статье рассматриваются функциональные и семантические особенности прецедентного феномена *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* в русской лингвокультуре при обозначении провинции. Указанная цитата обычно употребляется в сокращенном виде. Дву- и трехкомпонентные трансформированные цитаты преобладают над исходным четырехкомпонентным сочетанием. Изменения структуры прецедентного феномена также могут сопровождаться перестановкой компонентов, заменой и изменением их грамматических характеристик. При любых трансформациях неизменным остается семантический центр *глушь*, что обусловлено зоной золотого сечения, которое приходится на третий компонент исходного сочетания. Прецедентный феномен и его трансформированные формы активно функционируют в сильных текстовых позициях заголовка, первого и последнего предложения текста или абзаца. В этом случае трехкомпонентные измененные цитаты подвергаются модальным преобразованиям в рамках вариативной интерпретации действительности. А двукомпонентные служат основой для проблемной сегментации, что дает возможность обозначить проблему и задать направление описания ситуации. Семантические

особенности прецедентного феномена представлены рядом контекстуально обусловленных значений, а также включением в рамках контекста в оппозицию «столица — провинция». Прецедентный феномен *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* используется для создания различных типов языковой игры, в числе которых формирование аналитических образований и контаминация.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: провинция, прецедентность, семантика, «*в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*», золотое сечение

для цитирования: Паршина О. Д. Прецедентный феномен *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* как лингвокультурно значимое обозначение провинции // Русская речь. 2024. № 3. С. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724030011.

Issues of Modern Russian Language

The Precedent Phenomenon *v derevnyu, k tetke, v glush', v Saratov* as a Linguoculturally Significant Reference to the Province

---

Olga D. Parshina, Togliatti State University (Russia, Togliatti), parshinaod@mail.ru

---

ABSTRACT: The paper discusses the functional and semantic features of the precedent phenomenon *v derevnyu, k tetke, v glush', v Saratov* in the Russian language culture when referring to the province. The pragmatics of the phenomenon is related to its component structure reduction. Two and three-component transforms prevail over the initial four-component collocation. The changes in the precedent phenomenon structure may be accompanied by the compositional switch, and changes in their grammar features. Under any transformation, the semantic centre *glush'* stays the same. This is due to the zone of the Golden Ratio, which falls on the third component of the initial collocation. The precedent phenomenon and its transforms actively

function in the strong textual positions of the title, the first and the last sentence of the text or the paragraph. In such a case, the three-component transforms undergo modal transforms within the framework of the variable interpretation of reality. Two-component transforms serve as a basis for a problem segmentation, which enables the problem to be defined and the situation to be described. The semantic features of the precedent phenomenon are represented by the range of the contextually relevant meanings as well as by the inclusion in the opposition “capital — province”. The precedent phenomenon *v derevnyu, k tetke, v glush', v Saratov* is used for different language games, such as analytical formations and contamination.

KEY WORDS: the province, precedence, semantics, “*v derevnyu, k tetke, v glush', v Saratov*”, Golden Ratio

FOR CITATION: Parshina O D. The Precedent Phenomenon *v derevnyu, k tetke, v glush', v Saratov* as a Linguoculturally Significant Reference to the Province. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 7–19. DOI: 10.31857/S0131611724030011.

Обращение к разноаспектному изучению русской провинции на рубеже XX–XXI вв. привело к возникновению в современном гуманитарном знании направления, которое называют провинциологией [Юдина 2020; Иванян 2022б]. Социологи, культурологи, историки, лингвисты, литературоведы и многие другие исследователи предпринимают попытки рассмотреть феномен русской провинции, в котором отражается пространственная картина мира носителей русского языка.

В рамках семантико-прагматического подхода лингвисты научной школы профессора Е. П. Иванян изучают особенности восприятия пространства на основании полевого подхода, в частности — через построение функционально-семантического поля «Провинция» и описание его репрезентантов [Иванян 2022а; Бычкова 2022; Паршина 2022б; Parshina 2021].

Обращение к такому явлению, как провинция, невозможно без рассмотрения его места в русской культуре. Сегодня ученые говорят о прецедентных феноменах, прецедентных текстах, аллюзиях, лингвокультуремах, логозпистемах и других понятиях. В целом, по мнению А. А. Косаревой, все эти термины обозначают одно и то же явление — «единицу осмысления человеческих жизненных ценностей сквозь призму одного

языка с помощью культурной памяти, единицу культурного знания» [Косарева 2017: 219]. Иными словами, прецедентные феномены аккумулируют в себе культурную и историческую память народа. По сути они могут быть рассмотрены как элементы, формирующие лингвокультурную общность носителей языка.

Прецедентный феномен (ПФ) *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* можно рассмотреть в качестве одного из представителей функционально-семантического поля «Провинция», анализу элементов которого посвящены некоторые наши статьи, например [Паршина 2020].

В «Энциклопедическом словаре крылатых слов и выражений» прецедентный феномен *В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!* зафиксирован в значении «о желании оставить городскую суету, “ворох дел, суматоху явлений”, найти спокойный приют, где можно подумать, сосредоточиться, отдохнуть, перевести дух» [Серов 2004: 91]. Он имеет литературную основу и широко известен представителям русской этнокультурной общности, поскольку произведение А. С. Грибоедова может быть отнесено к хрестоматийным — является обязательным для изучения в общеобразовательной школе.

ПФ *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* привлекает внимание исследователей. Так, в начале XXI века ПФ рассматривается в рамках парадигматических семантических отношений синонимии и антонимии [Фокина 2013: 96–97]. С. В. Кумова и Н. А. Шабанова отмечают, что в течение двух веков «Саратов посредством фразы *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* выступает для носителя русской культуры символом российской глубинки, провинции, со всеми вытекающими ее недостатками: плохими дорогами, стихийным градостроительством, низким уровнем жизни и невысокой образованностью населения» [Кумова, Шабанова 2015: 24]. О. Р. Носаева и Е. Б. Слезко понимают конструкцию *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* как прецедентное высказывание и анализируют особенности ее функционирования в разных возрастных группах носителей русского языка [Носаева, Слезко 2017: 82]. А. В. Савченко и М. С. Хмелевский, анализируя наиболее частотные фраземы в современном русском языке, содержащие топонимы, предлагают их относить к этносимволам русской культуры. Факт их употребления в живой речи обусловлен исторически и традиционно закрепившимися в языке ассоциациями. Относя к крылатым фразам *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*, исследователи отмечают, что «лексема *Саратов* в разговорной речи выступает уже не как имя собственное, а как нарицательное в значении “скрыться, уехать далеко, в провинцию, чтобы уединиться и обрести покой, убежать от суеты”» [Савченко, Хмелевский 2020: 59]. Рассмотрение особенностей замещения сильной текстовой позиции ПФ *в деревню, к тетке, в глушь,*

в *Саратов* представлено у К. П. Сидоренко, который анализирует заголовок «*Уехать к тетке, в глушь, в Саратов*» и отмечает, что журналист, который создал этот заголовок, критикует современное телевидение, «спастись» от которого можно только где-нибудь в глубинке, хотя современный Саратов не может быть назван «глушью» [Сидоренко 2009: 41].

В настоящей работе представлена попытка семантико-прагматического анализа прецедентного феномена в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*, который может быть признан одним из репрезентантов функционально-семантического поля «Провинция». Источниками отбора языкового материала стали тексты средств массовой информации, художественной литературы, а также тексты блогов в «Живом журнале» и интернет-фольклор.

ПФ в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* в современном русском языке активно функционирует в четырехкомпонентном составе и в разного типа трансформах, образованных в результате сокращения, перестановки и замены частей ПФ, а также изменения их грамматических характеристик.

В отношении компонентного состава выявлено существенное преобладание трех- и двухкомпонентных трансформ над исходным четырехкомпонентным ПФ [Паршина 2022a]. Трехкомпонентный трансформ в *деревню, в глушь, в Саратов* с пропуском второго компонента *к тетке* активно используется для номинации пространства России в противопоставлении центру/столице: *Вас «свалят» перегрузки, живут со свету сослуживцы <...> От таких неприятностей лучше убежать в отпуск или на дачу. <...> Итак, в деревню, в глушь, в Саратов!* (Аргументы и факты, 24.08.2000).

В ряде примеров трансформ в *деревню, в глушь, в Саратов* замещает сильные текстовые позиции в качестве заголовка и инициального предложения абзаца (текста): *В деревню, в глушь, в Саратов! Почем снять домик на лето в разных уголках России* (Комсомольская правда, 29.04.2016).

Сочетание *к тетке, в глушь, в Саратов* образовано в результате пропуска первого компонента в *деревню* исходного ПФ и также является частотным. Поскольку на первом месте выступает лексема *тетка*, оно способно не только репрезентировать территориальную семантику, но и актуализировать значение ‘женщина/родственница’, что можно видеть в следующем примере: *Помнится, наш полковой враль и философ Мишка Некудыкин как-то рассказывал, что в детстве за шалости был сослан «к тетке, в глушь, в Саратов».* Старой одинокой карге, скупой, как дочь Шейлока (Б. Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт. 1998).

Для двухкомпонентного трансформы пропуск двух первых элементов исходного ПФ является наиболее часто встречающимся способом изменения структуры. По характеру изменений наиболее распространено

функционирование в виде образования *в глушь, в Саратов*. В отношении семантики оно репрезентирует целый ряд контекстуально обусловленных значений. Например, значение ‘провинция’ представлено в примере: *Осточертело, сил никаких нет..., но не буду же я, в самом деле, доказывать... Уехать, уехать. На месяц, на два, в глушь, в Саратов... Как минимум пять человек вздохнут спокойно* (Е. Завершнева. Высотка. 2012).

Особенностью двукомпонентного трансформа является его способность к существенному изменению структуры, состава и грамматических характеристик, что особенно важно, если ПФ выступает в сильной текстовой позиции заголовка. Подобное изменение строится на основе модальных преобразований, вводящих в описание идеи оценки, рефлексии и т. д. [Баранов 2021: 234]. Так, в примере заголовков построен на основе изменения грамматических характеристик компонентов и введении имени прилагательного *коррупционный* с пейоративным (негативным) значением: **Коррупционная глушь, Саратов**. *Недавно в Совете Федерации с докладом выступил генеральный прокурор РФ Игорь Краснов. Генпрокурор заявил, что Саратовская область уверенно вошла в десятку самых коррумпированных регионов страны* (Саратовский репортер. 10.08.2020). На основе проблемной сегментации, при которой в заголовке проблема выдвигается на передний план, возникает «максимальное сжатие информативного материала, позволяющего назвать проблему и задать направление описания ситуации, названной в первой части» [Гусейнова 2020: 37–38], построен следующий заголовок: **Саратов: глушь или сказка? Что знают о нём те, кто ни разу здесь не был? Первое, что приходит на ум — знаменитое Грибоедовское: «В деревню, к тетке, в глушь, в Саратов»** (Биржа статей, текстов textsale.ru. 25.04.2011).

Трансформации ПФ *в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* могут сопровождаться и изменением порядка следования частей, что позволяет актуализировать семантику именно перемещенного компонента. Так, в следующем примере можно наблюдать изменение порядка компонентов трансформа: лексема *глушь* репрезентирует семантику провинции, которая актуализируется противопоставлением ПФ *«В Москву! В Москву!»* из пьесы А. П. Чехова «Три сестры» (1901): **В глушь! В Саратов! К тетке!** — *Уездная отравы. Провинциальные картишки... — В Москву! В Москву! Пожалуй, к этому можно свести все, что есть в русской литературе о русской провинции* (Литературная газета, 29.03.1931). В другом примере лексема *тетка*, перемещенная в конец ПФ, актуализирует значение ‘женщина/родственница’: **Не для того он тут голодал, как Ломоносов, чтобы назад, в деревню, в глушь, в Саратов, к тётке! Да-да, к тётке, потому что мать рано умерла, а отец его материной сестре сдал да и исчез с концами** (Т. Соломатина. Девять месяцев, или «Комедия женских положений». 2010).

ПФ в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* подвержен различным изменениям в семантическом отношении. Однако при любых трансформациях неизменным остается семантический центр ПФ *глушь*, что может быть обусловлено так называемой зоной золотого сечения. Современные исследователи обращаются для определения смыслового центра поэтического или прозаического произведения к золотому сечению достаточно часто. Так, Л. В. Калашникова исследует произведения-нонсенсы Л. Кэролла, определяя семантический центр его поэтических текстов с помощью константы золотого сечения 1,618 [Калашникова 2021: 100]. Основу самоорганизующейся структуры текста видят в пропорции золотого сечения М. В. Щербакова и Е. В. Головина [Щербакова, Головина 2017]. Н. Е. Мусинова применяет принцип золотого сечения к анализу поэзии акмеизма [Мусинова 2009].

Определим с помощью числа золотого сечения 1,618 семантический центр ПФ в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов*. Для этого разделим 4 предложно-падежных компонента ПФ на 1,618 и получим 2,5. То есть семантический центр прецедентного феномена смещен в зону третьего компонента — в сочетание *в глушь*.

На основании этого семантического центра ПФ включается в оппозицию «центр — провинция», что свойственно всем репрезентантам функционально семантического поля «Провинция», например: *В то время, как в Москву — центр медицинской науки — со всех концов страны едут больные за лучшей врачебной помощью, москвички стремятся уехать рожать «в глушь, в Саратов»... Как ни горько в этом признаваться, московское здравоохранение оказалось в тяжелейшей ситуации* (Литературная газета. 29.04.1987).

Помимо лексикографически закрепленного значения 'спокойное место, где можно отдохнуть, перевести дух' (От всех потрясений декабря к концу года у меня накопилась такая степень измотанности, что вместо традиционных поездок «в тепло» с дальними перелетами хотелось совсем другого — **в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов!** (Коммерсант, 02.2012)), ПФ может выражать целый ряд контекстуально обусловленных значений. В значении 'уехать далеко в неизвестное место' ПФ используется в следующем примере: *Мне, конечно, и в голову не пришло пойти заявить куда-нибудь в Исполбюро, что вот мол держите меня, иначе я могу мобилизоваться **в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов**. Чем агрессивней у нас писатель, тем больше у него врагов среди своей же братии, поэтому возможность снять человека со счетов литературы и двинуть его куда-нибудь подальше годика на два вызвала бы бурю молчаливого восторга* (Литературная газета, 03.03.1930). Кроме того, ПФ может выражать определенное качество или оценку: *Если его [Пелевина] записали в мифотворцы, нужно*

немедленно бросаться в кондовый реализм, в отчаянную порнографию, **в деревню, к тётке, в глушь, в Саратов**, в длительное молчание, наконец. Короче, что-то немедленно нужно сделать «вопреки» (Литературная газета, 23.11.2005).

В значении ‘вернуться к прежней жизни в провинции’ можно обнаружить трансформированную цитату в примере: У меня много знакомых москвичей, которые квартиры снимают, чтобы, понятно, не жить с родителями. Женятся, детей заводят, путешествуют, не считая каждую копейку. В них нет этого страха — быть выкинутыми **в глушь, в Саратов**. <...> В сумо остатке — есть у меня жилье, а жизни нет (Я. Мареева. Приедем надо делать прививку от квартирного бешенства. lenta.ru. 05.2017).

В значении ‘начать вести простую жизнь в провинции’ двукомпонентная трансформированная цитата выступает в следующем примере: Мне по плечу уехать **в глушь, в Саратов**, / И вышивать крестом, вязать носки! Без лишних нервов, без завистников треклятых / Писать стихи и плакать от тоски (О. Мазурова. Изба-читальня. Литературный портал. 29.03.2022).

Замена одного или более компонентов является самым распространенным способом трансформации ПФ. Замена может быть представлена репрезентантами функционально-семантического поля «Провинция», например, номинацией глубинка: Не потому ли они [москвичи] так патристически рвались **в глубинку, в деревню, в глушь, в Саратов**? А мы, наоборот, из кожи вон лезли, чтобы в Москву прорваться, столице нос утереть, заставить ее признать нас, и москвичи нам, провинциалам, на своей территории проигрывали (Литературная газета. 30.03.1992).

Помимо этого, возможна замена на слова, которые выполняют определенную коммуникативную нагрузку, позволяют автору актуализировать необходимую информацию: Нет, дружок, сворачивай давай скорей питьевые приятности, водные свои разглагольствования. **За работу, на каторгу, в глушь, в Саратов!..** Да, пора приниматься за дело... (В. Володин. Повесть временных лет. 2009).

В качестве замены одного из компонентов могут выступать топонимы, например: Явив миру тайные нити, связывавшие высшие эшелоны с агрессивными фанатиками, следовательно удалялся в отпуск — **в деревню, к тетке, в глушь, под Смоленск** (Литературная газета, 04.09.1996); **В деревню, в глушь, в Самару**. В XIX веке наш регион стал местом всероссийской ссылки (В. Ерофеев. Историческая Самара. 2001).

Трансформация грамматической формы компонентов ПФ обнаруживается в том случае, если ПФ занимает сильную текстовую позицию заголовка, инициального или финального предложения текста или абзаца. Использование грамматически трансформированной цитаты в заголовке дает возможность задать «имя текста», позволяющее получить доступ

к его содержанию, выступить «в качестве медиатора между автором и читателем» [Северская 2022: 84]. В следующем примере замена на форму множественного числа именительного падежа позволяет актуализировать семантическую оппозицию «столица — провинция»: **Деревни, тётки, глушь, Саратов...** В России противостояние столицы и провинции в последние два столетия приобрело характер мировоззренческий. Суматошная столица не любит неторопливую провинцию, которая платит ей той же монетой (Литературная газета, 07.04.2010).

В измененной грамматической форме трансформ может занимать позицию финального предложения теста или абзаца. Например, в следующем примере семантика основана на метонимическом переносе по смежности пространственных и казуальных связей 'территория, удаленная от центра/столицы → люди, живущие на этой территории': *Вспомните имена таких корифеев литературного творчества, которые родились, жили или бывали здесь. Вот они: Алексей Николаевич Толстой, Егор Васильевич Орешин, Лев Иванович Гумилевский <...> и много других. Я уже не говорю о людях науки и культуры. Вот вам и деревня, глушь, Саратов* (Н. И. Кирюхин. Страшные годы. Пережитое. 1994).

Отдельного внимания заслуживает использование ПФ в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов в качестве базы для различных видов языковой игры.

На основе ПФ возможно создание аналитических образований. Так, дериват *деревня-тетка-глушь-Саратов*, образованный соединением компонентов ПФ с помощью дефиса, а также изменением их грамматических характеристик, выражает значение 'провинциал': — *Какие — ЭТИ? — Ломакин снова впал в образ туповатого, однако настырного саратовца, из тех, что требуют: нет, ты объясни, ты растолкуй, ты думаешь, не пойму? <...> Царь-царевич смерил Ломакина пьяно-снисходительным взглядом: ишь! деревня-тетка-глушь-Саратов!* (А. Измайлов. Трюкач. 2001).

Эргоним «СаратовГлушьПродукт» образован соединением двух компонентов исходного ПФ, сопровождаемого изменением их грамматических характеристик и добавлением слова *продукт*: *Компания «Саратов-ГлушьПродукт» начиналась, как небольшое фермерское хозяйство. Мы делали ставку на натуральный продукт с фермы, разводили уток и продавали мясо на рынках Саратова (saratovglush.ru).*

Контаминация на основе объединения двух устойчивых конструкций является одним из активно функционирующих видов языковой игры. Например, объединение в рамках одного предложения, которое взято в кавычки, сразу двух прецедентных феноменов — реплик из последнего монолога Чацкого «Вон из Москвы! сюда я больше не езду» и усеченного варианта анализируемого ПФ: *Я изучал объявления в «Медицинском*

работнике», ходил в Минздрав: *«Вон из Москвы! В глушь, в Саратов!»* В Саратов, точно, не светило, там и своих много, хотя бы в маленький городок... (Н. Амосов. Голоса времен. 1999).

Анализ функциональных и семантических особенностей ПФ в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* позволил выявить лингвокультурные особенности номинации провинции. Семантическим центром ПФ может быть признано слово *глушь*, которое сохраняется при любых трансформациях. Это обусловлено его вхождением в зону золотого сечения. Преобладание дву- и трехкомпонентных трансформ обусловлено тем, что пишущий сокращает цитату в соответствии со своими целями, оставляя те компоненты, которые ближе к содержанию его текста, точнее подчеркивают его мысль. При трансформации ПФ, помимо усечения исходной структуры, возможны добавление и/или замена компонентов, изменение порядка следования компонентов, их грамматических характеристик. В семантическом отношении ПФ способен репрезентировать целый ряд контекстно обусловленных значений. Использование ПФ в *деревню, к тетке, в глушь, в Саратов* для создания языковой игры находит свое отражение в публицистическом и художественном тексте, а также при создании имен собственных — наименований организаций и предприятий.

Литература

- Баранов А. Н. Введение в прикладную лингвистику. Изд. 6-е, стереотип. М.: URSS, 2021. 368 с.
- Бычкова В. С. К вопросу о семантико-прагматических особенностях номинации «провинциалка» в современном русском языке // Состояние и перспективы лингвистической и методической мысли в современном образовательном пространстве: Материалы Международной научно-практической конференции, 20 мая 2022 года. Самара: ООО «Научно-технический центр», 2022. С. 108–119.
- Гусейнова Т. С. Проблемная сегментация как способ создания фразеологических трансформ // Chronos: общественные науки. 2020. № 2 (19). С. 37–38.
- Иванян Е. П. К вопросу о проприальных единицах российской провинции // Наука и культура России. 2022а. Т. 1. С. 119–122.
- Иванян Е. П. Характеристика традиций обозначения русской провинции проприальными единицами // Русистика без границ. 2022б. Т. 6. № 2. С. 44–55.
- Калашикова Л. В. В поисках смысла. Исследование произведений-нонсенсов с применением правила золотого сечения // Теория языка и межкультурная коммуникация. 2021. № 2 (41). С. 96–104.
- Косарева А. А. Прецедентность и интертекстуальность газетного дискурса // Наука, образование и духовность в контексте концепции устойчивого развития: материалы

О. Д. Паршина. Прецедентный феномен в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов как лингвокультурно значимое...

O. D. Parshina. The Precedent Phenomenon in *derevnyu, k tetke, v glush; v Saratov* as a Linguoculturally Significant...

- всероссийской научно-практической конференции 24–25 ноября 2016 г. В 4-х частях. Ухта: Ухтинский государственный технический университет, 2017. Ч. II. С. 217–221.
- Кумова С. В., Шабанова Н. А. К вопросу о территориальном брендинге современного российского города // Регионология. 2015. № 3 (92). С. 22–32.
- Муסיнова Н. Е. Принцип «Золотого сечения» в поэзии акмеизма // Мир науки, культуры, образования. 2009. № 5 (17). С. 75–76.
- Носаева О. Р., Слезко Е. Б. Репертуар и роль прецедентных феноменов в различных возрастных группах // Вестник Пермского национального исследовательского политехнического университета. Проблемы языкознания и педагогики. 2017. № 2. С. 77–86.
- Паршина О. Д. Прецедентный феномен «прирастать провинцией»: к постановке вопроса // Актуальные вопросы современной филологии и журналистики. 2020. № 3 (38). С. 87–96.
- Паршина О. Д. Об одной трансформации прецедентного феномена «в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов» при номинации провинции // Русский язык: образование, наука, культура: Материалы международной научно-методической сессии, Москва, 23–25 ноября 2022 года / Под общ. ред. С. М. Колесниковой. М.: Московский педагогический государственный университет, 2022а. С. 160–168.
- Паршина О. Д. Русская глубинка: языковая экспликация семантики провинции // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2022б. Т. 15. № 12. С. 3859–3868.
- Савченко А. В., Хмелевский М. С. «Города и веси» в русской фразеологии в концептуальном и лингвострановедческом освещении // Мир русского слова. 2020. № 4. С. 56–65.
- Северская О. И. Комар как вдохновитель и соавтор (на примере поэзии Г. Р. Державина, А. Парщикова, Ю. Арабова) // Русская речь. № 6. 2022. С. 81–93.
- Серов В. Энциклопедический словарь крылатых слов и выражений: более 4000 ст. М.: Локид-пресс, 2004. 877 с.
- Сидоренко К. П. «Горе от ума» в русской речи // Вестник Герценовского университета. 2009. № 11 (73). С. 40–45.
- Фокина О. В. Интертекстуальность в печатных СМИ: парадигматический аспект // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2013. Т. 12. № 10. С. 96–102.
- Щербакова М. В., Головина Е. В. Пропорция золотого сечения как основа самоорганизующейся структуры текста // Новая наука: Теоретический и практический взгляд. 2017. Т. 2. № 4. С. 157–160.
- Юдина В. И. Региональная культура как объект современного научного дискурса. К проблеме дефиниций // Образование и культурное пространство. 2020. № 1. С. 99–109.
- Parshina O. D. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for “province” lexical unit / O. D. Parshina, I. V. Gurova, S. A. Gudkova // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021), Samara, October 21–23, 2021. Vol. 119. Samara, 2021, pp. 220–227.

References

- Baranov A. N. *Vvedenie v prikladnuyu lingvistiku* [Introduction to Applied Linguistics]. Moscow, URSS Publ., 2021. 368 p.
- Bychkova V. S. [On the issue of semantic and pragmatic features of the female nomination “provincial” in modern Russian]. *Sostoyanie i perspektivy lingvisticheskoi i metodicheskoi mysli v sovremennom obrazovatel'nom prostranstve: Materialy Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Samara, OOO “Nauchno-tehnicheskii tsentr” Publ., 2022, pp. 108–119. (In Russ.)
- Fokina O. V. [Intertextuality in the print media: paradigmatic aspect]. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta, Seriya “Istoriya, filologiya”*, 2013, vol. 12, no. 10, pp. 96–102. (In Russ.)
- Guseinova T. S. [Problematic segmentation as a way to create phraseological transformations]. *Chronos: obshchestvennye nauki*, 2020, no. 2 (19), pp. 37–38. (In Russ.)
- Ivanyan E. P. [Characteristics of the traditions of designating the Russian province with proprietary units]. *Rusistika bez granits*, 2022a, vol. 6, no. 2, pp. 44–55. (In Russ.)
- Ivanyan E. P. [On the Issue of Proprietary Units of the Russian Province]. *Nauka i kul'tura Rossii*, 2022b, vol. 1, pp. 119–122. (In Russ.)
- Kalashnikova L. V. [In search of meaning. Investigation of Nonsense Works Using the Golden Section Rule]. *Teoriya yazyka i mezhkul'turnaya kommunikatsiya*, 2021, no. 2 (41), pp. 96–104. (In Russ.)
- Kosareva A. A. [Precedence and Intertextuality of Newspaper Discourse]. *Nauka, obrazovanie i dukhovnost' v kontekste kontseptsii ustoychivogo razvitiya: materialy vs Rossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii*. Ukhta, Ukhta State Technical University Publ., 2017, vol. II, pp. 217–221. (In Russ.)
- Kumova S. V., Shabanova N. A. [On the issue of territorial branding of the modern Russian city]. *Regionologiya*, 2015, no. 3 (92), pp. 22–32. (In Russ.)
- Musinova N. E. [The principle of the “Golden section” in the poetry of acmeism]. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya*, 2009, no. 5 (17), pp. 75–76. (In Russ.)
- Nosaeva O. R., Slezko E. B. [Repertory and role of the precedent phenomena in different age groups]. *Vestnik Permskogo natsional'nogo issledovatel'skogo politekhnicheskogo universiteta. Problemy yazykoznaniya i pedagogiki*, 2017, no. 2, pp. 77–86. (In Russ.)
- Parshina O. D. [About one transformation of the precedent phenomenon “v derevnyu, k tetke, v glush, v Saratov” in the nomination of the province]. *Russkii yazyk: obrazovanie, nauka, kul'tura: Materialy mezhdunarodnoi nauchno-metodicheskoi sessii*. Moscow, Moscow State Pedagogical University Publ., 2022a, pp. 160–168. (In Russ.)
- Parshina O. D. [The precedent phenomenon “the growth up due to a province”: the issue posing]. *Aktual'nye voprosy sovremennoi filologii i zhurnalistiki*, 2020, no. 3 (38), pp. 87–96. (In Russ.)

О. Д. Паршина. Прецедентный феномен в деревню, к тетке, в глушь, в Саратов как лингвокультурно значимое...

O. D. Parshina. The Precedent Phenomenon in *derevnyu, k tetke, v glush; v Saratov* as a Linguoculturally Significant...

Parshina O. D. [Russian hinterland: the linguistic explication of the semantics of the province]. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki*, 2022b, vol. 15, no. 12, pp. 3859–3868. (In Russ.)

Parshina O. D. Semantics ambiguity: Russian linguistic world-image for “province” lexical unit. O. D. Parshina, I. V. Gurova, S. A. Gudkova. *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences: Proceedings of the International Conference “Humanity in the Era of Uncertainty” (ICHEU 2021)*, Samara, October 21–23, 2021. Vol. 119. Samara, 2021, pp. 220–227. (In Eng.)

Savchenko A. V., Khmelevskii M. S. [“Cities and villages” in Russian phraseology in the conceptual and linguo-cultural coverage]. *Mir russkogo slova*, 2020, no. 4, pp. 56–65. (In Russ.)

Serov V. *Ehntsiklopedicheskii slovar' krylatykh slov i vyrazhenii* [Encyclopedic Dictionary of winged words and expressions]. Moscow, Lokid-press Publ., 2004, 877 p.

Severskaya O. I. [Komar ‘Mosquito’ as an Inspirator and Co-author of G. R. Derzhavin, A. Parshikov, Yu. Arabov]. *Russian Speech*, 2022, no. 6, pp. 81–93. (In Russ.)

Sidorenko K. P. [«Gore ot uma» in Russian speech]. *Vestnik Gertsenovskogo universiteta*, 2009, no. 11 (73), pp. 40–45. (In Russ.)

Shcherbakova M. V., Golovina E. V. [The proportion of the golden section as the basis of a self-organizing text structure]. *Novaya nauka: Teoreticheskii i prakticheskii vzglyad*, 2017, vol. 2, no. 4, pp. 157–160. (In Russ.)

Yudina V. I. [Regional culture as an object of modern scientific discourse. On the problem of definitions]. *Obrazovanie i kul'turnoe prostranstvo*, 2020, no. 1, pp. 99–109. (In Russ.)

«Что даха даст — то и взяха возьмёт»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии

Елена Евгеньевна Серегина, Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет
(Россия, Москва), anel1974@bk.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030027

АННОТАЦИЯ: В центре внимания автора статьи диалектные слова *взяха*, *взях*, *взяхарь* и *даха*, *дах*, *дахарь*. Тематически статья делится на две части. В первой части речь идет об истории указанных слов и их представлении в лексикографических источниках. В статье обращается внимание на проблему определения слов *взяха*, *взях*, *взяхарь*, которые в областном словаре объясняются в том числе через литературные параллели ‘взяточница’ и ‘взяточник’, что противоречит исконному значению слов и смыслу пословиц. Вместе с тем приходится признать, что для современных носителей русского языка указанные слова в составе паремий осмысляются в значении ‘круговая порука, незаконное обоюдное обогащение’, ‘взяточничество’.

В статье рассматриваются различные подходы к решению вопроса о словообразовательной истории указанных слов. Согласно основным версиям, представленным в этимологических словарях и в отдельных исследованиях, элемент *х* в словах *дахарь*, *взяхарь* (и подобных им образованиях) рассматривается как интервокальная вставка. В соответствии с другой словообразовательной реконструкцией в словах выделяются два суффикса: *-х-* и *-арь* с аналогичными значениями действующего лица.

Во второй части статьи исследуются выразительные возможности слов *даха*, *взяха*, *взяхарь* в поэтическом тексте. В качестве примеров используются фрагменты из произведения «Зангези» Велимира Хлебникова и стихотворение из сборника «Наставки и умудрения» Виктора Коваля.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русская диалектная лексика, этимология, историческое словообразование, поговорки, стилистические функции диалектизмов, В. Хлебников, В. Коваль

для цитирования: Серегина Е. Е. «Что даха даст — то и взяха взяст»: отглагольные субстантивы в русских говорах и современной поэзии // Русская речь. 2024. № 3. С. 20–32. DOI: 10.31857/S0131611724030027.

Issues of Modern Russian Language

“What Dakha Gives — Vzyakha Vzyast”: Verbal Substantives in Russian Subdialects and Modern Poetry

---

Elena E. Seregina, Saint Tikhon's Humanitarian Orthodox University (Russia, Moscow),
anel1974@bk.ru

ABSTRACT: The article focuses on the dialect words *vzyaha*, *vzyah*, *vzyahar* and *daha*, *dakh*, *dahar*. Thematically, the article is divided into two parts.

The first part deals with the history of these words and their representation in lexicographic sources. The article draws attention to the problem of defining the words *vzyaha*, *vzyah*, *vzyahar*, which are explained in the regional dictionary through a literary parallel ‘bribe-taker’, which contradicts the original meaning of the words and the meaning of proverbs. At the same time, we have to admit that for modern native speakers of the Russian language, these words in the composition of proverbs are comprehended as ‘mutual cover-up’, ‘mutual illegal enrichment’ or ‘bribery’.

The article discusses various approaches to solving the problem of the word-formation history of these words. According to the main versions presented in etymological dictionaries and in separate studies, the element *h* in the words *dahar*, *vzyahar* (and similar formations) is considered as an intervocalic insert. In accordance with another word-building reconstruction, two suffixes *-h-* and *-ar-* with a homonymous meaning of the character (the subject of a speech) are distinguished in these words.

The second part of the article examines the expressive possibilities of the words *daha*, *vzyaha*, *vzyahar* in poetic texts and uses fragments from the work “Zangezi” by Velimir Khlebnikov and a poem from the collection “Guidances and sophistications” by Viktor Koval as examples.

KEYWORDS: Russian dialect vocabulary, etymology, historical word building, paremies, stylistic functions of dialectisms, V. Khlebnikov, V. Koval

FOR CITATION: Seregina E. E. “What Dakha Gives — Vzyakha Vzyast”: Verbal Substantives in Russian Subdialects and Modern Poetry. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 20–32. DOI: 10.31857/S0131611724030027.

Значения диалектных слов по данным лексикографии и НКРЯ

В 1861 году Ф. И. Буслаев писал: «Со временем областной словарь обогатится еще множеством любопытнейших данных не только для грамматики, но и для изучения народного быта. Так в калужском наречии слышатся интересные этимологические формы: *дахарь*, *взяхарь*; например, в пословице: “будешь дахарь, будешь и взяхарь”...» [Буслаев 1861: 153].

Через столетие с небольшим слова, о которых писал Ф. И. Буслаев, наряду с другими образованиями — *дах*, *взях* и *взяха* — вошли в сводный «Словарь русских народных говоров». Однако интерес к данным единицам не ограничился только областью диалектологии. Слова *даха*, *взяха*, *дахарь* используются в поэтических текстах XX и XXI вв., сочетающих фольклорную тематику и экспериментальное начало. При этом данные слова максимально ярко раскрывают свой семантический потенциал, более того, они выполняют роль языкового триггера для образования структурно близких к ним окказионализмов.

Обратим внимание, что указанные диалектные слова территориально ограничены смоленскими и калужскими говорами, они фиксируются в некоторых региональных словарях и сборниках пословиц. Обращались ли поэты к этим изданиям или слова случайным образом были взяты из звучащей речи? Не исключена вероятность, что *даха*, *взяха*, *дахарь* являются

результатом авторского словотворчества. Однозначно ответить на эти вопросы не представляется возможным. Для нас интересно было соединить две разные по задачам и материалу части статьи, обозначив как связующее звено общую для говоров и поэзии лексику¹. В соответствии с этим в отношении лексических единиц *даха*, *взяха*, *дахарь* вне зависимости от их происхождения, а по факту общности употребления в диалектах и поэзии при анализе текстов применяются термины *диалектное слово* и *народное слово*.

Остановимся на описании семантики диалектных единиц в «Словаре русских народных говоров» (далее — СРНГ):

«**Взях**, а, м. Взяточник, тот, кто берет что-либо от кого-либо. *Будь взях, будь и дах* (пословица). **Смол.**, 1853. **Взя́ха**, и, ж. Взятчи́ца. *Взя́ха любит даху. Будь взяхой, будь и дахой* (пословица). Даль [без указ. места]. **Взя́харь**, я, м. То же, что взях. *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* (пословица). **Калуж.**, 1852. *Много взяхарей, мало дахарей* (пословица). Даль [без указ. места]» [Филин (гл. ред.) 1969: 272].

«**Дах**, а, м. Тот, кто дает что-либо другому. *Будь взях, будь и дах*. **Смол.**, 1914. **Да́харь**, я, м. Тот, кто дает или дарит что-либо. *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* (пословица). **Калуж.**, 1852» [Филин (гл. ред.) 1972: 279].

Слова *взях*, *взяха* и *взяхарь* в СРНГ объясняются через литературные параллели 'взяточник' и 'взятчи́ца'. Для существительных мужского рода приводится уточнение — 'тот, кто берет что-либо от кого-либо'. Для существительного женского рода *взяха* оно отсутствует. Принятое толкование диалектизмов (с учетом современного значения слов *взяточник* и *взятчи́ца*) требует корректировки, так как противоречит цитатному материалу. Паремическая семантика в этом случае искажается, и вместо совета *Будь взяхой, будь и дахой*, то есть 'Если берешь (занимаешь), то и давай (отдавай)' получаем назидание, как будто мотивирующее к даче взятки тех, кто ее берет. А пословица *Много взяхарей, мало дахарей* выглядит как свидетельство о дисбалансе между теми, кто берет взятки, и теми, кто их дает (не в пользу последних), тогда как смысл изречения определенно в другом: 'Много тех, кто берет (занимает), но мало тех, кто готов давать (отдавать)'.

Отметим, что в СРНГ значения слов *взяхарь* и *взяха* иллюстрируются в том числе примерами из словаря В. И. Даля, у которого семантика соответствующих лексем не объясняется посредством слов *взяточник* и *взятчи́ца*: «**Взя́харь** м., **взя́ха** об. пртвп. *да́харь*, *даха*, кто берет что,

¹ Выражаем благодарность анонимному рецензенту, который обратил внимание на этот и другие вопросы, способствовавшие доработке статьи.

занимает» [Даль 1994: 482]. Релевантность дефиниции подтверждается содержательно близкими пословицами, которые приводятся в этой же словарной статье: *Люби взять, люби и отдать; Умей взять, умей и отдать; Не думай, как бы взять, а думай, как бы отдать*. Приходится признать, что для толкования диалектных слов сложно найти в литературном языке соответствующие однословные единицы (а не развернутые описания) той же частеречной принадлежности, которые были бы и выразительны, и общеупотребительны.

Справедливости ради надо отметить, что некоторые из представленных диалектных слов, а также пословицы, в составе которых они употребляются, уже в XX веке осмысляются в связи с темой круговой поруки.

Так, в словаре М. И. Михельсона «Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний» пословица *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* представлена в одном разделе с выражениями *Рука руку моет*, т. е. ‘услуга за услугу’; *Лапа в лапу живут* (друг друга кроют). Общий смысл всех выражений в словарной статье трактуется как ‘пойти на компромисс’ [Михельсон 1912: 758]. Иными словами, все пословицы объединяет тема незаконной обоюдной поддержки. Однако обратим внимание, что в издании «Пословицы русского народа» В. И. Даля выражения *Взяха любит даху* и *Будь взяхой, будь и дахой!* помещены в тематический раздел «Займы» [Даль 1879: 15], а пословица *Будешь дахарь, будешь и взяхарь* в словарной статье объясняется следующим образом: ‘Давай людям, и тебе дадут’ [Даль 1994: 1029].

Необходимо обратить внимание на «Словарь смоленских говоров», так как анализируемая лексика широко распространена на смоленских территориях (Демидовский, Починковский, Ельнинский и другие районы). Слово *взяха* в данном издании, помимо значения ‘принимающий, берущий от кого-либо’, имеет и значение ‘взяточник’, при этом иллюстрирующий материал представляет запись непосредственной речи носителей диалекта: *У яго биз взятки ни палучиш — узяха ни прыжывеь нийде биз узятки* [Иванова (ред.) 1980: 53]. Значение ‘взяточник’, как кажется, могло развиваться позже. Так, в «Смоленском областном словаре», изданным ранее (в 1914 г.) В. Н. Добровольским, *взях* представлено только в исконном значении (‘берущий’) и в составе пословицы, а слово *взяха* вообще не фиксируется [Добровольский 1914: 67].

В связи с историей значения исследуемых слов обратимся и к «Словарю русских говоров Белоруссии», который базируется на материале южнорусских говоров старинных русских селений Ветковского и Добрушского районов Гомельской области. В словарных статьях «ВЗЯ́ХА» и «ДА́ХА» интересны два момента. Во-первых, носители говора делают важное уточнение о древнем происхождении слов: «А чилавек дахъ — эта што усё ўсем даёть.

*А нидаха ни чаво ни даётъ. Так у стърину гъварили» (выделено нами. — Е. С.) [Манаенкова 1989: 50]. Во-вторых, слово *взяха* все-таки содержит некоторую степень выраженности негативной коннотации: «Узяха — гъвор'ять: яна любить толькь узять, узяха какая» [Манаенкова 1989: 26].*

Обратимся к функционированию данных слов в русском литературном языке и рассмотрим их значение в современных текстах. В газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка зафиксировано два примера с пословицей *Взяха любит даху*, она употребляется в контекстах в связи с темой взяточничества. В первом примере речь идет об инициативе внедрить практику доноса на потенциального взяткодателя, а в качестве поощрения предполагается выдавать премию в размере взятки: *При таком отношении к чести мундира министерская инициатива может спровоцировать обратный эффект: хапуги начнут принуждать «клиентов», чтобы те предложили им взятку. А потом «настучал» коллегам и по закону получил свое. Как гласит русская пословица: *взяха любит даху*... [Ухов Евгений. ПРЕМИЯ В РАЗМЕРЕ ВЗЯТКИ // Труд-7, 2003.05.29].* Второй пример предваряется авторским комментарием, из которого очевидно, что пословица извлекается из народной речи: «Предлагаемые читателю балагурщины, бывальщины, досюльщины, завиральщины и озорные разговоры, — плоды моего собирательства. С раннего детства я живу в атмосфере незлобивых нравов и простодушной русской речи». — *Ежели я дам те пять рублей и голову сахара, поможешь мне? — Не обещаю, но почто же не попробовать. Тем паче, по глазам твоим вижу, что ты хочешь мне дать впридачу и тулуп из овчины. Взяха любит даху! — Точноть! Ты угадал: на большом месте сидеть, надо много иметь, а кому много дано, тому много дают* [Сысоев Вячеслав. ШУТОЧКИ «ОТ СОХИ» // Труд-7, 2002.01.19].

Итак, очевидно, что диалектные слова, особенно *взях*, *взяха* и пословицы с ними, с течением времени переосмысливались. Каким образом это могло происходить?

Слова *взяха* и *даха* в составе идиом участвуют в формировании общего понятия 'обладание чем-либо', то есть можно дать то, что имеешь (быть *дахой*), или взять то, что есть у другого (стать *взяхой*). Это значение в дальнейшем осложняется новым семантическим оттенком: 'взять или отдать что-либо, но за услугу'. На изменение первоначального смысла выражений могло оказывать значение общеупотребительных слов *взятка*, *взяточник*, *взяточница*. К тому же в семантической структуре предложения *Взяха любит даху* значение глагола-предиката, отношение субъекта к объекту направляют современного носителя русского языка к осмыслению выражения как 'Тот, кто берет взятки, любит того, кто их дает'. Именно это значение пословицы стало доминировать и нашло отражение в словарях, пособиях, некоторых научных работах и СМИ.

Грамматическая характеристика слов *взяха* и *даха*: категория рода

В русских говорах фиксируются слова, обозначающие лиц, незаконно получающих выгоду — взяточников, при этом в качестве примеров используются непосредственные записи живой разговорной речи носителей говора. Так, в областных словарях отмечены лексемы *взя́тчик* и *взя́тник*: *Никита Никитыч взя́тчик был* (Калуж.) [Филин (гл. ред.) 1969: 271]; *Взя́тник о́н, лю́бит подáроцьки* (Холм.) [Гецова (ред.) 1985: 77]. Обратим внимание, что существительные *взя́тчик* и *взя́тник* относятся к мужскому роду, имен женского рода со значением ‘взяточница’ указанные словари (в отличие от словарей современного литературного языка) не фиксируют! Это можно объяснить тем, что в народной речи на уровне лексики отражается традиционное представление о роли женщины в обществе: она не ассоциируется с лицом, занимающим руководящую должность и потенциально способным к получению взятки. В связи с этим возникает вопрос о родовой принадлежности существительных *взяха* и *даха*.

Напомним, что слово *даха* входит в цитатный материал, но не представлено в отдельной статье СРНГ, тогда как *взяха* определяется как существительное женского рода. Между тем в говорах фиксируются аналогичные по способу образования, типу склонения и наличию оценочного компонента существительные: *неда́ха* ‘скупой человек, отказывающий в помощи, избегающий трат, издержек, расходов’ (Опоч. Пск., Твер.); *бахá* (бранно) ‘человек, совершающий бесстыдные поступки, ведущий непристойные разговоры; похабник’ (Онеж. Арх.); *валя́ха* ‘ленивый человек, лентяй, лентяйка’; ‘неряха’; ‘пьяница’ (Твер.); *сна́ха* ‘тот, кто долго спит, соня’ (Тихв. Новг.) [Филин (гл. ред.) 1986: 9; 1966: 152; 1969: 36; Сороколетов (гл. ред.) 2006: 124]. Все перечисленные выше существительные в статьях СРНГ имеют грамматическую помету «м. и ж.», то есть они определяются как имена общего рода. На наш взгляд, слова *взяха* и *даха* также целесообразно отнести к существительным общего рода, несмотря на то что ни одна из пословиц не показывает согласованные определения с данными существительными, то есть контекстов, синтаксически подтверждающих мужской или женский род, нет.

Словообразовательная история слов

Обратимся к вопросам словообразовательной истории рассматриваемых диалектизмов. Наиболее спорным для реконструкции существительных *взяхарь* и *дахарь* является элемент *-х-*. П. Я. Черных, описывая этимологию деривационно близкого слова *знахарь*, указывает на два суффикса:

-х- экспрессивного характера и суффикс *-ар-ь*, т. е. *зна-х-ъ > *зна-х-арь* [Черных 2007: 327].

Согласно другой точке зрения, представленной Н. М. Шанским, *х* является интервокальным элементом: *знахарь* образовано с помощью суффикса *-арь* от *знати* (вместо *зна-арь*) так же, как *жить* — *жихарь* 'житель', *баять* — *бахарь* 'болтун' [Шанский 1975: 101]. Такой же позиции придерживался и Ф. И. Буслаев: суффикс *-арь* использовался «для означения лица действующего <...> с присовокуплением *х*: *-харь*: *зна-ть* *зна-харь*, *ба-я-ть* *ба-харь*; обл. *да-харь*, *взя-харь*, от *да-ть*, *взя-ть*...» [Буслаев 1959: 123]. Словообразовательную реконструкцию с двумя суффиксами *-х-* и *-арь* (*знать* — *знаха* — *знахарь*) Н. М. Шанский считал менее убедительной, «так как *nomina agentis* на *-арь* не образуются от слов, уже имеющих знач. деятеля» [Шанский 1975: 101–102]. Вместе с тем примеры из «Словаря русских народных говоров» — *да́харь*, *взя́харь*, *ба́харь* 'говорун, краснобай', *пе́харь* 'певец', *жи́харь* 'житель' свидетельствуют о возможности образования диалектных слов с помощью двух суффиксов, при этом суффикс *-х-* имеет древнее происхождение. Об этом писал А. М. Селищев: формант *-ch-* активно использовался в доисторическую эпоху в именном словообразовании «для уменьшительного или увеличительного значения», в других случаях (в глаголах) служил «суффиксальным элементом в выражении эмоциональности» [Селищев 1952: 76]. В качестве примеров, образованных по данной модели, А. М. Селищев приводит ряд существительных из славянских языков, например: русск. *полох*, южн.-сл. *plachъ*; чешск. *kmoch* (*kmotr* 'кум'); болг., сербск. *сиромач*; русск. *шорох* и др.

Как пишет Л. И. Шелепова, «присоединение к некоторым именам со значением лица, образованным с помощью суф. *-АХ-*, суффикса *-АРЬ* обусловлено стремлением подчеркнуть, выразить более ярко значение *nomina agentis*» [Шелепова 1979: 128]. Таким образом, последовательность присоединения двух суффиксов *-х-* и *-арь* в словах *взяхарь* и *дахарь*, а также в образованиях, подобных им, имеет свою логику.

Что касается существительных *взяха* и *даха*, которые следует квалифицировать как имена общего рода, то они образованы от глагольной основы при помощи суффикса *-х(а)*. В современном русском языке им соответствуют слова разговорного или просторечного характера с морфами *-х(а)/-ох(а)*: *растеряха*, *завироха*, *побираха*, *выпивоха*. Данный тип ограничен образованиями от префиксальных глаголов на *-терять*, *-вирать*, *-бирать* и *-пивать* [Шведова (гл. ред.) 1982: 152]. В говорах данная словообразовательная модель обладает более высокой степенью продуктивности, при этом мотивирующими являются не только префиксальные, но и бесприставочные глаголы: *спаха* < *спать*, *баха* < *баять*, *знаха* < *знать*.

Не менее интересными с точки зрения происхождения являются слова *взях* и *даха*. Данная словообразовательная модель — отглагольное существительное мужского рода со значением лица, образованное при помощи суффикса *-х*, неизвестна литературному языку, но в говорах такие слова не единичны: *бах* ‘говорун, краснобай’ (Холмог. Арх), ‘хвастун’ (Мурман.); *валях* ‘лентяй’; ‘неопрятный человек, неряха’ (Твер.), *грах* ‘прозвище шумливого крестьянина’ (Новг.) [Филин (гл. ред.) 1966: 151; 1969: 36; 1972: 118].

Слова *взяха*, *даха* и *дахарь* в поэтических текстах XX–XXI вв.

Примеров использования исследуемых слов в современной поэзии немного, но все они служат созданию нетривиальных и вместе с тем отличных друг от друга образов. В журнале «Новый мир» в 2017 году были опубликованы стихи Виктора Ковалёва под общим названием «Наставки и умудрения». Приведем одно из стихотворений полностью [Ковалёв 2017: 121].

Блюди даху свою.
 Что даха даст — то и взяха возьмёт.
 А ты выпестуй зижду —
 вот радость!

Даху и взяху — превозмоги через невозможу.
 Превозневозмоготу зижда воззиждется!

Употребление диалектных слов *даха* и *взяха* соответствует названию сборника «Наставки и умудрения» — это отсылка к фольклору. Автор предлагает читателю подобие паремии, но поэтической, в развернутом формате и, вероятно, рожденной из личного опыта. Шутливый тон задается сочетанием диалектных (*даха*, *взяха*) и окказиональных слов (*зижда*, *невозмога*, *превозневозмога*), а поучение оформляется императивами (*блюди*, *выпестуй*, *превозмоги*). В отношении слов *даха* и *взяха* интересны два момента.

Во-первых, их позиция в начале текста и в качестве одной из содержательных доминант как бы запускает механизм создания окказионализмов по аналогии к народному слову. *Зижда*, *превозневозмога*, *невозмога* — все эти существительные, так же как *даха* и *взяха*, связаны с глаголами, относятся к одному типу склонения и морфологическому роду. При этом все они соседствуют с однокорневыми глаголами: *даха даст*; *взяха возьмёт*; *превозмоги через невозможу*; *зижда воззиждется*. Эта особенность создается в фольклорных текстах эффект «глагольно-именного перетекания»: «...Граница между сферой имени и сферой глагола <...> не является столь

непреложной, как в нормированном литературном языке, она может размываться и преодолеваться, а имя и глагол в семантическом и функциональном плане не противопоставляются друг другу, а образуют некий единый смыслопорождающий ресурс» [Толстая 2015: 376].

Во-вторых, семантика слов *даха* и *взяха* в стихотворении переосмыслена. Существительные сохраняют значение производителя действия, названного мотивирующим глаголом — *даха даст*, *взяха взяст*, но вместе с тем очевидно, что речь идет и об отвлеченных понятиях, неких возможностях человека. Таким образом, *даха* — это 'кто дает что-либо' и одновременно 'способность дать', а *взяха* — это 'кто берет что-либо' и 'приобретение', а может быть, и своеобразный отклик, отдача. Вот почему стихотворение начинается с «умудрения»: «Блюди даху свою», то есть 'Обращай внимание на то, что способен дать, остерегайся'. *Даха* и *взяха* контрастируют со словом *жижда*, в соответствии с этим идея обладания и отдачи противопоставлена понятию созидания и устройства: «А ты выпестуй жижду — вот радость!».

Преломляясь через мировоззренческую призму автора, слова *даха* и *взяха* в экспериментальном тексте с ярким фольклорным началом становятся частью новых паремий с новыми смыслами: «Блюди даху свою» — 'Будь внимателен к тому, что можешь дать'; «Что даха даст — то и взяха взяст» — 'То, что отдашь, то и будет принято', а с расширением смысла, надо полагать, может прочитываться следующим образом: 'таким и будет ответ'.

Слово *дахарь* встречается в «сверхповести» В. Хлебникова «Зангези». Приведем фрагмент из песни прощания, которая посвящена покидающим землю старым богам: *Крылом белоснежные махари, Полета усталого знахари, Сияны веянами дахари* [Хлебников 1922: 16]. Первые две строки стихотворения семантизируются, для последней строки требуется «перевод» с «заумного» языка на литературный: *сияны* можно понимать как грамматический намек на причастие; словоформу *веянами*, вероятно, следует интерпретировать как существительное в форме твор. п. мн. ч. Если передать смысл строк в нормативной грамматике, но с потерей звукописи и поэзии языка, то можно предложить такую трактовку: *дахари* (те, кто дают, дарители) *сияны* (осиянные) *веянами* (веющими крыльями).

Следует обратить внимание на рифмующиеся слова *махари*, *знахари*, *дахари*. Существительное *махари* созвучно последующим единицам и образовано по общей с ними модели. Слово *знахарь* Хлебников использует в значении, приближенном к исконному: 'тот, кто знает дело', 'знаток', а в контексте — 'тот, кто обладает высшим знанием', ведь речь идет о богах. С близкой семантикой слово сохранилось и в русских говорах: *знáхарь*, 'тот, кто много знает, знаток'. Слов. Акад. 1847 [с пометой «стар.»].

Вят., 1847 [Филин (гл. ред.) 1976: 314]. В литературном языке *знахарь* употребляется в значении 'лекарь-самоучка' [Шведова (отв. ред.) 2011: 281]. Как пишет П. Я. Черных, это значение более позднее, «установившееся, возможно, лишь в 1-й пол. XIX в.» [Черных 2007: 327]. Последнее из рифмующихся слов *дахари* обозначает тех, кто одаривает; как уже было сказано, в стихотворении В. Хлебникова это боги. Показательно, что и.-е. корень слова *бог* *bhag- имел значение 'наделять', 'раздавать' [Черных 2007: 98], тем самым образ богов как знахарей и дахарей в поэтическом контексте вырастает и переплетается в глубинной семантике разных корней.

Вывод

Справедливость слов Ф. И. Буслаева о «множестве любопытнейших данных» русских говоров доказана самой историей слов *взяха*, *взях*, *взяхарь* и *даха*, *дах*, *дахарь*. Они являются древними образованиями, но не фиксируются в исторических словарях, а в говорах представлены ограниченно. Несмотря на это в современном литературном языке данные слова и пословицы с ними занимают свою нишу, изучаются с научных позиций и творчески перерабатываются в поэтическом языке, а именно: с их помощью решаются версификационные задачи, максимально используются их выразительные возможности и смысловой потенциал.

Источники

Даль В. И. Пословицы русского народа: Сб. пословиц, поговорок, речений, присловий, чистоговорок, прибауток, загадок, поверий и проч. 2-е изд., без перемен. Т. 1–2. СПб., М.: М. О. Вольф, 1879. Т. 2. 638 с.

Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: «Прогресс», Изд. фирма «Универс», 1994. Т. 1. 1744 стлб.

Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск: тип. П. А. Силина, 1914. 1022 с.

Хлебников В. Зангези. М., 1922. 35 с.

Литература

Буслаев Ф. И. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1959. 623 с.

Буслаев Ф. И. Исторические очерки русской народной словесности и искусства. Т. 1–2. СПб.: Д. Е. Кожанчиков, 1861. Т. 1. 643 с.

Гецова О. Г. (ред.). Архангельский областной словарь. Вып. 4. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1985. 159 с.

- Иванова А. И. (ред.). Словарь смоленских говоров. Вып. 2. Смоленск: Смол. пед. ин-т им. Карла Маркса, 1980. 116 с.
- Коваль В. С. Наставки и умудрения // Новый мир. М.: Редакция журнала 2017. № 6 (1106). С. 116–121.
- Манаенкова А. Ф. Словарь русских говоров Белоруссии: Ветков. и Добруш. р-ны Гомел. обл. Минск: Университетское, 1989. 231 с.
- Михельсон М. И. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии: сборник образных слов и иносказаний. Посмертное изд. СПб.: Тип. АО «Брокгауз — Ефрон», 1912. 1046 с.
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. URL <https://ruscorpora.ru> (дата обращения: 01.07.2023).
- Селищев А. М. Старославянский язык. Ч. I–II. М.: Учпедгиз, 1951–1952. Ч. II. 206 с.
- Сороколетов Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. Вып. 40. СПб.: Наука, 2006. 346 с.
- Толстая С. М. Образ мира в тексте и ритуале. М.: Ун-т Дмитрия Пожарского, 2015. 527 с.
- Филин Ф. П. (гл. ред.). Словарь русских народных говоров. М., Л.: Наука, 1965–. Т. 2. 1966. 315 с.; Т. 4. 1969. 355 с.; Т. 7. 1972. 355 с.; Т. 11. 1976. 363 с.; Т. 21. 1986. 360 с.
- Черных П. Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: в 2 т. 8-е изд., стереотип. М.: Рус. яз. Медиа, 2007. Т. 1. 621 с.
- Шанский Н. М. (ред.). Этимологический словарь русского языка. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1963–. Т. II. Вып. 6. 1975. 124 с.
- Шведова Н. Ю. (гл. ред.) Русская грамматика: в 2 т. М.: Наука, 1982. Т. I. 783 с.
- Шведова Н. Ю. (отв. ред.). Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов. М.: Азбуковник, 2011. 1175 с.
- Шелепова Л. И. Диалектная словообразовательная модель и этимология // Вопросы словообразования в индоевропейских языках: межвузовский сборник. Томск: Издательство Томского университета, 1979. Вып. 3. С. 122–131.

References

- Buslaev F. I. *Istoricheskaya grammatika russkogo yazyka* [Historical grammar of the Russian language]. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1959. 623 p.
- Buslaev F. I. *Istoricheskie ocherki russkoi narodnoi slovesnosti i iskusstva* [Historical essays on Russian folk literature and art]. Vol. 1–2. St. Petersburg, D. E. Kozhanchikov Publ., 1861. Vol. 1. 643 p.
- Chernykh P. Ya. *Istoriko-etimologicheskii slovar' sovremennogo russkogo yazyka: v 2 t.* [Historical and etymological dictionary of the modern Russian language: in 2 vols]. 8nd ed. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 2007. Vol. 1. 621 p.

- Filin F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Moscow, Leningrad, Nauka Publ., 1965–. Vol. 2. 1966. 315 p.; Vol. 4. 1969. 355 p.; Vol. 7. 1972. 355 p.; Vol. 11. 1976. 363 p.; Vol. 21. 1986. 360 p.
- Getsova O. G. (ed.). *Arkhangel'skii oblastnoi slovar'* [Arkhangelsk regional dictionary]. Vol. 4. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1985. 159 p.
- Ivanova A. I. (ed.). *Slovar' smolenskikh govorov* [Dictionary of Smolensk dialects]. Vol. 2. Smolensk, SSPI Publ., 1980. 116 p.
- Koval' V. S. [Instructions and wisdom] *Novyi mir. Ezhe mesyachnyi zhurnal khudozhestvennoi literatury i obshchestvennoi mysli* [A new world. A monthly magazine of fiction and social thought]. Moscow, Editorial board of the magazine, 2017, no. 6 (1106), pp. 116–121.
- Manaenkova A. F. *Slovar' russkikh govorov Belorussii* [Dictionary of Russian dialects of Belarus]. Minsk: Universitetskoe Publ., 1989. 231 p.
- Mikhel'son M. I. *Russkaya mysl' i rech'. Svoe i chuzhoe. Opyt russkoi frazeologii: sbornik obraznykh slov i inokazanii* [Russian thought and speech. Yours and someone else's. The experience of Russian phraseology: a collection of figurative words and allegories]. St. Petersburg, "Brokgauz – Efron" Publ., 1912. 1046 p.
- Natsional'nyi korpus russkogo yazyka* [Russian National Corpus]. Available at: <https://ruscorpora.ru> (accessed: 01.07.2023).
- Selishchev A. M. *Staroslavianskii yazyk* [Old Slavonic language]. Part I–II. Moscow, Uchpedgiz Publ., 1951–1952, part II. 206 p.
- Shanskii N. M. (ed.). *Ehtimologicheskii slovar' russkogo yazyka* [Etymological dictionary of the Russian language]. Moscow, Moscow Univ. Publ., 1963–. Vol. II. Iss. 6. 1975. 124 p.
- Shelepova L. I. [Dialect word-formation model and etymology]. *Voprosy slovoobrazovaniya v indoevropeskikh yazykakh* [Questions of word formation in Indo-European languages]. Tomsk, Tomsk Univ. Publ., 1979. Iss. 3, pp. 122–131. (In Russ.)
- Shvedova N. Yu. (ch. ed.). *Russkaya grammatika: v 2 t.* [Russian grammar: in 2 vols]. Moscow, AS USSR, Nauka Publ., 1982. Vol. I. 783 p.
- Shvedova N. Yu. (resp. ed.). *Tolkovyy slovar' russkogo yazyka s vklucheniem svedenij o proishozhdenii slov* [Explanatory dictionary of the Russian language with the inclusion of information about the origin of words]. Moscow, Azbukovnik Publ., 2011. 1175 p.
- Sorokoletov F. P. (ch. ed.). *Slovar' russkikh narodnykh govorov* [Dictionary of Russian dialects]. Vol. 40. St. Petersburg, Nauka Publ., 2006. 346 p.
- Tolstaya S. M. *Obraz mira v tekste i rituale* [The Image of the World in Text and Ritual]. Moscow, Dmitrii Pozharskii Univ. Publ., 2015. 527 p.

Еще раз о частеречной характеристике термина¹

Сергей Дмитриевич Шелов¹, Татьяна Дмитриевна Четверикова², Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН (Россия, Москва), volehs@mail.ru¹, tchetverikova@mail.ru²

DOI: 10.31857/S0131611724030039

аннотация: В статье рассматриваются две точки зрения на частеречную характеристику термина. Одна из них состоит в том, что термин может быть выражен только существительным или субстантивным словосочетанием, т. е. словосочетанием, в котором синтаксически главным словом выступает существительное. Такая точка зрения основывается, во-первых, на том, что именно существительное обладает широкими семантическими возможностями и способно передать суть терминологических наименований, а во-вторых, на анализе реальных терминологических словарей, в которых входной единицей чаще всего выступает именно существительное. Другая точка зрения состоит в том, что термин может быть выражен далеко не только существительным, и современная лексикографическая практика это подтверждает. Авторы последовательно приводят примеры, подтверждающие, что языковая специфика термина не может быть ограничена его выраженностью только именем существительным. Так, например, прилагательные *техногенный*, *церебральный*, *ювенольный* и др. не являются производными от каких-либо субстантивов, которые теоретически могли бы быть, но пока таких существительных нет ни в словарях, ни в каких-либо

¹ Краткие тезисы данной работы в виде доклада были представлены теми же авторами на Всероссийском круглом столе «Современное терминоведение: традиции и перспективы развития», посвященном памяти Владимира Моисеевича Лейчика (состоявшемся 10 ноября 2023 года в Одинцовском филиале МГИМО МИД России, г. Одинцово, Россия) (плейлист с записями указанного мероприятия: <https://rutube.ru/plst/339646/>).

соответствующих текстах (ср. *техногенный* — *техногенность** или *техногения**, *церебральный* — *церебральность**, *церебрал**, *ювенальный* — *ювенальность** или *ювенал**). Подобные прилагательные выступают самостоятельными терминами и выражают определенные понятия в соответствующей науке. Таким образом, авторы утверждают, что термин может быть выражен не только существительным, но и прилагательным, и глаголом.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: термин, часть речи, терминологический словарь, субстантивированная/несубстантивированная лексическая единица

для цитирования: Шелов С. Д., Четверикова Т. Д. Еще раз о частеречной характеристике термина // Русская речь. 2024. № 3. С. 33–41. DOI: 10.31857/S0131611724030039.

Issues of Modern Russian Language

Once Again on the Term Characteristics as Parts of Speech

Sergei D. Shelov¹, Tatyana D. Chetverikova², Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), volehs@mail.ru¹, tchetverikova@mail.ru²

ABSTRACT: The article examines two views on the terms as parts of speech. One of them suggests that a term can be expressed only by a noun or a substantial word combination, i. e. by a phrase which has a noun as syntactically most principal word. This point of view is based, first, on the fact that it is the noun that has broad semantic capabilities and is able to convey the essence of terminological names, and, second, on the analysis of real terminological dictionaries, in which noun is the most often input unit. Another point of view is that the term can be expressed not only by a noun or substantial word combination, and modern lexicographic practice seems to confirm this. The authors consistently provide examples confirming that linguistic specificity of the term cannot be limited by its expression only by nouns. For example, the adjectives technogenic, cerebral, juvenile, etc. are not derived from any substantive, which theoretically could have been the case, but so

far there are no such nouns either in dictionaries or in any relevant texts (technogenic — technogenicity* or technogeny*, cerebral — cerebrality*, cerebral*, juvenile — juvenality* or juvenile*). Such adjectives act as independent terms and express certain concepts in the relevant science. Thus, the authors argue that the term can be expressed not only by a noun, but also by an adjective and a verb.

KEYWORDS: term, part of speech, terminological dictionary, substantive/unsubstantiated lexical unit

FOR CITATION: Shelov S. D., Chetverikova T. D. Once Again on the Term Characteristics as Parts of Speech. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 33–41. DOI: 10.31857/S0131611724030039.

В отечественной терминологии не раз поднимался вопрос о грамматической выраженности термина. Ряд ученых придерживаются мнения о том, что термин может быть выражен только существительным или субстантивным словосочетанием, т. е. словосочетанием, в котором синтаксически главным словом выступает существительное [см., напр., Винокур 1939: 13–14; Реформатский 1986; Щеглова 1968 и др.]. Действительно, как подмечает В. М. Лейчик, «предпочтение существительным и именным словосочетаниям в сфере терминов отдается потому, что главной функцией терминов является номинативная, репрезентативная; в роли же названия (имени) объекта по большей части и выступают существительные» [Лейчик 2009: 59]. Однако, говоря о частеречной характеристике термина, необходимо отметить, что всегда были терминологи и языковеды, которые полагали, что субстантивность — не единственная форма существования термина и что термин может быть выражен не только именем существительным. Так, например, Д. С. Лотте считал, что к терминам можно относить и некоторые глаголы [Лотте 1961: 158], а также прилагательные и наречия. Того же мнения придерживается и В. П. Даниленко [Даниленко 1971; 1973; 1977]. В современном терминоведении такая точка зрения является преобладающей и все чаще прослеживается в ряде работ [Бурсина 2013: 59–62; Данькова, Загоровская 2018: 36–39; Мякишин 2009: 113; Шелов 2003: 18–21 и др.].

Нас, однако, будет интересовать обоснование этой точки зрения, а не простая ее констатация. В самом деле, почему все-таки положение об исключительно субстантивной форме существования термина является

несправедливым? Почему настоятельно необходимо допускать существование также и терминов-глаголов, и терминов-прилагательных?

Как представляется, имеется два ряда аргументов в пользу этого утверждения. Первый ряд имеет скорее практический характер и сводится к учету словариков реальных терминологических словарей. Включаются или не включаются в терминологические словари несубстантивные лексические единицы? Если да, то это аргумент в пользу допущения несубстантивных форм терминологии, если нет, то это аргумент в пользу отсутствия в терминологии несубстантивных форм терминов. Второй ряд доводов в пользу существования несубстантивных терминов является более теоретическим. Так, для признания справедливости этого тезиса достаточно привести несубстантивные примеры явно терминологического характера, для которых вообще не существует соотносящихся с ними однокорневых субстантивных лексических единиц, которые сохраняли бы специально-понятийное содержание несубстантивных коррелятов.

Обратимся сначала к доводам первого рода.

Так, например, в известном Словаре-справочнике лингвистических терминов Д. Э. Розенталя, М. А. Теленковой (2001) входной единицей могут быть не только существительные или именные словосочетания, но и прилагательные, при этом некоторые прилагательные входят в состав терминологического именного словосочетания, но все равно требуют самостоятельной словарной статьи, например наряду с устойчивыми терминологическими словосочетаниями *разговорная лексика*, *разговорная речь*, *разговорный стиль* есть и вокабула (входная единица) *разговорный* или *эмоциональная лексика* и *эмоциональные междометия*, но есть отдельная словарная статья для прилагательного *эмоциональный*.

Имеются случаи, когда наряду с существительным дается отдельная словарная статья для его производного, выраженного именем прилагательным, например: *окказионализм* — *окказиональный*, *просодия* — *просодический*, *узуз* — *узуальный* и др. На наш взгляд, необходимость использования в качестве входного слова имени прилагательного обусловлена тем, что значение прилагательного настолько расширяет свои горизонты, что выходит за рамки только характеристики существительного и, таким образом, становится самостоятельным термином. Довольно много случаев, когда прилагательные являются основным и единственным входным словом (не субстантивируясь и не входя ни в какое именование словосочетание, которое было бы входной единицей в упомянутом Словаре), например: *автосемантический*, *временной*, *имплицитный*, *маркированный*, *обиходный*, *партитивный*, *пейоративный*, *предударный*, *препозитивный*, *сигнификативный*, *устаревший*, *эксплицитный*, *экстралингвистический* и др. [Розенталь, Теленкова 2001]. Интересна в этой связи мысль О. А. Бурсиной

о том, что «терминологизация имен прилагательных приводит к изменению лексико-грамматических и лексико-семантических свойств: утрачиваются оттенки качественности, приобретаются семантико-морфологические свойства относительных прилагательных, следствием чего становится невозможность образования степеней сравнения и краткой формы» [Бурсина 2013: 60].

Термины, выраженные глаголом, также все чаще становятся входной единицей в современных терминологических словарях. Так, можно привести примеры терминов-глаголов, которые невозможно субстантивировать без потери специального значения, и вряд ли стоит к этому стремиться при составлении терминологических словарей:

артикулировать... (журн.) 'Ясно, четко и недвусмысленно сформулировать (формулировать) что-либо'²;

баллотироваться... (полит.) 'Участвовать в конкурсе на занятие какой-либо ответственной высокой должности (депутата, мэра и т. п.)';

брать... (охот.) 'Ловить на охоте';

взломать (ломать)... (инф.) 'Незаконно проникнуть (проникать) в защищенные компьютерные программы, файлы, компьютерные сети';

лечь... (авиа., мор.) 'Принять какое-либо положение морского или воздушного судна, а также взять какое-либо направление (морского или воздушного судна)';

обложить... (охот.) 'Окружить (зверя) при охоте';

отдать... (мор.) 'Отвязать, отпустить, ослабить что-либо на морском судне';

отчалить... (мор.) 'Отвязать, освободить (трос, причал)';

строить... (мат.) 'Изображать на основании некоторых данных геометрические фигуры, графики, функции и т. п.';

уронить... (экон.) 'Понизить, опустить (цену на что-либо, курс чего-либо)'.

По справедливому замечанию В. П. Даниленко, термин-глагол дает более суженное по объему по сравнению с именем понятие конкретного процесса, явления, описываемого в данной конкретной ситуации. Тот же автор указывает, что «терминами можно считать такие глаголы, которые... именуют важное основное понятие науки, называют основные процессы данной дисциплины» [Даниленко 1973: 82]. В работе одного из авторов этой статьи в связи с обсуждаемой темой утверждается следующее: «В терминологическом словаре, ориентированном на понятийную, семантическую систему данной области знания, нет необходимости

² Здесь и далее толкования даны в авторской редакции.

иметь “на входе” во что бы то ни стало именные формы, а тем более — все именные формы: достаточно определить лишь ту форму терминологического выражения, которая требует своей дефиниции в данной предметной области <...> Таким образом, тезис о том, что термин — это всегда либо существительное, либо субстантивное словосочетание, вряд ли может быть принят для установления языковой специфики термина» [Шелов 2003: 19–21].

Теперь обратимся к доводам второго рода. В ходе разработки Словаря лексики терминологического и профессионального характера, о котором сообщалось в публикациях [Шелов, Четверикова 2019; 2022 и др.], мы обратили внимание на следующие лексические единицы:

выморочный... (юрид.) ‘Оставшийся без хозяина после смерти владельца, не имевшего наследника или приемника’;

квантитативный... (спец.) ‘Количественный’;

латеральный... (мед.) ‘Расположенный сбоку, удаленный от середины’;

*нести*¹... (тех.) ‘Поддерживать собой что-либо неподвижное, быть опорой или основанием для какого-либо объекта’;

*нести*²... (мор.) ‘Иметь на борту, быть оснащенным’;

перинатальный... (мед.) ‘Относящийся к периоду, непосредственно предшествующему родам, самим родам или непосредственно следующему за родами’;

превентивный... (общенауч.) ‘Предупреждающий что-нибудь, предохранительный, опережающий действия противной стороны’;

проскриптивный... (спец.) ‘Запретительный’;

психотропный... (мед.) ‘Влияющий на психическую деятельность человека и могущий использоваться как средство насильственного, негативного воздействия’;

сенсорный... (психол., физиол.) ‘Относящийся к ощущениям, реагирующий на внешние воздействия (свет, прикосновение, цвет и т. п.) подобно ощущающему их человеку’;

симпатический... (физиол.) ‘Относящийся к отделу вегетативной нервной системы, участвующему в регулировании кровообращения, обмена веществ и других функций организма’;

спорадический (биол., мед.) ‘Непредсказуемый, повторяющийся от случая к случаю (о биологических явлениях)’;

техногенный... (спец.) ‘Порождаемый техникой, технической деятельностью людей’;

церебральный... (анат.) ‘Мозговой, относящийся к головному мозгу’;

ювенальный... (юрид.) ‘Связанный с защитой прав несовершеннолетних’.

Нетрудно видеть, что эти единицы не связаны словообразовательными отношениями с какими-либо иными существительными, имеющими то же понятийно-смысловое содержание. В самом деле, сами эти единицы не являются производными от каких-либо субстантивов; в то же время теоретически возможные существительные на *-ость*, соотносящиеся с ними, не встретились нам ни в словарях, ни в каких-либо соответствующих текстах, ср. *квантитативный (спец.) — квантитативность** или *квантитатив**, *латеральный (мед.) — латеральность**, *нести¹ (тех.) — несение**, *нести² (мор.) — несение**, *обложить (охот.) — обложение**, *перинатальный (мед.) — перинатальность** или *перинатал**, *проскриптивный (спец.) — проскриптивность** или *проскриптив**, *психотропный (мед.) — психотропность** или *психотроп**, *сенсёрный (психол., физиол.) — сенсёрность** или *сенсёр** (не путать с *сёнсор!*), *симпатический (физиол.) — симпатичность** (но совсем не в медицинском значении! то же относится и к *сущ. симпатия*), *церебральный (анат.) — церебральность**, *церебрал**, *ювенальный (юрид.) — ювенальность** или *ювенал**.

В этом смысле эти единицы, независимо от их многочисленности или немногочисленности, являются вполне убедительным языковым материалом в пользу существования несубстантивных терминов.

Литература

- Бурсина О. А. К проблеме о принадлежности терминов к различным морфологическим классам (на примере терминосистемы социальной работы) // Современная филология: материалы II Междунар. науч. конф. (г. Уфа, январь 2013 г.). Уфа, 2013. С. 59–62.
- Винокур Г. О. О некоторых явлениях словообразования в русской технической терминологии // Труды Московского института истории, философии и литературы. Т. 5. Сборник статей по языковедению. М., 1939. С. 3–54.
- Даниленко В. П. Лексико-семантические и грамматические особенности слов-терминов // Исследования по русской терминологии: Сб. ст. М.: Наука, 1971. С. 7–67.
- Даниленко В. П. О терминологическом словообразовании // Вопросы языкознания. 1973. № 4. С. 76–85.
- Даниленко В. П. Русская терминология М.: Наука, 1977. 246 с.
- Данькова Т. Н., Загоровская О. В. Проблемы современной терминологии. Воронеж: ФГБОУ ВО Воронежский ГАУ, 2018. 219 с.
- Лейчик В. М. Терминоведение: Предмет, методы, структура. Изд. 4-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. 256 с.
- Лотте Д. С. Основы построения научно-технической терминологии. М.: Изд-во АН СССР, 1961. 158 с.

- Мякишин К. А. К вопросу об основных признаках термина // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27), ч. II. С. 111–115.
- Реформатский А. А. Мысли о терминологии // Современные проблемы русской терминологии. М., 1986. С. 163–198.
- Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. Словарь-справочник лингвистических терминов. М.: ООО «Издательство Астрель», ООО «Издательство АСТ», 2001. 624 с.
- Шелов С. Д. Термин, Терминологичность. Терминологические определения. СПб.: Филол. фак. СПбГУ, 2003. 280 с.
- Шелов С. Д., Четверикова Т. Д. Универсальный терминологический словарь: новое в русской терминографии // Язык. Культура. Перевод: сборник материалов всероссийской научно-практической конференции (20 февраля 2019 г.); под ред. В. А. Иконниковой, Н. Д. Паршиной. М.: Одинцовский филиал МГИМО МИД России, 2019. С. 19–25.
- Шелов С. Д., Четверикова Т. Д. Между общей и специальной лексикой: о словаре терминологической и профессиональной лексики русского языка // Язык. Культура. Перевод: межкультурная коммуникация в цифровую эпоху. В 2 ч. Ч. 1: сборник научных трудов: сборник статей. М.: РУСАЙНС, 2022. С. 37–47.
- Щеглова Н. А. К вопросу о грамматических средствах терминологизации русских глаголов в профессиональной речи XVII–XVIII вв. // Учен. зап. МГПИ им. В. И. Ленина. М., 1968. Т. 35. Вып. 8. С. 74–93.

References

- Bursina O. A. [On the problem of the belonging of terms to different morphological classes (on the example of the terminological system of social work)]. *Sovremennaya filologiya: materialy II Mezhdunar. nauch. konf.* (g. Ufa, yanvar' 2013 g.) [Modern Philology: proceedings of the II International Scientific Conference (Ufa, January 2013)]. Ufa, 2013, pp. 59–62. (In Russ.)
- Danilenko V. P. [Lexico-semantic and grammatical features of word-terms]. *Issledovaniya po russkoi terminologii: Sbornik statei* [Research on Russian terminology: Collection of art]. Moscow, Nauka Publ, 1971, pp. 7–67. (In Russ.)
- Danilenko V. P. [About terminological word formation]. *Voprosy yazykoznaniya*, 1973, no. 4, pp. 76–85. (In Russ.)
- Danilenko V. P. *Russkaya terminologiya* [Russian terminology] Moscow, Nauka Publ., 1977. 246 p.
- Dan'kova T. N., Zagorovskaya O. V. *Problemy sovremennoi terminologii* [Problems of modern terminology]. Voronezh, FGBOU VO Educational Institution. Publ, 2018. 219 p.
- Leichik V. M. *Terminovedenie: Predmet, metody, struktura.* [Terminology: Subject, methods, structure]. Moscow, Libricon Book House Publ., 2009. 256 p.
- Lotte D. S. *Osnovy postroeniya nauchno-tehnicheskoi terminologii.* [The basics of building scientific and technical terminology]. Moscow, USSR Academy of Sciences Publ., 1961. 158 p.

- Myakishin K. A. [On the question of the main features of the term]. *Al'manah sovremennoi nauki i obrazovaniya*. Tambov, Gramota Publ, 2009, no. 8 (27), part 2, pp. 111–115. (In Russ.)
- Reformatskii A. A. [Thoughts on terminology]. *Sovremennye problemy russkoi terminologii* [Modern problems of Russian terminology]. Moscow, 1986, pp. 163–198. (In Russ.)
- Rozental' D. E., Telenkova M. A. *Slovar'-spravochnik lingvisticheskikh terminov* [Dictionary-reference book of linguistic terms]. Moscow, Astrel Publ., AST Publ., 2001. 624 p.
- Shcheglova N. A. [On the question of grammatical means of terminologizing Russian verbs in professional speech of the XVII–XVIII centuries]. *Uchen. zap. MGPI im. V. I. Lenina* [Scientific Journal of the Moscow State Pedagogical Institute named after V. I. Lenin]. Moscow, 1968. Vol. 35, iss. 8, pp. 74–93. (In Russ.)
- Shelov S. D. *Termin, Terminologichnost'. Terminologicheskie opredeleniya*. [The Term, Terminology. Terminological definitions]. St. Petersburg, Philol. Fac. St. Petersburg State Univ. Publ., 2003. 280 p.
- Shelov S. D., Chetverikova T. D. [Universal Terminological Dictionary: new in Russian terminology]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod: sbornik materialov vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferencii (20 fevralya 2019 g.)* [Language. Culture. Translation: collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference (February 20, 2019)]. Moscow, Odintsovo branch of MGIMO Ministry of Foreign Affairs of Russia Publ., 2019, pp. 19–25. (In Russ.)
- Shelov S. D., Chetverikova T. D. [Between general and special vocabulary: about the dictionary of terminological and professional vocabulary of the Russian language]. *Yazyk. Kul'tura. Perevod: mezhkul'turnaya kommunikaciya v cifrovuyu epohu. V 2-kh chastyakh. Chast' 1. Sbornik nauchnykh trudov: sbornik statei* [Language. Culture. Translation: intercultural communication in the digital age. In two parts. Part 1. Collection of scientific papers: collection of articles]. Moscow, RUSAINS Publ., 2022, pp. 37–47. (In Russ.)
- Vinokur G. O. [On some phenomena of word formation in Russian technical terminology]. *Trudy Moskovskogo instituta istorii, filosofii i literatury*. Vol. 5. *Sbornik statei po yazykovedeniyu* [Proceed. of the Moscow Institute of History, Philosophy and Literature. Vol. 5. Collection of articles on linguistics]. Moscow, 1939, pp. 3–54. (In Russ.)

Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года

Татьяна Семеновна Садова, Санкт-Петербургский государственный университет
(Россия, Санкт-Петербург), tatsad_90@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030042

АННОТАЦИЯ: В статье рассматривается язык личных писем царицы Евдокии, первой супруги Петра I, которые включены в печатный текст манифеста 1718 г., имеющего характер юридического документа. В нем описывается поэтапное расследование дела о якобы имевшем место заговоре против царя, в центре которого оказалась Евдокия, к тому времени (с 1698 г.) монахиня Елена. Выбор материала для статьи продиктован интересом автора к эволюции деловых жанров русской канцелярии Петровской эпохи, которая характеризуется не только масштабными государственными реформами, но и коренной перестройкой всей системы деловой коммуникации, обслуживавшей работу молодой Российской империи. Личные письма бывшей царицы, прежде всего адресованные ее возлюбленному, другу детства, офицеру Преображенского полка, Степану Глебову, стали отдельным объектом для исследования по двум причинам. Во-первых, до манифеста 1718 г. не было публичных документов, в которых бы всенародно объявлялись внутренние неприглядные стороны из жизни царской семьи. Любовные письма Евдокии стали достоянием широкой публики: манифест напечатали в две тысячи копий и свободно продавали. Во-вторых, впервые в правовой документ, имевший все признаки канцелярского стиля начала XVII в., вошли любовные письма, создающие яркий стилистический контраст с общим стилем делового текста. Известно к тому же, что в черновой текст манифеста активно вмешивался Петр, правил формулировки,

вставлял целые фрагменты, написанные собственноручно. Следовательно, печатный текст документа, подлежавший обязательному обнародованию, был важен для императора именно в таком виде. Манифест выполняет ряд важных прагматических функций в условиях новой Петровской эпохи: помимо очевидной информационной, он обладает назидательной, воздействующей и императивной функциями.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: печатный текст, петровский манифест, деловой стиль XVIII века, царица Евдокия, стилистический контраст

для цитирования: Садова Т. С. Письма царицы Евдокии Лопухиной в печатном манифесте 1718 года // Русская речь. 2024. № 3. С. 42–52. DOI: 10.31857/S0131611724030042.

благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ [проект 24-28-00325].

From the History of the Russian Language

Letters of Tsarina Evdokia Lopukhina in the Printed Manifesto of 1718

Tatiana S. Sadova, Saint Petersburg State University (Russia, Saint Petersburg), tatsad_90@mail.ru

---

ABSTRACT: The article examines the language of the personal letters of tsarina Evdokia, the first wife of Peter the Great, which were included in the printed text of a legal document, the manifesto of 1718. It describes a step-by-step investigation into the case of an alleged conspiracy against the tsar, at the center of which was Evdokia, by that time (since 1698) nun Elena. The choice of material for the article was dictated by the author's interest in the evolution of the business genres of the Russian office, a truly new stage of which occurred in the 18th century, a time of large-scale government reforms and, as a consequence, the restructuring of the entire system of business communication serving the work of the Russian Empire. Personal letters of the former tsarina, primarily addressed to her lover, childhood friend, officer of the Preobrazhensky regiment, Stepan Glebov, became a separate object for

research for two reasons. Firstly, before the Manifesto of 1718 there were no public documents in which the internal unsightly aspects of the royal family life were publicly announced. Evdokia's love letters became available to the general public: the Manifesto was printed in two thousand copies and sold freely. Secondly, for the first time, a legal document that had all the signs of the clerical style of the early 18th century included love letters, creating a bright stylistic contrast with the general style of the business text. It is also known that Peter actively intervened in the draft text of the Manifesto, corrected the wording, and inserted entire fragments written in his own hand. Consequently, the printed text of the document, which was subject to mandatory publication, was important to the emperor in this form. The manifesto performs a number of important pragmatic functions in the conditions of the new Peter the Great era: in addition to the obvious informational, it has edifying, influencing and imperative functions.

KEYWORDS: printed text, Manifesto of Peter the Great, official style of the 18th century, Tsarina Evdokia, stylistic contrast

FOR CITATION: Sadova T. S. Letters of Tsarina Evdokia Lopukhina in the Printed Manifesto of 1718. *Russian Speech = Russkaya Rech'*. 2024. No. 3. Pp. 42–52. DOI: 10.31857/S0131611724030042.

ACKNOWLEDGEMENTS: The study was supported by the Russian Science Foundation [project 24-28-00325].

Биография первой супруги Петра Великого, царицы Евдокии Федоровны Лопухиной (1669–1731), довольно хорошо описана в исторической литературе [Щербатов 1908; Ефимов 1995; Козляков 2014 и др.]. Ее жизнь была в известной степени однообразной и безусловно трагичной: недолгий брак, насильственный постриг, почти тридцатилетнее монашество, заточение в Шлиссельбургскую крепость — таков горестный путь последней неиноземной царицы на русском престоле, лишь за четыре года до своей кончины освобожденной наконец внуком Петром II. Торжественно, с царскими почестями перевезенная в Москву, получившая титул «государыни бабушки» и достойное содержание, она так и не вошла в мирскую жизнь и остаток дней провела в Новодевичьем монастыре [Шведова 2022: 172].

Показательна в этом отношении историческая смена ее именования: от рождения Прасковья Илларионовна Лопухина, выйдя замуж за Петра,

стала Евдокией Федоровной Романовой, в монашестве она — старица Елена, в Шлиссельбургской крепости и вовсе безымянная — «известная особа», к концу жизни, полностью оправданная Верховным тайным советом, почтительно именовалась «государыней бабушкой» и, наконец, навсегда осталась «первой супругой государя царя, первого императора Петра Алексеевича», как выбито на могильной плите, под которой она покойтся.

Был в монашеской жизни Евдокии Федоровны страшный период, когда ей публично и всенародно вменялись чудовищные преступления: измена государю, тайный сговор в пользу сына, царевича Алексея Петровича и, что самое постыдное для бывшей царицы, «блудное житье» со Степаном Богдановичем Глебовым, майором-преображенцем, некоторое время производившим рекрутский набор недалеко от Суздаля, в Покровском монастыре которого томила опальная царица [Тихонравов 1876: 442–443].

Материалом для статьи послужил Манифест от 5 марта 1718 г., содержащий материалы расследования этого (как бы сказали сейчас) громкого преступления против «Его Царского Пресветлого Величества», а следовательно, и государства. Выбор материала при этом продиктован, прежде всего, общим интересом к эволюции деловых жанров русской канцелярии, начало поистине нового этапа которой, конечно, приходится на XVIII в., время масштабных реформ и, как следствие, перестройки всей системы деловой коммуникации, обслуживавшей работу нового Российского государства.

Показательно, что в заголовке документа имеется толкование иноязычного термина «манифест», только-только входившего в канцелярский оборот Петровской эпохи: «манифестъ, или объявление...». В САР этот термин отсутствует, а в «Словаре русского языка XVIII века» его многозначность и, как следствие, полифункциональность текста с заглавием «манифест» ясно представлена:

МАНИФЕСТ 1700-е гг., а, м. Лат. manifestum, через нем. Manifest, пол. manifest. *Дипл., Канц. Правительственный указ, постановление; письменное обращение верховной власти к населению* [Сорокин (гл. ред.) 2001: 62].

В этом документе, названном манифестом, можно отметить как признаки информационного текста, так и черты текста распорядительного, поскольку, помимо последовательного изложения фактов расследования, здесь имеются императивные сентенции, требующие обязательных ответных действий, например дальнейшего расследования. К тому же предполагаемое публичное оглашение этого манифеста свидетельствует об откровенно назидательной его функции.

Итак, «Манифестъ или, объявление. которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день» (здесь соблюдены орфография и пунктуация оригинала; далее манифест) — документ, интересный во многих отношениях, и прежде всего — в устройстве текста, имеющего как бы два плана, два сюжета.

Первый план — это повествование о ходе расследования, в том числе «протокольное» изложение показаний свидетелей и подозреваемых, а также информация о шагах, предпринятых должностными лицами, прежде всего главным дознавателем по делу, капитаном-поручиком Г. Г. Скорняковым-Писаревым. Второй план составляют собственно-ручные письма подозреваемых и свидетелей по делу (фрагменты или, если это необходимо, полные тексты), выступающие в качестве доказательств выдвигаемых обвинений. Стилистически эти планы, безусловно, различны.

По мнению В. В. Замковой, деловой текст XVIII в. часто соединял в себе два неоднородных по составу деловых стиля — высокий, торжественный и простой, почти бытовой, решающий земные, повседневные задачи [Замкова 1969: 123]. В нашем случае «двоестилие» обеспечивают несколько иные языковые условия текста, который, по свидетельству ученых, активно правил сам Петр [Воскресенский 2017: 140; Козляков 2014: 182].

С одной стороны, фрагмент текста, описывающий расследование, демонстрирует еще формирующийся, но во многом уже «нашедший себя» канцелярский стиль начала XVIII в., несомненно наследовавший целый ряд черт (прежде всего, лексических) приказного языка зрелого XVII в. [Никитин 2021: 157]. С другой стороны, личные показания и письма участников судебного дела стилистически также распадаются на два типа текстов со своими языковыми признаками: 1) письма деловые (покаянные от Евдокии — Петру), признательные показания (Глебова, еп. Досифея) и 2) письма интимные, любовные (от Евдокии — Глебову).

Письменные свидетельские показания всех подозреваемых близки к деловому слогу, в них используются приказные, т. е. унаследованные от системы «приказов» XVII в., и новые, вошедшие в оборот в Петровскую эпоху клише (*своеручное писмо; вышеописанное (пророчество); въ вышеозначенное время*), в них частотны страдательные конструкции (*привожена на двор; спрашиванъ (кем-либо); взятъ и расспрашиванъ*), употребляются канцелярские предложно-падежные структуры (*по постриженіи; по тому писму; по тому розыску*) и др.

В центре нашего внимания окажутся, прежде всего, личные письма царицы к своему возлюбленному, Степану Глебову. Это особенно интересно еще и с точки зрения практической цели, которую преследовал Петр,

включая их в текст правового документа, причем сначала публично оглашенного «в столовой палате» (как указано в заголовке документа), а затем изданного в печатной форме огромным по тем временам тиражом: «он <манифест> разошелся почти в 2000 копий и находился в свободной продаже за 4 алтына» [Козляков 2014: 181].

В тексте манифеста, в части изложения расследования, ожидаемо присутствуют: а) устойчивые клише, принятые в деловых бумагах этой поры (в том числе юридического содержания): *очная ставка; для подлиннаго извѣстія; взять для розыску; писать своею рукою; при бытности (кого-л.); по привозѣ (оныхъ); о вышеописанномъ розыскivano; въ вышеозначенное время; по розыску распрашivan(a)*; б) славянизмы, часть из которых, например служебная лексика, заимствована из приказного языка XVII в. [Майоров 2009: 114], а также высокая книжная лексика, создающая торжественный тон государственного документа: *понеже, сеи, аще, оныи; лукавство; соблюдение; льстивное пророчество; отрѣшить; богопротівное непотребство*; в) полные наименования официальных титулов, званий и личных имен участников судебного расследования: *окольничіи семенъ языковъ; лейбъгвардіи капитанъ порутчѣкъ; Суздальскаго собору ключарь федоръ пустыннои*; г) многочисленные бессубъектные страдательные конструкции, обеспечивающие тексту семантику «объективного расследования»: *о томъ объявлено; тѣжъ старіцы спрашivаны; наречено имя еи елена; съ розыску показано; чтено в палатѣ* и др.; д) частотные уточняющие конструкции: *она бывшая царіца; онъ же федоръ пустыннои, съ онымъ господиномъ скорняковымъ писаревымъ* и под.

Важно еще раз подчеркнуть, что в печатный текст (правда, без указания места издания) включены копии личных писем, имевших безусловно рукописную основу. Об этом свидетельствует типичный канцелярский штамп, сопровождающий каждое из писем — «своеручно писано N» или «писала своею рукою — Елена» и под. Следует полагать, что внесены они в текст манифеста с максимальным сохранением «источника», на что косвенно указывает, например, записка Г. Г. Скорнякова Петру I, объясняющая долгое расследование, вызванное необходимостью создания нескольких копий изъятых у бывшей царицы писем, «дабы не утратились в пути» [Козляков 2014: 164].

В манифесте представлены личные письма пяти лиц: Евдокии Лопухиной — 5 писем; Глебова — 1 письмо, Алексея Петровича — 1 письмо, Марии Алексеевны (сестры Петра I) — 1 письмо, епископа Ростовского Досифея (обозначенного здесь как росстрига Демид) — 1 письмо. В центре нашего внимания — письма Евдокии к Степану Глебову.

Заметим, что в печатном тексте имена собственные Евдокии, Глебова и других «заговорщиков» (Досифея, Марии Алексеевны, старицы

Маремьяны и др.) последовательно пишутся со строчной буквы. В то время как имена государыни Екатерины Алексеевны, царевича Алексея Петровича, все титулы Петра — последовательно с прописной.

Вполне ожидаемо, что структура и лексическое наполнение писем царицы весьма различны в зависимости от адресата. Петру она пишет короткие, жалостливые, покаянные и весьма «раболопские» послания, именую его *Всемілоствѣишии государь*, а себя — *Вашего Величества ніжайшая раба, бывшая жена ваша авдотья*. В письмах к своему возлюбленному Евдокия более многословна, например, в одном тексте она использует большое количество обращений, отражающих ее сильные к нему чувства: *святъ мой, душа моя, батька мой, любезный друг мой, батюшка мой, сударь мой* и под. Всего в ее письмах — 16 формул обращений к Глебову.

Между прочим, общее суждение о косноязычности, недалекости Евдокии («ума посредняго» [Куракин 1890: 241]), получившей традиционное для московских девиц высокого звания теремное образование, не кажется бесспорным по прочтении этих писем. Эти тексты, напротив, рисуют образ человека, обладающего способностью разнообразно и ярко выражать свои чувства. Возможно в этом случае влияние книг, и не только религиозного содержания, читанных ею во время долгого одиночества. По крайней мере, остались свидетельства того, что для нее специально писал, например, известный в то время придворный поэт и переводчик Карион Истомин [Агаркова 1967: 113].

Любовные письма бывшей царицы, пожалуй, впервые столь открыто публиковались для массового ознакомления. Запретных семейных тем как будто не стало, о чем с сожалением, например, пишет князь М. М. Щербатов как о вопиющем и неслыханном для России XVII в. «примере нарушения таинства супружества» [Щербатов 1908: 32]. Как ни странно, эта интимная тема, став основным материалом для розыскного дела, вовсе не нивелирует, но, напротив, усиливает основную «казенную» нить расследования: за чередой слов, которыми монахиня выражает свои сердечные чувства, авторы манифеста подозревают скрытый смысл — желание Евдокии и ей сочувствующей «партии» *скинуть съ себя монашеское платье*, вновь стать *царицею*.

В контексте основного обвинения в государственной измене вся эта любовная патока представляется в розыскном документе как неприкрыто лживая завеса истинных намерений заговорщиков. Для XVIII в., еще не потерявшего связи с предшествующей эпохой государства-семьи [Руднев, Садова 2023], нарушение брачного целомудрия в лице пусть бывшей, но жены государя кажется преступным само по себе. Тем более — в корыстных властолюбивых целях. Воздействующая сила подобного рода обвинений, вошедших в публичный манифест-объявление, должна была вызвать

у русских людей праведное негодование, на что наверняка рассчитывали создатели манифеста. Неслучайно уже в XIX в. известный историк И. Ф. Токмаков высказал предположение, которое было поддержано некоторыми историками: «Грубая наглядность этого дела и его возможная политическая ангажированность высказывает убежденность в тенденциозности следственного дела. Не принадлежат ли они (любовные письма царицы) перу какого-нибудь заплечного секретаря?» [Токмаков 2015: 40–41].

Какими же языковыми средствами презентуется любовная тема в манифесте, столь открыто демонстрирующем тайную связь царицы Евдокии и Глебова? Прежде всего, лексическими и фразеологическими: 1) номинациями любимого преимущественно фольклорного (устноречевого) происхождения, большая часть которых выступала в роли обращения к нему (*свѣтъ мой, душа моя, сердце мое, благодѣтель, друг мой*); 2) устойчивыми формулами любовной семантики (*в великоу тугѣ пребываемъ; проста сердцемъ; нетъ тебя міляе; до смерти непокіну* и др.); 3) названиями подарков и щедрот за сердечную верность: *галздукъ, мешки денегъ, персни (носи мои персень меня любя)*.

Грамматические средства создают «плотность» любовного содержания, обеспечивают риторичность и эмоциональность текста: 1) многочисленные повторы, тавтологичные структуры, включающие слова любви, междометия, целые фразы (*ей-ей-ей; охъ другъ мой, охъ свѣтъ мой; прошу слезно, прошу нарошно, прошу добѣваися; прошу слезно, молю неутѣшно*); 2) риторические фигуры — антитезы, вопросы и восклицания, соположения, создающие повышенную эмоциональность текста (*гдѣ твои разумъ тутъ и мои, гдѣ твое слово тутъ и мое, где твое слово тутъ моя и голова; Что же мне дѣлать, коли такоу богъ меня безчастную родилъ; Какъ уже мнѣ съ такои печали на свѣтъ жить* и др.); 3) использование усилительных частиц *уж(е), же*, что усиливает эмоциональность фрагментов, в которых Евдокия описывает свои страдания (*уже некому будетъ и прѣтти; а я же тебя до смерти не покіну никогда*).

Любовные письма Евдокии написаны стилем, очень близким к устноразговорной речи, на фоне которой контрастно выделяются лексические заимствования, скорее всего, не входившие в активный запас монахини Елены (*насмотрѣтца на свою персону; быть в Губерніи Московской*), а также полные лиризма и поэтичности строки (*мало знать лице твое и руки твои и всѣ члены твои и составы рукъ и ногъ твоихъ*).

Важно, что в новой петровской канцелярии печатные манифесты или объявления в силу своего обращения к массовому адресату строго подчинены прагматической цели — донести до большого круга лиц самодержавную волю, даже касающуюся личных, семейных тем, что, видимо, по мысли Петра, освобождает такие тексты от старорежимных нравственных

ограничений. Этот манифест своей публичной явленностью сокровенных внутрисемейных непристойностей, столь не типичной для раннего XVIII в., — видимое тому подтверждение. При этом ряд собственно языковых признаков манифеста характеризует деловой стиль Петровской эпохи в целом. Впервые обращенные к массовому адресату документы обретают печатную форму, что требует от их составителей более тщательного отбора языковых средств, обеспечивающих, прежде всего, понятность и ясность текста. Так, в манифесте ясно прослеживается ориентация на разговорную речь, что проявляется и в лексике, и в синтаксисе предложений, преимущественно разговорного типа. Следственное дело, составляющее информационный план документа, содержит неизбежные канцеляризмы, деловые клише, причем как приказные, унаследованные от XVII в., так и только входящие в деловую речь. Эти признаки канцелярской речи встречаются и в письмах Евдокии, но лишь в тех, что обращены к Петру или представляют собой *повінные своеручные писма* (например: *я старіца елена; привожена на генеральной дворъ; въ томъ я віновата; писала своею рукою*). Любовные письма царицы к Глебову создают стилистический контраст в тексте манифеста. Они многословны, эмоциональны, что выражается, прежде всего, в лексике посланий (например, в номинациях любимого: *свѣтъ мой, душа моя, батька мой, любезный друг мой, батюшка мой, сударь мой*). Однако включение их в текст официального царского документа, как указывалось, было сознательным приемом — требовалось наглядно продемонстрировать «преступления отвергнутой царицы» [Козляков 2014: 185].

Источники

Манифест — Манифестъ или, объявление, которое чтено в столовой палатѣ, при освященномъ соборѣ, И Его Царскаго Пресвѣтлаго Величества при Міністрахъ, и прочіихъ духовнаго и гражданскаго чина людѣхъ; Лѣта 1718, Марта въ 5 день. Печатано в Санкѣтпитербурге, Март 1718. 16 с. [Электронный ресурс] <https://viewer.rsl.ru/ru/rsl01003341434?page=1&rotate=0&theme=white> (дата обращения: 11.04.24).

Литература

Агаркова Р. К. Спорные вопросы биографии Кариона Истомина // Ученые записки Душанбинского государственного педагогического института им. Т. Г. Шевченко. 1967. Т. 51. Вып. 19. С. 100–116.

- Воскресенский Н. А. Петр Великий как законодатель. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 640 с.
- Замкова В. В. Славянизмы в деловом языке середины XVIII века // Очерки по истории русского языка и литературы XVIII в. / отв. ред. В. М. Марков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1969. С. 121–129.
- Ефимов С. В. Евдокия Лопухина – последняя русская царица XVII века // Средневековая Русь. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 1995. С. 136–165.
- Козляков В. Н. Царица Евдокия, или Плач по Московскому царству. М.: Молодая гвардия. 2014. 318 с.
- Куракин Б. И. Гистория о Петре I и ближних к нему людях. 1682–1695 гг. // Русская старина, 1890. Т. 68. № 10. С. 238–260.
- Майоров А. П. Причинные союзы в деловом языке XVII–XVIII веков // Acta Linguistica Petropolitana: Труды Института лингвистических исследований РАН. 2009. Т. V. Ч. 3. С. 113–126.
- Никитин О. В. Деловая письменность в истории русского языка (XI–XVIII вв.): Лингвистические очерки. М.: Наука; Флинта, 2021. 266 с.
- Руднев Д. В., Садова Т. С. Метафора государства и способы ее выражения в русской деловой речи // Вестник Волгоградского государственного университета. 2023. Т. 22. № 4. С. 21–36.
- Сорокин Ю. С. (гл. ред.). Словарь русского языка XVIII века. СПб.: Наука, 2001. Вып. 12. 254 с.
- Тихонравов К. Н. Проклятие Глебова. 1721 год // Русская старина. 1876. Т. 15. № 2. С. 442–443.
- Токмаков И. Ф. Историческое и археологическое описание Покровского девичьего монастыря в Суздале. М.: Книга по требованию, 2015. 146 с.
- Шведова М. М. Последние годы жизни царицы Евдокии Лопухиной в Новодевичьем монастыре (1727–1731 годы) // Культурно-историческое наследие личности и рода: Царица Евдокия Лопухина / ред. Д. Я. Романов. М.: Институт наследия. 2022. С. 172–193.
- Щербатов М. М. О повреждении нравов в России. М.: Типо-литография «Русского товарищества» печатного и издательского дела, 1908. 66 с.

References

- Agarkova R. K. [Controversial issues in the biography of Karion Istomin]. *Uchonyye zapiski Dushanbinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta im. T. G. Shevchenko* [Scientific notes of the Dushanbe State Pedagogical Institute named after. T. G. Shevchenko], 1967, vol. 51, no. 19, pp. 100–116. (In Russ.)
- Efimov S. V. [Evdokia Lopukhina – the last Russian tsarina of the 17th century]. *Sredne-vekovaya Rus'* [Medieval Rus']. St. Petersburg, St. Petersburg State Univ. Publ., 1995, pp. 136–165. (In Russ.)

- Kozlyakov V. N. *Tsaritsa Yevdokiya, ili plach po Moskovskomu tsarstvu* [Tsarina Evdokia, or lament for the Muscovite kingdom]. Moscow, Molodaya Gvardiya Publ., 2014. 318 p.
- Mayorov A. P. [Causal conjunctions in the business language of the 17th – 18th centuries]. *Acta Linguistica Petropolitana: Trudy Instituta lingvisticheskikh issledovaniy RAN* [Acta Linguistica Petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Research of the Russian Academy of Sciences], 2009, vol. V, part 3, pp. 113–126. (In Russ.)
- Nikitin O. V. *Delovaya pis'mennost' v istorii russkogo yazyka (XI–XVIII vv.): Lingvisticheskiye ocherki* [Official writing in the history of the Russian language (11th – 18th centuries): Linguistic essays]. Moscow, Nauka Publ., Flinta Publ., 2021. 266 p.
- Rudnev D. V., Sadova T. S. [Metaphor of the state and ways of expressing it in Russian business speech]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta*, 2023, vol. 22, no. 4, pp. 21–36. (In Russ.)
- Shvedova M. M. [The last years of the life of tsarina Evdokia Lopukhina in the Novodevichy monastery (1727–1731)]. *Kul'turno-istoricheskoye nasledie lichnosti i roda: Tsaritsa Yevdokiya Lopukhina* [Cultural and historical heritage of the individual and family: Tsarina Evdokia Lopukhina]. Moscow, Heritage Institute Publ., 2022, pp. 172–193. (In Russ.)
- Sorokin Yu. S. (ch. ed.). *Slovar' russkogo yazyka XVIII veka* [Dictionary of the Russian language of the 18th century]. Vol. 12. St. Petersburg, Nauka Publ., 2001. 254 p.
- Tokmakov I. F. *Istoricheskoye i arkheologicheskoye opisaniye Pokrovskogo devich'yego monastyrya v Suzdale* [Historical and archaeological description of the Pokrovsky nunnery in Suzdal]. Moscow, Kniga po Trebovaniyu Publ., 2015. 146 p.
- Voskresenskiy N. A. *Petr Velikiy kak zakonodatel'* [Peter the Great as a legislator]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2017. 640 p.
- Zamkova V. V. [Slavicism in the business language of the middle of the 18th century]. *Ocherki po istorii russkogo yazyka i literatury XVIII v.* [Essays on the history of the Russian language and literature of the 18th century]. Kazan, Kazan State Univ. Publ., 1969, pp. 121–129. (In Russ.)

«Задумчиво и кротко» За строкой песни Окуджавы «Заезжий музыкант»

Анатолий Валентинович Кулагин, Государственный социально-гуманитарный университет
(Россия, Московская область, Коломна), kula-mariya@yandex.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030056

АННОТАЦИЯ: Статья представляет собой комментарий к выражению «задумчиво и кротко» из песни Булата Окуджавы «Заезжий музыкант» (1971). В качестве возможных источников строки предлагаются не опубликованное до сего дня и распространенное в 1960-х годах в машинописных копиях стихотворение Александра Кушнера «В зоологический музей...» (1962) и стихотворение Василия Казанцева «Мы пили с ним у автомата...» (первая публикация — 1964). Первое из них могло привлечь Окуджаву своей потенциальной песенностью (фрагмент его в самом деле прозвучал в песенном исполнении в фильме «Два воскресенья», 1963) и отсутствием чуждого обоим поэтам советского оптимизма; второе — предстающим в городской повседневности образом поэта, сочетанием высокого и низкого. С Кушнером Окуджава тесно дружил; с Казанцевым он участвовал в праздновании Дня поэзии в Новосибирске в 1964 году. Попутно в статье кратко прослеживается литературная судьба этого выражения, встречающегося и у других авторов; некоторые из них обратились к нему уже под влиянием Окуджавы (Владимир Ковенацкий, Вероника Долина и другие). В качестве приложения к статье публикуется (впервые) стихотворение А. Кушнера «Воспоминание» (1984), посвященное Окуджаве.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Окуджава, Кушнер, Казанцев, песня, источник, влияние
для цитирования: Кулагин А. В. «Задумчиво и кротко». За строкой песни Окуджавы «Заезжий музыкант» // Русская речь. 2024. № 3. С. 53–66.
DOI: 10.31857/S0131611724030056.

БЛАГОДАРНОСТИ: Автор благодарен за помощь в работе поэту Александру Семеновичу Кушнеру, а также Норе Абрамовне Григорьевой-Ковенацкой и Татьяне Евгеньевне Козловой — сестре и племяннице поэта Владимира Ковенацкого.

The Language of Fiction

“Thoughtfully and meekly” Behind the Line of Okudzhava’s Song “The Visiting Musician”

Anatoly V. Kulagin, State Social and Humanitarian University (Russia, Moscow Region, Kolomna),
kula-mariya@yandex.ru

ABSTRACT: The article is a commentary on the phrase “Thoughtfully and meekly” from B. Okudzhava’s song “A visiting musician” (1971). It is suggested that the possible sources of the line are Alexander Kushner’s poem “To the Zoological Museum...” (1962), unpublished to this day and distributed in type-written copies in the 1960s, and Vasily Kazantsev’s poem “We drank with him at the machine...” (first publication — 1964) The first of them could have attracted Okudzhava with its potential songfulness (a fragment of it was actually performed in song in the film “Two Sundays”, 1963) and the absence of Soviet optimism, alien to both poets; the second is the image of a poet appearing in urban everyday life, a combination of high and low. Okudzhava was close friends with Kushner; Okudzhava and Kazantsev participated in the celebration of Poetry Day in Novosibirsk in 1964. Along the way, the literary fate of this line is briefly traced: it is also found in other authors, some of which turned to it already under the influence of Okudzhava (Vladimir Kovenatsky, Veronika Dolina, etc.). Author of the article published (for the first time) as an appendix, A. Kushner’s poem “Memory” (1984), dedicated to Okudzhava.

KEYWORDS: Okudzhava, Kushner, Kazantsev, song, source, influence

FOR CITATION: Kulagin A. V. "Thoughtfully and meekly". Behind the Line of Okudzhava's Song "The Visiting Musician". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 53–66. DOI: 10.31857/S0131611724030056.

ACKNOWLEDGEMENT: The author is grateful for the help in the work of the poet Alexander Semenovitch Kushner, as well as Nora Abramovna Grigorieva-Kovenatskaya and Tatyana Evgenievna Kozlova, the sister and niece of the poet Vladimir Kovenatsky.

Песня Булата Окуджавы «Заезжий музыкант» датируется 1971 годом. Напомним, что наиболее авторитетным источником датировки песен поэта является второй том самиздатского собрания его сочинений, предпринятого участниками московского Клуба самодеятельной песни (КСИП) в 1984 году; материалы этого тома были авторизованы поэтом [Окуджавы 1984, т. 2]. В 1975-м стихотворение получило авторскую мелодию, стало песней. Оно уже привлекало внимание интерпретаторов и комментаторов, в том числе с точки зрения литературного фона и возможных реминисценций [Крылов 2002: 182–185; Быков 2009: 380–382; Арсуага-Герра 2011: 32; Крылов 2012: 182–185; Бойко 2013: 253–259]. Мы в данной статье хотим высказать версию о потенциальном источнике (или источниках) строки «Ты слушаешь его задумчиво и кротко» [Окуджавы 2001: 341].

Нам видится, что одним из источников могло стать стихотворение Александра Кушнера «В зоологический музей...», написанное, как сообщил нам по нашей просьбе сам поэт, 18 октября 1962 года и сохранившееся в авторизованной машинописи — точнее, в ксерокопии, снятой с авторизованной машинописи. История текста такова. В 1960-х годах среди любителей поэзии имела хождение подборка ксерокопий машинописных листов со стихами Кушнера, по большей части неопубликованными, с точки зрения советской цензуры сомнительными. Экземпляр такой подборки (на одном из листов которой виден автограф поэта) был обнаружен несколько лет назад библиофилом И. А. Некрасовым при разборе архива покойного московского литератора Анатолия Преловского. Эту подборку И. А. Некрасов передал нам. А. С. Кушнер, которого мы ознакомили с ней, подтвердил, что стихи — и не только стихи, но и пишущая машинка, на которой они были отпечатаны, — именно его и что в 60-е годы эти стихи «многим нравились и ходили <...> по рукам» (из письма к автору статьи от 12.02.2019). Стихи вполне могли оказаться в руках Окуджавы. Более того — старший поэт мог получить их из рук самого Кушнера. В 1962–1965 годах

Окуджава жил в Ленинграде (в семье своей новой жены, Ольги Арцимович), и Кушнер был у него дома. Довелось им и выступить вместе на одном из поэтических вечеров в Ленинграде [Кушнер 2001: 71]. Да и вообще, два поэта были дружны; Окуджава не раз называл Кушнера в числе любимых своих авторов [Окуджава 1997: 177–179, 183]. Так вот, в упомянутую подборку входит и интересующее нас стихотворение. Приведем его здесь (с разрешения автора) полностью, тем более что оно в печати никогда не воспроизводилось:

В зоологический музей
 Пойди тоску свою рассей.
 Там аспирантка в пиджаке
 Гуляет с палочкой в руке.

— Вот жук — теперь уж не летает,
 — Вот чиж — теперь уж не поет,
 — Вот морж — теперь уж не ныряет,
 — Вот уж — теперь уж не ползет.

Глядим задумчиво и кротко.
 Не очень весело им тут.
 — Постой, постой, экскурсоводка,
 Неженской мудрости сосуд!

А ты летаешь? — не летаешь?
 А ты ныряешь? — не ныряешь?
 А ты поешь? — ведь не поешь?
 А тем не менее — живешь!

Так вот, жуки и бегемоты
 И все другие экспонаты
 Мертвы, но странно так глядят,
 Как будто съесть тебя хотят.

Для того чтобы Окуджава обратил внимание на выражение «задумчиво и кротко», нужно было, чтобы его привлекло стихотворение в целом. Чем оно могло его привлечь?

Прежде всего — своей поэтической формой и интонацией, своей, если можно так сказать, потенциальной песенностью. Кстати, оно и в самом деле превратилось в песню: в фильме В. Шределя по сценарию А. Гребнева «Два воскресенья» (1963) молодежная компания в вагоне поезда распевает первые четыре строки стихотворения (в качестве композитора в титрах указан Андрей Петров; для фильма им были написаны еще две песни, в том числе ставшая популярной «Голубые города» на стихи Льва Кукулина).

Невольная, может быть, ориентация стихотворения Кушнера на песню ощущается в обильном использовании параллельных синтаксических конструкций: «Вот жук — теперь уж не летает, // Вот чиж — теперь уж не поет» и т. п. Более того: сами эти конструкции в перефразированном виде в тексте повторяются: «А ты летаешь? — не летаешь?» Это позволяет видеть в четверостишиях втором и четвертом своеобразный потенциальный припев. Отметим и прием анафоры («Вот...» во второй и «А ты...» в четвертой строфе), и внутреннюю рифму («летаешь — ныряешь»), тоже как бы располагающие к пению этого текста. В четвертой строфе внутренней рифмы хотя и нет, но стоящие перед цезурой, в сильной позиции, названия представителей фауны: «жук — чиж — морж — уж» — созвучны между собой благодаря своей односложности и аллитерации. Заметим кстати, что в тексте звучит и сам мотив «пения». Конечно, в буквальном смысле он относится к чижу, но вопрос, обращенный к «экскурсоводке», и подразумеваемый ответ на этот вопрос: «А ты поешь? — ведь не поешь?» поневоле ассоциируются и с пением человеческим.

Черты песенности придает тексту Кушнера и использование простых, глагольных рифм: «летает — ныряет», «поет — ползет» и т. д. При этом стоящее в конце интересующей нас строки слово «кротко» довольно изысканно рифмуется со словом «экскурсоводка», которое само по себе является остроумным — с учетом «гендерного» смыслового оттенка («Неженской мудрости сосуд») неологизмом. Кстати, и Окуджава найдет для слова «кротко» неожиданную и эмоционально контрастную, снижающую лирический пафос рифму «глотка» («Его большой трубы простуженная глотка...»).

Любопытно, что приметы песенности мы обнаруживаем у поэта, от авторской песни в целом далекого и вообще относящегося к ней не без скепсиса [Кушнер 1992: 3]. Но не забудем, что стихи написаны Кушнером в молодости, когда аура бардовского творчества широко охватила молодую интеллигенцию и пройти мимо нее, творчески ее «не заметив», было, наверное, невозможно.

Здесь мы подходим к вопросу о том, что «песенное» стихотворение Кушнера по своему смыслу и своей поэтической форме близко песенному творчеству — преимущественно раннему — самого Окуджавы. Александр Семенович сообщил нам, что некоторые ранние произведения барда он помнит и сейчас, что не удивительно при популярности песен Окуджавы среди интеллигенции в 1960-е годы. О своем первом знакомстве с творчеством барда в годы оттепели он вспоминает в мемуарном очерке «Несколько слов о Булате» [Кушнер 2001: 70–72]. Слегка отступая от темы, позволим себе привести полностью (в Приложении к нашей статье) тоже с разрешения автора и тоже в открытой печати никогда не воспроизводившееся, а помещенное только в стенгазете московского КСП «Менестрель» в 1984 году (данный выпуск был посвящен юбилею Окуджавы

[Крылов 2005: 36–38]) стихотворение Кушнера «Воспоминание». Поэт написал его, судя по всему, специально к юбилею по просьбе редколлегии «Менестреля». Можно предположить, что присланное Окуджавой вместе с книгой «Стихотворения» (1984) Кушнеру стихотворение «Ленинград» («Год от года пышней позолота...», с концовкой «Саша Кушнер и Шура Володин — // вот и все из полка моего» [Окуджава 2001: 574]) было как бы поэтическим ответом на кушнеровское «Воспоминание» (юбилейный номер «Менестреля» был подготовлен к маю 1984-го, а автографы в присланном Кушнеру стихотворении Окуджавы и на титульном листе датированы 7 октября того же года [Кушнер 2001: 72]). Но вернемся к интересующему нас стихотворению про зоологический музей.

Нам думается, Окуджава должен был расслышать в нем нечто близкое ему самому (особенно его сравнительно ранним песням) еще и за счет проступающей в тексте шутивным намеком любовной темы, сопровождаемой демократичной, «уличной» интонацией. Напомним некоторые его произведения оттепельной поры: «Ванька Морозов», «Из окон корочкой несет поджаристой...», «Дежурный по апрелю». Эти песни связывает, помимо прочего, образ недоступной (или, может быть, труднодоступной) лирическому герою возлюбленной: циркачка, которую полюбил Ванька; водитель автобуса Надя; некая «она», что «забыла и знать не хочет» героя. Например, Надя: «Она в спецовочке, в такой промасленной, // берет немислимый такой на ней... // Ах, Надя, Наденька, мы были б счастливы... // Куда же гонишь ты своих коней!» [Окуджава 2001: 152]. Лирический герой Кушнера, видя «аспирантку в пиджаке» (чем эта «униформа» хуже «промасленной спецовочки?»), вполне «в духе Окуджавы», восклицает (кстати, в той самой строфе, что содержит слова «задумчиво и кротко»): «Постой, постой, экскурсоводка, // Неженской мудрости сосуд!» Затаенный подтекст этих строк (не отменяющий их основного, «палеонтологического», смысла) не в том ли состоит, что, дескать, мы, экскурсоводка, были б счастливы, куда же гонишь ты своих коней (моржей, ужей...), постой... Забудь, что ты аспирантка и экскурсоводка, вспомни, что ты женщина. Потенциальная любовная нота — лучше сказать, нота шутивного флирта — в этом стихотворении подкрепляется и его концовкой: «Как будто съесть тебя хотят». Напрямую эти стихи относятся, конечно, к экспонатам, но в то же время не поедают ли девушку-гида взглядом заглянувшие в музей молодые мужчины? Сам Александр Семенович признался нам, что такого содержания в эти стихи не вкладывал, но оно проступает поневоле в силу самой расстановки персонажей и вполне могло быть расслышано Окуджавой независимо от авторского намерения.

Некоторую «любовную» легкомысленность придает лирическому сюжету Кушнера и глагол «гуляешь» — по отношению к экскурсоводу, казалосьсь

бы, не очень уместный (да и слово «палочка» вместо ожидаемого «указка» тоже звучит не вполне серьезно и по-своему отвлекает «экскурсантов» от научной информации, которую они вроде бы выслушивают). А ведь этот глагол — очень «окуджавский», он не раз звучит в его поэзии и до написания стихотворения Кушнера, и позже и связан обычно с темами молодости, любви и беспечности: «по делам или так, погулять» («Король»); «Что же ты гуляешь, мой сыночек, // одинокий, / одинокий?» («Дежурный по апрелю»); «Бывали дни такие — гулял я молодой» («Арбатский романс») [Окуджава 2001: 140, 202, 318].

Любопытно, наконец, совпадение мотива экскурсии с «любовным» подтекстом в стихах Кушнера и в более раннем — важно, что ленинградском (лишняя косвенная ассоциация «в сторону Кушнера») — стихотворении Окуджавы «Нева Петровна, возле вас всё львы...» (1957): «Я с женщинами не бывал счастливым, // вы — первая. Я чувствую, что — вы. // Послушайте, не ускоряйте бег, // банальным славословьем вас не трону: // ведь я не экскурсант, Нева Петровна, // я просто одинокий человек» [Окуджава 2001: 137]. Здесь есть и нечто аналогичное будущему кушнеровскому «Постой, постой...» («не ускоряйте бег»), и своеобразный «отказ от экскурсии» во имя чего-то более значимого; неважно, что здесь это серьезное признание в любви реке, а там — шутивное заигрывание с «экскурсоводкой».

Мог привлечь старшего поэта и мотив фауны, и, в частности, энтомологии («жук») — тоже вполне «окуджавский». Опять-таки неважно, что у Кушнера фауна не живая, а «музейная», а у Окуджавы — иносказательная. Назовем ранние его произведения: «Песенка про Черного кота», «Что нужно муравью, когда он голоден?..», «Песенка о московском муравье», «О кузнечиках»; позже появятся и жуки — в детской повести «Прелестные приключения» (Железные Жуки), в стихотворении 1974 года «Весна» («Улыбается жук на тростинке»). Ведь и у Кушнера мотив фауны в итоге нацелен на человека: «А ты летаешь? — не летаешь?» и т. д. Характерны для Окуджавы и многочисленные поэтические обращения к собеседнику во втором лице, какой бы теме стихи ни были посвящены, — от тех же ранних произведений о муравье («Две жирных тли. Паси, дурак, паси...») или о Наде-Наденьке (см. выше) до известных позднейших «А мы с тобой, брат, из пехоты...» или «Поздравьте меня, дорогая: я рад, что остался в живых...» [Окуджава 2001: 346, 509, 348, 408].

Но самое, может быть, главное, что Окуджава расслышал в стихотворении Кушнера и что было творчески близко ему самому, — отказ от оптимизма, который в советские времена неизбежно получал официальную окраску: ведь, согласно советскому искусству, «с каждым днем все радостнее жить». Не раз отмечалось, что герои уже раннего Окуджавы чаще грустят и страдают, чем радуются: «Когда мне невмочь пересилить

беду, // когда подступает отчаянье...»; «Девочка плачет: шарик улетел...»; «Вот несчастный человек — это видно по всему...» [Окуджава 2001: 140, 143, 190]. Вот и у лирического героя Кушнера (пусть здесь и полушутка) сходный настрой: «тоску свою рассеи», и главное для нас: «Глядим задумчиво и кротко» (а вовсе не жизнерадостно).

Короче говоря, у Окуджавы были свои творческие мотивы для того, чтобы обратить внимание на стихи младшего собрата по перу — по нашей версии, прочитанные им в машинописи. Мы вовсе не считаем, что отклик одного поэта на стихи другого был сознательным. Скорее всего, стихи Кушнера понравились Окуджаве и остались где-то в «подкорке» творческой памяти, а в какой-то момент неосознанно отозвались в «Заезжем музыканте». Более того, нам думается, что если бы Окуджава точно помнил, что это строка Кушнера, он, скорее всего, избежал бы заимствования, чтобы оно не выглядело как плагиат. Но в том-то и дело, что вряд ли он помнил это точно. Между тем, в стихотворении о зоологическом музее, как видим, немало «окуджавского», родственного его поэтическому миру.

Другим источником выражения «задумчиво и кротко» могло стать стихотворение Василия Казанцева «Мы пили с ним у автомата...», опубликованное в девятом номере журнала «Юность» за 1964 год. Его герой — поэт, живущий, в отличие от «простых смертных», своей внутренней жизнью, хотя внешне он вроде бы такой же, как все: пьет газировку «у автомата», ходит в кино, зевает в фойе перед сеансом... Поэт как-никак сродни (заезжему) музыканту; кстати, у обоих авторов поэт или музыкант (то есть в любом случае художник) противопоставлен «обычному» (лишенному творческого дара) лирическому герою — пусть даже с разным оценочным знаком (окуджавский музыкант лирическому герою как бы враждебен, он — его соперник в любви). В этом сопряжении высокого и низкого, выраженном через мотивы городской повседневности, в том числе городских зрелищ, тоже есть нечто «окуджавское» (ср. с уже написанными к этому моменту песнями «Мне нужно на кого-нибудь молиться...», «Тьмою здесь все занавешено...» и др.). Приведем несколько финальных строк стихотворения Казанцева:

Да как же так? Мы были вместе!
 Проспектом шли. Входили в зал.
 Я был на том же самом месте.
 А вот стихов не написал. <...>

Когда с задумчивостью кроткой
 Вздыхал он ввысь лицо свое,
 То видел высь и нечто кроме.
 А я не видел. Вот и всё [Казанцев 1964: 40].

Здесь, правда, фраза звучит несколько иначе: «с задумчивостью кроткой», хотя смысл при этом не меняется. За популярным в шестидесятые годы журналом «Юность» Окуджава, сам к тому времени уже один из его авторов, безусловно, следил. Более того, как раз в 1964 году, в марте, Окуджава и Казанцев, живший в ту пору в Томске (в 1971 году он переедет в Подмоскovie), участвовали в Дне поэзии в Новосибирске, куда Булат Шалвович приехал в составе писательской бригады «Юности» [Раппопорт 2008: 22–46]; они вполне могли познакомиться лично. Возможно, публикация в «Юности» стихов Казанцева была следствием этой встречи москвичей и сибиряков (хотя в «Юности» он печатался и прежде) и более того — следствием прочтения поэтом данного стихотворения на одном из поэтических вечеров в Новосибирске, где Окуджава мог его услышать. Но если о читательском интересе Окуджавы к Кушнеру мы знаем точно, то о его интересе к Казанцеву сказать ничего не можем. Окуджава мог, конечно, обратить внимание на стихи, вспомнив имя их автора. Да, к моменту написания «Заезжего музыканта» с 1964 года прошло уже много времени — семь лет. Но понравившееся Окуджаве стихотворение — кстати, вошедшее между 1964-м и 1971-м годами в несколько книг Казанцева, одна из которых была издана в столице [Казанцев 1969], — могло ему запомниться. Ведь и стихотворение Кушнера, если Окуджава его помнил, прочитано им было вряд ли прямо накануне написания «Заезжего музыканта».

Но могло быть и так: интересующее нас выражение Окуджава встретил сначала у одного поэта, затем у другого, и это позволило ему (выражению) «осесть» и закрепиться в творческом сознании барда, а затем и понадобиться в собственной творческой работе. И вообще в этой фразе заложена некоторая «романсовость», традиционность, ощущается легкое стилизационное начало — Окуджаве, конечно же, близкое. Возможно, отозвалась и есенинская интонация. У Есенина хотя и нет именно выражения «задумчиво и кротко», но сама эта лексика — в его духе: «Мой край, *задумчивый* и нежный!» («Я снова здесь, в семье родной...»); «Но люблю тебя, родина *кроткая*!» («Русь»; курсив наш. — А. К.) [Есенин 1956: 84, 72]. Кстати, та же есенинская интонация, как нам кажется, повлияла на соответствующий образ («задумчиво и кротко») в строках орловского стихотворца местного масштаба, написанных до «Заезжего музыканта» и едва ли не напрашивающихся на пародию, Окуджаве же наверняка неизвестных: «Просияв задумчиво и кротко, // Входит в город полная луна. // Анны Керн летучая походка // На вечерней улице слышна» [Катанов 1968: 50].

Нужно сказать, что выражение «задумчиво-кротко» (именно так, через дефис) встречается в рассказе художника Константина Коровина «Этот

самый Пушкин...», в котором появляется сын великого поэта (художник был знаком с Александром Александровичем Пушкиным): «В его образе, в голове, когда он читал страницы книги, было что-то другое: лицо его было внимательно и задумчиво-кротко» [Константин Коровин вспоминает... 1971: 563]. Рассказ был опубликован в парижском журнале «Иллюстрированная Россия» в 1935 году (21 декабря), а в России был впервые перепечатан в 1971 году, в только что процитированном нами издании. Кушнер прочитать его в начале 1960-х вряд ли мог; мог ли прочитать в 1971-м — а значит, позаимствовать выражение у Коровина — Окуджава? Теоретически это допустимо, хотя дата в выходных данных книги Коровина (30.09.1971; обычно в советских изданиях указывались две даты — сдачи в набор и подписания в печать; здесь скорее всего дата подписания в печать как более значимая) подсказывает, что к читателям книга при неторопливости советской книжно-полиграфической системы могла попасть лишь к концу года; точная же дата (число и месяц) написания «Заезжего музыканта» нам не известна. Но даже если бы Окуджава и читал его, все равно поэтическая строчка, ритмичная и зарифмованная, скорее останется в памяти поэта-читателя, чем строчка прозаическая, «теряющаяся» в контексте. Так что шансов считаться источником окуджавского выражения у рассказа Коровина мало — во всяком случае меньше, чем у стихов Кушнера и Казанцева.

Любопытно, что поэтическая история выражения «задумчиво и кротко» продолжилась — и вероятно, с подачи Окуджавы, ибо песня «Заезжий музыкант» звучала в позднесоветские времена широко и интеллигенции была хорошо известна по магнитофонным записям (на пластинке она будет издана в 1980-м). В 1977 году, то есть спустя два года после появления у стихов Окуджавы авторской мелодии, поэт андеграунда Владимир Ковенацкий написал стихотворение «Вечер на ипподроме», лирический герой которого переживает неразделенную любовь, страдает от одиночества и неожиданно находит утешение среди... лошадей. Поэтому лошади у него оказываются наделены человеческими качествами:

И я нашел в конюшне ипподрома
 Душе необходимое тепло.
 Там было все так мило и знакомо,
 Уютно, чисто, хоть и не светло.

Из темноты задумчиво и кротко
 Там рысаки глядели на меня,
 Копытом бухая в перегородку
 И шеи лебединые клоня [Ковенацкий 2007: 176].

Может быть, в этих стихах невольно отозвалось «Хорошее отношение к лошадям» Маяковского, только здесь ситуация как бы вывернута наизнанку («хорошее отношение лошадей»). Но главное: стихи Ковенацкого, с характерной для него иронической постмодернистской игрой (хотя здесь она, кажется, приглушена в пользу серьезного тона: «А сколько было в этой животине // Спокойствия и нежной доброты!»), отражают неприкаянность и маргинальность лирического героя. Герой Ковенацкого — из того же ряда, в котором находятся Венчик из поэмы «Москва — Петушки» или герой довлатовского «Заповедника». В таком контексте и возникла — возможно, невольно, безотчетно — в его (героя) сознании звучащая строчка Окуджавы (впрочем, к 77-му году стихотворение Окуджавы было уже дважды напечатано — сначала в московском «Дне поэзии» 1972 года, а затем, в 1976-м, в авторском сборнике «Арбат, мой Арбат»). Ведь мотив «маргинальности» слегка ощутим и в «Заезжем музыканте» («Дождусь я лучших дней // И новый плащ одену...»).

И можно почти наверняка утверждать, что из песни Окуджавы выражение «задумчиво и кротко» попало в песню Вероники Долиной «Я нищая сиротка...» («И в небо синее смотрю // Задумчиво и кротко» [Долина 2001: 188]; здесь же есть еще и почти окуджавское «вздыхаю тяжело»), — а также в выложенные в Сети стихи Лау Голдман: «И темнота у каждого своя... // Она как кошка легкою походкой, // Как лань, задумчиво и кротко, // Приходит, чтоб сказать мне: Я твоя...» [Голдман]. Здесь, как видим, возникает новый «зоологический» мотив («как лань»; ср. с «рысаками» Ковенацкого), при этом способностью приходить «задумчиво и кротко» наделен не человек, а аллегорическая «темнота».

Литература

- Арсуага-Герра М. Образ музыканта и символы судьбы и надежды в поэзии Б. Ш. Окуджавы // Булат Окуджава. Опыты молодых / Сост.: Е. А. Семенова. М.: Изд-во Сев.-Вост. гос. ун-та; Магадан, 2011. С. 30–35.
- Бойко С. С. Творчество Булата Окуджавы и русская литература второй половины XX века. М.: РГГУ, 2013. 608 с.
- Быков Д. Л. Булат Окуджава. М.: Молодая гвардия, 2009. 784 с.
- Голдман Л. И тишина у каждого своя... [Электронный ресурс]. URL: <https://stihi.ru/2014/10/03/3010> (дата обращения: 27.05.2023).
- Долина В. А. Сэляви: Стихотворения. М.: Эксмо-Пресс, 2001. 414 с.
- Есенин С. А. Стихотворения и поэмы. Л.: Совет. писатель, 1956. 440 с.

Казанцев В. И. «Мы пили с ним у автомата...» // Юность. 1964. № 9. С. 40.

Казанцев В. И. Русло: Стихи. М.: Совет. Россия, 1969. 96 с.

Катанов В. М. Всегда со мной: Стихи. Тула: Приок. кн. изд-во, 1968. 56 с.

Ковенацкий В. А. Альбом стихов, рисунков и гравюр. М.: Культурная революция, 2007. 282 с.

Константин Коровин вспоминает... / Сост. И. С. Зильберштейн и В. А. Самков. М.: Искусство, 1971. 912 с.

Крылов А. Е. Из запасных файлов // Вопросы литературы. 2012. № 1. С. 399–417.

Крылов А. Е. Мои воспоминания о Мастере, или Как я стал агентом КГБ. М.: Булат, 2005. 160 с.

Крылов А. Е. О задачах и особенностях текстологии поэтических произведений Окуджавы: К постановке проблемы // Окуджава. Проблемы поэтики и текстологии / Сост. А. Е. Крылов. М.: ГКЦМ В. С. Высоцкого, 2002. С. 163–193.

Кушнер А. С. Несколько слов о Булате // Творчество Булата Окуджавы в контексте культуры XX века / Ред.-сост.: И. И. Ришина. М.: Соль, 2001. С. 70–72.

Кушнер А. С. Рискую вызвать негодование... // ЛГ-Досье: Приложение к «Литературной газете». 1992. № 11. С. 3.

Окуджава Б. Ш. Собр. соч.: В 11 т. / Подгот. коллективом под рук. А. Гербовицкого. М., 1984 [отпечат. на множит. аппарате].

Окуджава Б. Ш. Стихотворения / Сост. и подгот. текста В. Н. Сажина и Д. В. Сажина. СПб.: Гуманит. агентство «Академич. проект», 2001. 712 с.

Окуджава Б. Ш. «Я никому ничего не навязывал...» / Сост. А. Е. Петраков. М.: Кн. магазин «Москва», 1997. 288 с.

Раннопорт А. Г. Окуджава в Новосибирске // Голос надежды: Новое о Булате / Сост. А. Е. Крылов. Вып. 5. М.: Булат, 2008. С. 22–46.

References

Arsuaga-Gerra M. *Obraz muzykanta i simvol'y sud'by i nadezhdy v poezii B. Sh. Okudzhavy* [The image of a musician and symbols of fate and hope in the poetry of B. Sh. Okudzhava]. *Bulat Okudzhava. Opyty molodykh. Sost. E. A. Semenova* [Bulat Okudzhava. Experiences of the young. Compiled by: E. A. Semenova]. Moscow; Magadan, North-East State Univ. Publ., 2011, pp. 30–35. (In Russ.)

Boiko S. S. *Tvorchestvo Bulata Okudzhavy i russkaya literatura vtoroi poloviny XX veka* [The work of Bulat Okudzhava and Russian literature of the second half of the twentieth century]. Moscow, Russ. State Humanit. Univ. Publ., 2013. 608 p.

Bykov D. L. *Bulat Okudzhava* [Bulat Okudzhava]. Moscow: Molodaya gvardiya Publ., 2009. 784 p.

Dolina V. A. *Selyavi. Stikhotvoreniya* [Selyavi. Poems]. Moscow, Eksmo-press Publ., 2001. 414 p.

- Esenin S. A. *Stikhotvoreniya i poetry* [Poems]. Leningrad, Sovetskii Pisatel', Publ., 1956. 440 p.
- Goldman L. *I tishina u kazhdogo svoya...* [And everyone has their own silence...]. Available at: <https://stihi.ru/2014/10/03/3010> (accessed 27.05.2023).
- Katanov V. M. *Vsegda so mnoi. Stihi* [Always with me. Poetry]. Tula: Prioksky Book Publishing House Publ, 1968. 56 p.
- Kazancev V. I. «*My pili s nim u avtomata...*» ["We drank with him at the machine..."]. Yunost', 1964, no 9, p. 40. (In Russ.)
- Kazancev V. I. *Ruslo. Stihi* [Bed. Poetry]. Moscow, Sovetskaya Rossiya Publ., 1969. 96 p.
- Konstantin Korovin *vspominaet...* Sost. I. S. Zil'bershtein i V. A. Samkov. [Konstantin Korovin remembers... Comp. by I. S. Zilberstein and V. A. Samkov]. Moscow, Izobrazitel'noe Iskusstvo Publ., 1971. 912 p.
- Kovenackii V. A. *Al'bom stihov, risunkov i gravyr* [Album of poems, drawings and engravings]. Moscow, Kul'turnaya revolyuciya Publ., 2007. 282 p.
- Krylov A. E. Iz zapasnykh failov [From spare files]. *Voprosy literatury*, 2012, no 1, pp. 399–417. (In Russ.)
- Krylov A. E. *Moi vospominaniya o Mastere, ili Kak ya stal agentom KGB* [My memories of the Master, or How I became a SSC agent]. Moscow, Bulat Publ., 2005. 160 p.
- Krylov A. E. O zadachakh i osobennostyakh tekstologii poeticheskikh proizvedenii Okudzhavy: K postanovke problemy [On the tasks and features of textual criticism of Okudzhava's poetic works. Towards the formulation of the problem]. *Okudzhava. Problemy poetiki i tekstologii*. Sost. A. E. Krylov [Okudzhava. Problems of poetics and textual criticism. Comp. A. E. Krylov]. Moscow, GKCM V. S. Vysockogo Publ., 2002, pp. 163–193. (In Russ.)
- Kushner A. S. Neskol'ko slov o Bulate [A few words about Bulat]. *Tvorchestvo Bulata Okudzhavy v kontekste kul'tury XX veka. Red.-sost.: I. I. Rishina* [The work of Bulat Okudzhava in the context of the culture of the twentieth century. Edited by: I. I. Rishina]. Moscow, Sol' Publ., 2001, pp. 70–72. (In Russ.)
- Kushner A. S. Riskuya vyzvat' negodovanie... [At the risk of causing outrage...]. *LG-Dos'e: Prilozhenie k "Literaturnoi gazete"*, 1992, no 11, p. 3. (In Russ.)
- Okudzhava B. *Sobranie sochinenii: V 11 tomakh. Podgot. kollektivom pod ruk. A. Gerbovitskogo* [Collected works. In 11 volumes. Prepared by a team led by A. Gerbovitsky]. Moscow, 1984 [printed on a multiplier].
- Okudzhava B. *Stikhotvoreniya. Sost. V. N. Sazhin i D. V. Sazhin* [Poems / Comp. V. N. Sazhin and D. V. Sazhin]. St. Petersburg, Gumanitarnoe agentstvo "Akademicheskii proekt" Publ., 2001. 712 p.
- Okudzhava B. "Ya nikomu nichego ne navyazyval..." / Sost. A. E. Petrakov ["I did not impose anything on anyone...". Compiled by A. E. Petrakov]. Moscow, Knizhnyi magazin "Moskva" Publ., 1997. 288 p.
- Rappoport A. [Okudzhava in Novosibirsk]. *Golos nadezhdy: Novoe o Bulate*. Sost. A. E. Krylov [Voice of hope. New about Bulat. Comp. A. E. Krylov]. Moscow, Bulat Publ., 2008, pp. 22–46. (In Russ.)

ПРИЛОЖЕНИЕ

А. Кушнер

ВОСПОМИНАНИЕ

Я думал, вы — японец, Окуджава,
когда впервые кто-то произнес
фамилию при мне. Летела слава
быстрее пчел, стремительней стрекоз.

Потом я вас увидел, слава богу.
Я в «Литгазету» как-то заглянул.
Вы и тогда, насколько помню, ногу
красивым жестом ставили на стул.

Вот вы ее поставили, по струнам
рукой так чудно, тихо провели —
и нам, в ту пору пасмурным и юным,
жизнь улыбнулась: в комнату вошли

печаль и радость, вера и волнение,
и в первый раз явились, а не вновь,
и божество, и — как там? — вдохновение?
и к вашим песням вечная любовь...

(Менестрель: Стен. газ. Моск. КСП. 1984.
№ 2–3 (23–24). С. 20)

Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре О. Мандельштама

Ирина Захаровна Сурат, Институт мировой литературы им. А. М. Горького РАН (Россия, Москва),
i-surat@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030069

АННОТАЦИЯ: Статья посвящена стихотворению Осипа Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...» (1931). Предмет исследования — особенности поэтической семантики Мандельштама, рассмотренные на примере слова «трус». В статье показано, что Мандельштам под давлением поэтической традиции собирает воедино все исторически разошедшиеся значения этого слова, актуализирует его этимологию и религиозный контекст и вступает таким образом в разговор о русской истории с поэтами-современниками, также употреблявшими слово «трус» в его исконном значении, — с Александром Блоком, Анной Ахматовой, Максимилианом Волошиным. Попутно комментируются образы, составляющие ближайший поэтический контекст слова «трус», — образ «волка» и «кровавых костей в колесе», определяются литературные источники этих образов — произведения Шарля де Костера, Дмитрия Мережковского, Зинаиды Гиппиус, Константина Случевского. Ставится вопрос о возможности перевода полисемантических элементов стиха на иностранные языки, а также вопрос о необходимости «обратного перевода» поэтического текста на язык породившей его эпохи посредством языкового комментария.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Мандельштам, поэтика, поэтическая семантика, перевод, смысловое расширение

для цитирования: Сурат И. З. Поэтика смыслового расширения. Заметки о словаре О. Мандельштама // Русская речь. 2024. № 3. С. 67–78. DOI: 10.31857/S0131611724030069.

благодарности: Исследование выполнено в ИМЛИ РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 23-18-00375 «Русская литература: проблема мультилингвизма и обратного перевода», <https://rscf.ru/project/23-18-00375>.

The Language of Fiction

Poetics of Semantics’ Broadening. Notes on O. Mandelstam’s Vocabulary

---

Irina Z. Surat, A. M. Gorky Institute of World Literature of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), i-surat@mail.ru

---

ABSTRACT: The article is dedicated to Osip Mandelstam’s poem “For the future ages’ resounding glory...” (1931). The research focuses on the features of Mandelstam’s poetical semantics, examined on the example of the word *trus* (coward). The article shows that under the influence of the poetic tradition Mandelstam puts together all the meanings of this word that had traditionally been separated, actualizes its etymology and religious context and engages in a conversation about Russian history with contemporary poets who also used the word *trus* in its original meaning, namely, Alexander Blok, Anna Akhmatova and Maximilian Voloshin. The article also comments on images that make up the nearest poetical context of the word *trus* — “wolf” and of “bloody bones in the wheel”. The paper identifies the literary sources of these images among which are works by Charles de Coster, Dmitry Merezhkovsky, Zinaida Gippius and Konstantin Sluchevsky. The study also

speculates whether it is possible to translate polysemantic elements within a poem into foreign languages, as well as discusses the necessity of a “reverse translation” of the poetical text into the language of the epoch in which it was written by means of a linguistic commentary.

KEYWORDS: Mandelstam, poetics, poetical semantics, translation

FOR CITATION: Surat I Z. Poetics of Semantics' Broadening. Notes on O. Mandelstam's Vocabulary. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 67–78. DOI: 10.31857/S0131611724030069.

ACKNOWLEDGEMENTS: The research was carried out at the A. M. Gorky Institute of Word Literature RAS at the expense of a grant from the Russian Science Foundation, project No. 23-18-00375 “Russian literature: the problem of multilingualism and reverse translation”, <https://rscf.ru/project/23-18-00375>.

Речь пойдет об одном из самых известных стихотворений Осипа Мандельштама:

За гремучую доблесть грядущих веков,
За высокое племя людей, —
Я лишился и чаши на пире отцов,
И веселья, и чести своей.

Мне на плечи кидается век-волкодав,
Но не волк я по крови своей:
Запихай меня лучше, как шапку, в рукав
Жаркой шубы сибирских степей...

Чтоб не видеть ни труса, ни хлипкой грязцы,
Ни кровавых костей в колесе;
Чтоб сияли всю ночь голубые песцы
Мне в своей первобытной красе.

Уведи меня в ночь, где течет Енисей
И сосна до звезды достает,
Потому что не волк я по крови своей
И меня только равный убьет.

17–18 марта 1931, конец 1935

Это стихотворение традиционно воспринимается как гражданский манифест — не опубликованное при жизни поэта, оно знаменует решительный разрыв с наступившей эпохой, желание отвернуться от картин распада и насилия, бежать от уродливой социальной реальности в воображаемый прекрасный мир северной природы. Как и парное к нему стихотворение того же времени «Ночь на дворе. Барская лжа...», оно фиксирует настрой весны 1931 г., который вскоре сменится у Мандельштама стихами совсем другого толка и стремлением разделить с современниками радость новой жизни. Такой диапазон мучительных колебаний и несводимых противоречий — характерная черта «поэтической идеологии»¹ Мандельштама с начала 1930-х гг.

Стихотворение подробно прокомментировано, при этом в его семантике остаются темные места; так, по существу не вполне понятна первая строфа — что здесь названо «гремучей доблестью грядущих веков» и почему поэт за нее лишился чести². Кое-что прояснится, если вспомнить обстоятельства крайне тяжелой для Мандельштама истории, разразившейся после выхода в свет издания «Тиля Уленшпигеля» Шарля де Костера в сентябре 1928 г.: на титуле Мандельштам значился как переводчик романа, тогда как на самом деле он сократил и отредактировал чужие переводы. Издательская ошибка дала повод неслыханной травле в литературной среде, сопровождавшейся обвинениями в воровстве и угрозой уголовного преследования³. История длилась полтора года, повлекла за собой разрыв Мандельштама с литературными организациями и нашла художественное отражение в «Четвертой прозе» (1929–1930).

Догадка о связи «Волка» (домашнее название стихотворения) с этой историей была высказана на заре мандельштамоведения [Марголина 1990: 301], сегодня мы можем укрепить ее новыми аргументами. В июне 1929 г. Мандельштам пишет Ахматовой: «Это — последнее разложение. Трусость, ложь, подхалимство. Пусть мне перегрызают горло, но я призываю товарищей спасти честь свою, честь литературы...» [Мандельштам 2011: 484] — так он воспринимает и оценивает поведение ополчившихся на него литераторов и свое место в этой среде. Мы видим, что оценки и ключевые слова переходят из этой записки в стихи — «последнее разложение», «трусость», «честь», а тема перегрызания горла восходит к самому роману Шарля де Костера — к образу человека-волка, перегрызавшего горло своим жертвам. Это сопоставление наглядно демонстрирует разницу между эпистолярным и поэтическим текстами, где слово получает

¹ Формула Е. А. Тоддеса [Тоддес 2019: 338].

² О слове «гремучую» и его смысловых оттенках см. [Кружков 2013: 189].

³ Подробно см. [Нерлер 2014].

совсем иное, более сильное и новое звучание «под влиянием конструктивного фактора стиха» [Тынянов 1977: 254]. Важно расслышать это новое звучание и понять, как и за счет чего происходит смысловое расширение слова в поэтическом контексте.

Речь пойдет о слове «трус» в мандельштамовском стихотворении. При первой его публикации в 1955 г. в составе мемуарной книги Сергея Маковского «Портреты современников» некоторые строки читались не так, как принято в современных изданиях, и слово «трус» стояло во множественном числе: «Чтоб не видеть ни трусов, ни мелкой грязи, / Ни кровавых костей в колесе...» [Маковский 1955: 398]. Маковский ссылается на некую почитательницу Мандельштама, привезшую эти неизвестные стихи из России, и публикуемый им текст, возможно, опирается на какой-то промежуточный вариант, так как содержит в том числе и разночтения, восходящие к ранним, сохранившимся автографам, но не совпадает полностью ни с одним из них.

В последнюю известную нам версию текста слово «трус» попадает в единственном числе, между тем семантическая разница между «трусов» и «труса» очень велика. «Трусами» определенно называют «трусливых людей», тогда как слово «трус» в единственном числе помнит и о других, не актуальных сегодня значениях. Толковый словарь В. И. Даля различает их четыре: 'буря и волнение, лютованье стихий' с пометой «стар.», 'землетрясение', 'трепет, страх и дрожь', 'робкий, боязливый человек и животное' [Даль 1982: 437–438]; толковый словарь мандельштамовского времени под редакцией Д. Н. Ушакова фиксирует омонимы: «трус» — 'робкий, трусливый человек' и «трус» (церк.-книжн. устар.) — 'землетрясение' [Ушаков 1940: 816] — все эти разошедшиеся значения восходят к одному старославянскому корню с семантикой трясения, тряски.

В церковнославянском тексте Евангелия и основанных на нем богослужебных текстах «трус» появляется в контексте апокалиптического пророчества: «Встанет бо язык на язык, и царство на царство; и будут глади и пагуби и труси по местом» («Ибо встанет народ на народ и царство на царство; и будут глады, моры и землетрясения по местам» — Мф 24: 7; то же — Мк 13: 8, Лк 21: 11); «И видех, егда отверзе шестую печать, и се, бысть трус велий, и солнце мрачно бысть яко вретисе власяно, и луна бысть яко кровь» («И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь» — Откр 6: 12; то же — 11: 13, 11: 19, 16: 18). Евангельский перечислительный ряд в различных сочетаниях переходит в молитвы Богородице и святым: «Избави <...> от глада, язвы, труса, потопа, огня, меча и иныя казни временныя и вечныя»

(молитва Богородице), «...сохрани святыми твоими молитвами от мирского мятежа, труса, нашествия иноплемеников и междоусобных брани, от глада, мора, огня, меча и напрасной смерти» (молитва Николаю Чудотворцу).

Весь этот контекст вместе со словом «трус» в исконном значении был активно воспринят русской поэзией начиная с XVIII в. — тема *труса, мора, глада* в различных вариациях встречается в самых разных стихах, от поэмы «Ермак» И. И. Дмитриева (1794) до стихотворения «Ангел Реймса» Ольги Седаковой (2003). С особой силой зазвучала тема *труса, мора и глада* в период обострения апокалиптических настроений на рубеже второго тысячелетия и позже, во время Первой мировой войны, революции, Гражданской войны. Остановимся на трех наиболее близких и наверняка известных Мандельштаму стихотворениях.

Александр Блок

Гамаюн, птица вещая
(Картина В. Васнецова)

На глядах бесконечных вод,
Закатом в пурпур облеченных,
Она вещает и поет,
Не в силах крыл поднять смятенных...
Вещает иго злых татар,
Вещает казней ряд кровавых,
И трус, и голод, и пожар,
Злодеев силу, гибель правых...
Предвечным ужасом объят,
Прекрасный лик горит любовью,
Но вещей правдою звучат
Уста, запекшиеся кровью!..

23 февраля 1899

Пример из Блока интересен упоминанием «казней» рядом с «трусом», «голодом» и «пожаром» — старославянское «казнь» как 'наказание' Блок сдвигает к более узкому, современному, понятному значению; Мандельштам в этой конкретизации «казней» идет еще дальше — «ни кровавых костей в колесе». Возникает вопрос: почему именно колесование, именно этот архаичный вид насилия оказывается у него одним из символов наступившей эпохи? Когда образ не мотивирован изнутри самого текста, стоит поискать его внешний литературный источник. Здесь таковых просматривается минимум три. Первый лежит на поверхности — все тот же «Тиль Уленшпигель», переработка которого стала причиной

травли Мандельштама: колесование наряду с сожжением и другими видами жесточайших казней встречается в романе неоднократно. Мандельштам таким образом выстраивает параллели между современной ему реальностью и средневековой Фландрией, как она описана Шарлем де Костером, — с доносами, несправедливыми судами, страшными пытками и кровавыми казнями.

Второй источник кажется более близким — это стихотворение Зинаиды Гиппиус, написанное в 1916 г., в разгар войны и в преддверии революции⁴:

Кричу — и крик звериный...
Суди меня Господь!
Меж зубьями машины
Моя скрежещет плоть.

Своё — стерплю в гордыне...
Но — все? Но если все?
Терпеть, что все в машине?
В зубчатом колесе?

Это стихотворение Мандельштам не мог не знать — он было напечатано в сборнике «Восемьдесят восемь современных стихотворений, избранных З. Н. Гиппиус» (Пг.: Огни, 1917), в который включено и три его стихотворения наряду со стихами Ахматовой, Блока, Белого; рифму «все — колесе» он повторяет в «Стихах о русской поэзии» (1932) в зловещем контексте: «И белок кровавый белки / Крутят в страшном колесе».

Можно с большой уверенностью предположить, что Зинаида Гиппиус, а за ней и Мандельштам, говоря о гуманитарной катастрофе наступившего времени, опираются в своих видениях на картины колесования в романе Д. С. Мережковского «Антихрист. Петр и Алексей» (1904–1905) — казни восставших стрельцов на Красной площади с конкретным описанием «кровавых костей в колесе». Мандельштам вообще был очень впечатлен историософскими романами Мережковского, о чем свидетельствуют многочисленные аллюзии в его стихах начиная с 1911 г.; отчасти сквозь призму этих романов он воспринимал александровскую и петровскую эпохи русской истории вместе с петровскими казнями, упомянутыми в стихотворении того же времени: «И для казни петровской в лесу топорище найду» («Сохрани мою речь навсегда...», 3 мая 1931). А само соположение петровских казней с современными поэту

⁴ Цитируем в первопечатном виде; впоследствии стихотворение получило заглавие «Говори о радостном» и посвящение «В. Злобину».

репрессиями отсылает к пушкинским «Стансам» (1826): «В надежде славы и добра / Гляжу вперед я без боязни: / Начало славных дней Петра / Мрачили мятежи и казни».

И, наконец, третий текст о колесовании, хорошо известный Мандельштаму, — это стихотворение Константина Случевского «После казни в Женеве» (1881)⁵, где герой после зрелища публичной казни видит себя во сне:

Тяжёлый день... Ты уходил так вяло...
Мне снилось: я лежал на страшном колесе,
Меня корбило, меня на части рвало,
И мышцы лопались, ломались кости все...

Это стихотворение Мандельштам особо отметил в имевшемся у него прижизненном издании Случевского [Мандельштам 1999: 287]; как видим, здесь есть и «кости», как в «Волке», и та же рифма «колесе — все», попавшая в «Стихи о русской поэзии». Все приведенные примеры, очевидно, слились у Мандельштама в одну картинку и подсказали ему визуальный образ насилия.

Анна Ахматова вспоминает новозаветное пророчество *труса, мора и глада* в первые дни мировой войны:

Пахнет гарью. Четыре недели
Торф сухой по болотам горит.
Даже птицы сегодня не пели,
И осина уже не дрожит.

Стало солнце немилостью Божьей,
Дождик с Пасхи полей не кропил.
Приходил одноногий прохожий
И один на дворе говорил:

«Сроки страшные близятся. Скоро
Станет тесно от свежих могил.
Ждите глада, и труса, и мора,
И затмения небесных светил.

«Июль 1914»

У Блока — вещая птица Гамаюн, у Ахматовой — «одноногий прохожий» говорят языком Писания о будущем России. В 1921 г. Максимилиан

⁵ За указание на эти стихи благодарим П. Ф. Успенского.

Волошин прибегает к тем же новозаветным мотивам, рисуя Россию как страну уже сбывшегося пророчества:

Свидетели великого распада,
Мы видели безумья целых рас,
Крушенья царств, косматые светила,
Прообразы Последнего Суда:
Мы пережили Илиады войн
И Апокалипсисы революций.
Мы вышли в путь в закатной славе века,
В последний час всемирной тишины,
Когда слова о зверствах и о войнах
Казались всем неповторимой сказкой.
Но мрак и брань, и мор, и трус, и глад
Застигли нас посереде дороги:
Разверзлись хляби душ и недра жизни,
И нас слизнул ночной водоворот.
Стал человек — один другому — дьявол;
Кровь — спайкой душ; борьба за жизнь — законом;
И долгом — месть.
Но мы не покорились...

«Потомкам (Во время террора)», 1921

Здесь можно отметить целый ряд параллелей с мандельштамовским «Волком», явных и неявных, — и метафорический «трус», от которого «разверзлись хляби душ и недра жизни», и «кровь», и тема сопротивления «веку». «Великий распад», описанный Волошиным, семантически связан с «трусом» в его исконном значении. Особое внимание обратим на волошинское «стал человек — один другому — дьявол» — за этим стихом стоит известная формула Плавта «Человек человеку волк» (комедия «Ослы»), которая сквозит и отрицается в мандельштамовском «не волк я по крови своей».

Включая в свою картину современности слово «трус» в единственном числе, Мандельштам не мог не ощущать давления поэтической и религиозной традиции, актуализирующей его этимологию. Больше оно в оригинальной поэзии Мандельштама ни разу не встречается. «Трус» — один из примеров того, что Мандельштам воспринимал «слово как образ, то есть словесное представление» («О природе слова», 1921–1922) [Мандельштам 2010: 78], вскрывал его внутреннюю форму и умел собрать в поэтическом контексте все его исторически разошедшиеся значения. Этот пример — иллюстрация тезиса, сформулированного поэтом в «Разговоре о Данте»

(1933): «Любое слово является пучком, и смысл торчит из него в разные стороны, а не устремляется в одну официальную точку» [Мандельштам 2010: 166]. Из слова «трус» действительно «торчит» пучок смыслов, одно значение просвечивает сквозь другое: и трусливый человек, и всеобщий распад, страх и трепет, и историческое потрясение, катастрофа. И это семантически нагруженное слово, отсылающее к церковнославянскому, книжному, религиозному, то есть стилистически возвышенному контексту, Мандельштам ставит в один ряд с разговорным и нарочито сниженным сочетанием «хлипкой грязцы» и шоковым упоминанием «кровавых костей в колесе» — так тремя стилистически контрастными штрихами создается поэтический образ времени.

Словом «трус» Мандельштам вольно или невольно вступает в разговор о русской истории и современности с Блоком, Ахматовой, Гиппиус, Мережковским, Волошиным. В отличие от Блока и Ахматовой, он, как и Волошин, говорит как свидетель о стране, в которой апокалиптическое пророчество сбывается на глазах⁶ (добавим, что вообще в этом стихотворении отмечены также переключки с Пушкиным и Некрасовым, Минским и Надсоном, Гумилевым, Багрицким и другими поэтами).

Как этот объем смыслов можно передать в переводах на другие языки и как это соотносится с современным восприятием? Стихотворение «За гремучую доблесть грядущих веков...», справедливо считающееся «шедевром гражданской лирики» [Аверинцев 1990: 54], переводили лучшие знатоки Мандельштама — Пауль Целан (нем.), Ральф Дутли (нем.), Мишель Окутюрье (франц.), все они разными способами передали слово «трус» («das Kleinmute», «den Feigling», «le poltron»), но многозначность и самая суть этого корня в их переводах не сохранилась. Владимир Набоков тоже перевел «трус» простым словом «the coward» (англ.), хотя, как носитель русского языка, он понимал неполноту такого перевода и сам на нее указывал в полемике с Робертом Лоуэллом: «Множество слов и выражений в стихотворении имеют двойной смысл (например, слово, переведенное как «coward», является омонимом старого русского “трус”, означающего “quaking — трясение” как в “earthquake — землетрясение”» [Набоков 2002: 582] — и трех английских слов не хватает, чтобы передать полисемантическое слово Мандельштама. Другой носитель русского языка, Аркадий Штыпель, переводит эту строку на украинский так: «Щоб ані страхунів, чи брудної трісці...» — семантику страха он передает прозрачным неологизмом «страхун» (по-украински «трус» — «боягуз»), а семантику тряски — резко окказиональным «трісці» на месте мандельштамовской «грязцы». Таким образом, его перевод оказывается семантически

⁶ Другое мнение см. [Марголина 1990: 309–310].

более полноценным, при этом стилистически сдвинутым относительно оригинала в сторону более экзотического словоупотребления.

Тут уместно напомнить, что Мандельштам скептически относился к возможностям поэтического перевода и никому не советовал этим заниматься, сам же переводил поэзию мало, а с какого-то момента и вовсе перестал. «Вообще стихи переводить не надо. В переводе можно читать только прозу, стихи следует читать только в подлиннике», — говорил он С. И. Липкину [Липкин 2008: 34].

Для современного русскоязычного читателя актуально лишь одно, прямое и привычное, значение слова «трус», а все семантические слои и открывающиеся за ними контексты от него, как правило, ускользают. И это лишь один частный пример того, как изменения в языке определяют восприятие художественного текста. Задача языкового комментария — компенсировать потери и вернуть утраченные смыслы в дополнение к тем новым смыслам, какими прирастают во времени настоящие стихи.

Литература

- Аверинцев С. С. Судьба и весть Осипа Мандельштама // Мандельштам О. Э. Сочинения. В 2 т. М.: Художественная литература, 1990. Т. 1. С. 5–64.
- Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1982. 683 с.
- Кружков Г. М. «Н» и «Б» сидели на трубе. Два эссе с компаративистским уклоном // Новый мир. 2013. № 5. С. 174–195.
- Липкин С. И. «Угль, пылающий огнем...»: Воспоминания о Мандельштаме. Стихи, статьи, переписка. Материалы о Семене Липкине. М.: РГГУ, 2008. 474 с.
- Маковский С. К. Осип Мандельштам // Маковский С. К. Портреты современников. Нью-Йорк: Издательство имени Чехова, 1955. С. 375–398.
- Мандельштам Н. Я. Воспоминания. М.: Согласие, 1999. 576 с.
- Мандельштам О. Э. Полное собрание сочинений и писем. В 3 т. М.: Прогресс-Плеяда, 2009–2011. Т. 1. 2009. 807 с.; Т. 2. 2010. 759 с.; Т. 3. 2011. 943 с.
- Марголина С. Размышления об одном варианте (Стихотворение Осипа Мандельштама «За гремучую доблесть грядущих веков...») // Континент. 1990. № 62. С. 299–313.
- Мельников Н. (ред.-сост.). Набоков о Набокове и прочем: Интервью, рецензии, эссе. М.: Независимая Газета, 2002. 704 с.
- Нерлер П. М. Битва под Уленшпигелем // Нерлер П. М. Con amore. Этюды о Мандельштаме. М.: Новое литературное обозрение, 2014. С. 85–108.
- Тоддес Е. А. Поэтическая идеология // Тоддес Е. А. Избранные труды по русской литературе и филологии. М.: Новое литературное обозрение, 2019. С. 338–370.

Ушаков Д. Н. (ред.). Толковый словарь русского языка. В 4 т. Т. 4. М.: Гос. изд-во иностранных и национальных словарей, 1940. 754 с.

Тынянов Ю. Н. Предисловие к книге «Проблема стиховой семантики» // Тынянов Ю. Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977. С. 253–254.

References

- Averintsev S. S. [The fate and news of Osip Mandelstam]. Mandelshtam O. E. *Sochineniya* [Essays]. In 2 vols. Vol. 1. Moscow, Khudozhestvennaya Literatura Publ., 1990, pp. 5–64. (In Russ.)
- Kruzhkov G. M. [“N” and “B” were sitting on the pipe. Two essays with a comparative bias]. *Novyi mir*, 2013, no. 5, pp. 174–195. (In Russ.)
- Lipkin S. I. *“Ugl’, pylayushchii ognem...”*: *Vospominaniya o Mandel’shtame. Stikhi, stat’i, perepiska. Materialy o Semene Lipkine* [“Coal burning with fire”: Memories of Mandelstam. Poems, articles, correspondence. Material about Semyon Lipkin]. Moscow, RSUH Publ., 2008. 474 p.
- Makovskii S. K. [Osip Mandelstam]. Makovskii S. K. *Portrety sovremennikov* [Portrait of contemporaries]. New York, Publ. House named after A. P. Chekhov, 1955, pp. 375–398. (In Russ.)
- Mandelshtam N. Ya. *Vospominaniya* [Memoirs]. Moscow, Soglasie Publ., 1999. 576 p.
- Mandelstam O. E. *Polnoe sobranie sochinenii i pisem* [Complete works and letters]. In 3 vols. Moscow, Progress-Pleyada Publ., 2009–2011.
- Melnikov N. (ed.-comp.). *Nabokov o Nabokove i prochem: Interv’yū, retsenzii, esse* [Nabokov on Nabokov and others: Interviews, reviews, essays]. Moscow, Nezavisimaya Gazeta Publ., 2002. 704 p.
- Margolina S. [Reflections on one variant (Osip Mandelstam’s poem “For the Resounding Valor of the coming Centuries...”).] *Kontinent*, 1990, no. 62, pp. 299–313. (In Russ.)
- Nerler P. M. [The Battle of Ulenspiegel]. Nerler P. M. *Con amore. Etyudy o Mandel’shtame* [Con amore. Sketches about Mandelstam]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2014, pp. 85–108. (In Russ.)
- Toddes E. A. [Poetic ideology]. Toddes E. A. *Izbrannye trudy po russkoi literature i filologii* [Toddes E. A. Selected works on Russian literature and philology]. Moscow, Novoe Literaturnoe Obozrenie Publ., 2019, pp. 338–370. (In Russ.)
- Ushakov D. N. (ed.). *Tolkovyi slovar’ russkogo yazyka* [Explanatory dictionary of the Russian language]. In 4 vols. Vol. 4. Moscow, State Publ. House of Foreign and National Dictionaries, 1940. 754 p.
- Tynyanov Yu. N. [Preface to the book “The problem of verse semantics”]. Tynyanov Yu. N. *Poetika. Istoriya literatury. Kino* [Poetich. Historical literature. Cinema]. Moscow, Nauka Publ., 1977, pp. 253–254. (In Russ.)

О некоторых ошибках в переводе на азербайджанский язык романа Ф. М. Достоевского «Бесы»

Махрух Мазахим Тагиева, Бакинский славянский университет (Азербайджан, Баку),
mahrux_tagiyeva@live.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030075

АННОТАЦИЯ: В настоящей статье представлена попытка оценить качество перевода, установить отношения адекватности и эквивалентности между художественными текстами романа «Бесы» Ф. М. Достоевского на русском и азербайджанском языках. Произведение было написано и издано в 1870–1872 гг., но на азербайджанский язык было переведено только в 2011 г. При сравнительно-сопоставительном анализе оригинала и перевода мы сталкиваемся с некоторыми неточностями и искажениями исконного текста. Художественный текст Достоевского отличается полифонизмом, идейностью, галереей характеров, а также пространственно-временным единством, идиостилем и поэтикой, что важно соблюдать и в переводе на азербайджанский язык. Сопоставляя аналогичные части в исконном и переведенном текстах, автор статьи указывает на некоторые неточности при передаче имен числительных. Эти неточности при переводе приводят к уменьшению или усилению процесса действия романых событий, что в обоих случаях нежелательно. В статье также указывается на порой неверную транслитерацию собственных имен (особенно в ремарках), исторических фактов (в частности, название газеты), что может ввести читателя в заблуждение. Неадекватная передача личных местоимений, указывающих на пол действующих лиц, способствует алогичному восприятию романых

событий. Часть обнаруженных несоответствий автор статьи относит к техническим ошибкам и упущению переводчика, а часть — к редакторской невнимательности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: художественный перевод, переводческие ошибки, искажение фактической информации, перевод имен собственных, перевод единицы исчисления времени, перевод местоимений, Ф. М. Достоевский, «Бесы»

ДЛЯ ЦИТИРОВАНИЯ: Тагиева М. М. О некоторых ошибках в переводе на азербайджанский язык романа Ф. М. Достоевского «Бесы» // Русская речь. 2024. № 3. С. 79–88. DOI: 10.31857/S0131611724030075.

The Language of Fiction

On Some Errors in the Translation into Azerbaijani of Dostoevsky's Novel “Devils”

Mahrux M. Taghiyeva, Baku Slavic University (Azerbaijani, Baku), mahrux_taghiyeva@live.ru

---

ABSTRACT: This article presents an attempt to assess the quality of the translation, to establish relations of adequacy and equivalence between the literary texts of the novel “Devils” by F. M. Dostoevsky in Russian and Azerbaijani. The novel was written and published in 1870–1872, but was translated into Azerbaijani only in 2011. When conducting a comparative analysis of texts, we encounter some inaccuracies and distortions of the original text. The literary text of Dostoevsky is differentiated by its polyphonism, ideology, unique characters, as well as space-time unity, idiosyncrasy and poetics. It is important to observe the above-mentioned features of the original in translated texts. Comparing adequate parts in the original and translated texts, the author of the article points out some inaccuracies in the transmission of numerals. These inaccuracies in translation affect the intensity of novel's events, which is undesirable. The article also points out the cases

of incorrect transliteration of proper names (especially in stage directions), historical facts (in particular the name of the newspaper), which can mislead the reader. Inadequate rendering of personal pronouns, indicating the gender of the characters, contributes to an illogical perception of the events of the novel. The author of the article attributes some of the discovered inconsistencies to technical errors and omissions of the translator, and some to editorial inattention.

KEYWORDS: literary translation, translation errors, distortion of factual information, translation of proper names, time unit conversion, translation of pronouns, F. M. Dostoevsky, "Devils"

FOR CITATION: Taghiyeva M. M. On Some Errors in the Translation into Azerbaijani of Dostoevsky's Novel "Devils". Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 79–88. DOI: 10.31857/S0131611724030075.

Художественный перевод как одно из средств межнационального общения объединяет носителей разных языков на национально-культурном и историко-этнографическом уровнях. «Искусство художественного перевода играет важную роль в сближении культур разноразличных народов и укреплении дружеских отношений» [Semedova 2016: 3]. Художественный перевод как разновидность письменного перевода служит развитию межнационального литературоведения. «Особенно плодотворной стороной литературных взаимоотношений выступает художественный перевод — ключ к мировой литературной сокровищнице» [Гулузаде 1999: 3].

Произведение Достоевского «Бесы» было переведено на азербайджанский язык ученым-исследователем Мамедом Коджаевым еще в 2011 г., однако об этом переводе написано всего несколько научно-исследовательских статей. Изучение и анализ новых переводов, выявление неточностей и упущений непосредственно повлияют на качество повторных переводов.

Сопоставительное изучение и анализ оригинальных и переведенных текстов также способствуют развитию компаративистики, литературных связей, служат для более полной и достоверной передачи идеи, образного мира, языка произведения, ставшего предметом перевода. Мы не ошибемся, если скажем, что «Бесы» — это «самое невезучее произведение» [Taghiyeva 2020: 5] Достоевского; «роман исследован слабее других» [Карякин 1981: 73]. Еще Г. Н. Пospelов отмечал, что «надолго,

отчасти и вплоть до нашего времени, “Бесы” сохранил за собой очень дурную репутацию пасквиля на революционное движение. Но следовало бы пересмотреть такую категорическую оценку романа» [Поспелов 1971: 37]. Интересно и мнение самого переводчика: «Роман “Бесы” — один из сильных в художественном отношении и сложных и противоречивых со стороны идейного содержания произведений писателя» [Коджаев 2007: 2].

Цель нашей статьи состоит в том, чтобы, сравнивая исходный и переведенный тексты по предложениям, выявить переводческие упущения и ошибки. В тексте «Бесов» на азербайджанском языке очень важны и интересны вопросы единства времени и пространства и передача собственных имен героев без искажения. Эти не столь важные, на первый взгляд, случаи при неправильной трактовке и переводе приводят к недопониманию содержания исходного текста и отдалению от него.

Язык Достоевского отличается своеобразием и многогранностью. «Слово Достоевского — всегда живое слово» [Захаров 1979: 27]. Каждое выражение, каждое слово, даже каждый суффикс в тексте писателя несут в себе смысловую нагрузку, подчеркивают какую-то особенность того или иного предмета и явления. «В его произведениях нет ничего случайного, даже незначительные, на первый взгляд, детали у него глубоко оправданы» [Белов 1979: 28]. Сохранение формы и содержания произведения, логической последовательности сменяющих друг друга событий внутри романа относятся к числу факторов, непосредственно влияющих на единство времени и пространства романа. «Язык временных обозначений используется Достоевским метафорически для описания духовных исканий героев; довольно четко дифференцируемые в художественном мире писателя, временные обозначения становятся характерным для него средством выражения философских и психологических смыслов» [Галышева 2008: 18]. На первый взгляд может показаться, что тот промежуток времени, в котором происходит определенное событие, можно передать с точностью без особого труда. Здесь речь идет о переводе количественных числительных, о передаче таких единиц исчисления времени, как месяц, неделя и т. д. Сравнивая с этой точки зрения соответствующие отрывки из текстов оригинала и перевода, содержащие определенную когнитивную информацию, мы обнаружили некоторые неточности.

В начале произведения речь идет о Шатове, об исключении его из университета, об обучении им детей в купеческом доме, где он познакомился со своей будущей женой Марией, и об их поездке за границу вместе с купеческой семьей. Из-за гордого и свободолюбивого характера гувернантки (Марии) хозяин через некоторое время увольняет ее. В тексте Достоевского читаем: «Месяца через два купец ее выгнал» [Достоевский

1974: 27]. Найдем единицу исчисления времени в переведенном тексте: «iki həftədən sonra» [Dostoyevsky 2011: 40], т. е. через две недели. Из вышеприведенных примеров становится ясно, что временной промежуток («месяца через два») в переведенном тексте сокращается в разы («через две недели»).

Однако Шатов и Мария как быстро поженились, так и быстро расстались. В исходном тексте читаем: «Прожили они вдвоем недели с три» [Достоевский 1974: 27]. Рассмотрим достоверность этого промежутка времени в переводе: «iki həftəyə yaxın» [Dostoyevsky 2011: 40] (около двух недель). Из сравнений видно, что в переведенном тексте купец выгнал Марию из своего дома не через два месяца, а через две недели, и прожили они с Шатовым вместе почти не две, а три недели. В данном случае переводчик допускает искажение фактической информации, что недопустимо согласно современным нормам перевода.

Скитаясь по Европе, Шатов зарабатывал на жизнь чисткой обуви на улице, был носильщиком в каком-то порту, наконец, вернулся в родные края к своей старой тетке и вскоре после этого (месяц спустя) похоронил ее: «Поселился со старухой теткой, которую и схоронил через месяц» [Достоевский 1974: 27]. В переведенном тексте этот промежуток времени продлился до двух месяцев: «iki aydan sonra» [Dostoyevsky 2011: 40]. Такие упущения нежелательны, нужно отметить их как отклонение от текста оригинала и искажение фактической информации. Однако здесь наряду с упущением переводчика присутствует и невнимательность редактора. Следует помнить, что «переводчик и редактор несут такую же ответственность за каждое предложение, как и автор» [Semedova 2016: 3].

При переводе важно адекватно передать поведение героев, их поступки. В ходе исследования были выявлены некоторые детали, которые не сходятся в исходном и переведенном текстах. Например, в случае со Ставрогиным. Он вернулся в свой особняк из столичного Петербурга по настоянию матери. Этот двадцатипятилетний юноша на виду у светского общества совершает дерзкие и аморальные поступки, и ему абсолютно не стыдно: «Наш принц вдруг, ни с того ни с сего, сделал две-три невозможные дерзости разным лицам» [Достоевский 1974: 38]. В этом случае переводчик умягчает подлое поведение Ставрогина: «...две-три невозможные дерзости» заменяет на «одну-две невообразимые грубости» («bir-iki ağlasığmaz gubudluq» [Dostoyevsky 2011: 54]). Когда Павел Павлович Гаганов в очередной раз произнес свою часто повторяемую фразу «Меня не проведут за нос!» [Достоевский 1974: 38], Ставрогин на глазах у всех сильно схватил его за нос двумя пальцами и протаскил его два-три шага, потом торопливо, небрежно извиняясь, ушел. В оригинале читаем: «...успел протянуть за собой по залу два-три шага» [Достоевский 1974: 39].

Числительное переводится как «bir neçə» [Dostoyevsky 2011: 54]. Написав вместо «два-три шага» «несколько шагов», переводчик тем самым смягчает созданный Достоевским крайне жестокий и легкомысленный характер Ставрогина.

Есть и другие примеры неверного обозначения временных отрезков. В оригинале читаем: «Я [Юлия Михайловна — М. Т.] просидела два часа пред этою картиной и ушла разочарованная» [Достоевский 1974: 235]. В переведенном тексте временная единица увеличилась на один час: «üç saat» [Dostoyevsky 2011: 301], т. е. три часа. Предложение «Я [Степан Трофимович — М. Т.] двинулся с двадцатипятилетнего места» [Достоевский 1974: 353] передано как «Mən iyirmi illik yerimdən tərərəndim» [Dostoyevsky 2011: 453] («Я двинулся с двадцатилетнего места»). Имеет ли смысл увеличивать время на час или сокращать его на пять лет? Вышеупомянутые отклонения от текста оригинала являются нежелательными.

При чтении, анализе и исследовании художественного произведения мы сталкиваемся с ремарками, которые уточняют те или иные моменты текста, определяют говорящего, дополняют его речь собственным мнением автора и т. д. Ремарки также выражают непосредственное отношение автора к изображаемому или дополняют сюжетную линию произведения. С другой стороны, в диалогической речи писатель обращается к ремаркам, чтобы прямо показать, кому принадлежат те или иные слова.

Анализируя перевод романа «Бесы», мы заметили, что в некоторых ремарках имена героев не соответствуют оригиналу. Например, в беседе Петра Верховенского с новоназначенным губернатором Андреем Антоновичем фон Лембке о Кириллове, Шатове, Ставрогине мы находим ремарку «...брякнул вдруг Петр Степанович» [Достоевский 1974: 181]. В переводе вместо Петра Степановича оказывается Степан Трофимович: «Stepan Trofimoviç birdən dedi» [Dostoyevsky 2011: 232–233]. Если это так, то читатель недоумевает: когда Степан Трофимович вступил в диалог? С другой стороны, переводчик почему-то пренебрегает значением слова «брякнул», оно переводится нейтральным «сказал вдруг».

В другом примере неверно передано отчество героя. В исходном тексте читаем: «Удивила меня тоже уж слишком необыкновенная невежливость тона Петра Степановича» [Достоевский 1974: 379]. В переводе — «Məni Pyotr Trofimoviçin qeyri-adi nəzakətsiz tonu da təəccübləndirdi» [Dostoyevsky 2011: 485] («Меня удивил и необыкновенный, невежливый тон Петра Степановича»). Помимо неверного преобразования имен собственных, интенсификатор привычки «тоже» не используется на месте, «меня тоже» следует переводить как «məni də». В переводе логическое ударение падает на слово «тоже», а не на слово «меня», что является отклонением от исходного текста.

В предложении «Ну, я так и знал, что нарвусь, — пробормотал опять Верховенский» [Достоевский 1974: 313] — «...Virginski yenə də donquldandı» [Dostoyevsky 2011: 401] фамилия Верховенский при переводе заменена на Виргинский. Правда, наряду с Шигалевым, Липутиным и Лямшиным в этом разговоре участвует и Виргинская, но вышеприведенная мысль принадлежит Верховенскому.

В азербайджанском языке, в отличие от русского языка, не существует категории рода имени существительного. Достоевский использует личные местоимения в тексте романа во избежание повторов имен героев. В переведенном тексте в нескольких местах местоимение мужского рода ошибочно переводится как существительное женского рода, а иногда и наоборот. Так, предложение «Болезненное впечатление отразилось в его лице» [Достоевский 1974: 399] было переведено как: «Lizanın sifətində ağrılı bir təəssürat əks olundu» [Dostoyevsky 2011: 512]. Удивительно, что местоимение «его», указывающее на мужской род, переводится собственным именем женщины (Лизы). Цитата взята из разговора Ставрогина и Лизы и относится к сцене, где Лиза отвергает предложение Ставрогина уйти вместе с ним, а точнее издевается над ним. Болезненный вид отражается в лице отвергнутого Николая, а не в лице Лизы, которая насмехается над ним.

Аналогичный пример находим в описании отношений Шатова и Марьи: «Каждый день в эти три года он мечтал о ней, о дорогом существе, когда-то ему сказавшем: “люблю»» [Достоевский 1974: 434]. Ср.: «“sevirəm” dediyl bu əziz məxluqu arzulamışdı» [Dostoyevsky 2011: 559]. Из исходного текста можно сделать вывод, что Марья говорила Шатову «люблю», а из переведенного текста — что, наоборот, Шатов — Марье.

Марья Лебядкина — одна из героинь романа, отличающаяся мечтательностью. У нее свой мир, и она очень счастлива в этом мире грез: здесь она со Ставрогиным, «своим соколом», и с собственным малышом. Когда кто-то извне зовет ее, Марья возвращается в реальный мир и разговаривает с этим человеком. В остальное время, что бы ни говорили вокруг нее, она ничего не слышит, ни на что не реагирует. В произведении Шатов громко разговаривает с Марьей, привлекая ее внимание к диалогу: «Я громко говорю; тех, которые не с нею говорят, она тотчас же перестает слушать» [Достоевский 1974: 115]. Обратим внимание на это предложение в переведенном тексте: «Mən ucadan danışiram... onunla belə danışmayanda, o qulaq asmir» [Dostoyevsky 2011: 151] («Я громко говорю... если говорить с нею не так, она не слушает»). Из перевода можно заключить, что каждый должен говорить с Марией громко, иначе она не будет никого слушать. На самом деле Марья не слушала тех, кто не разговаривал с ней, громко или тихо — это не имело особого значения.

Если сравнить исходный текст романа «Бесы» с переводом, то можно увидеть, что в переводе отрицательные частицы иногда упускаются из виду, и поэтому мысль, выраженная в отрицательном значении, звучит утвердительно. Например, Ставрогин признается Лизе: «Я знал, что я не люблю тебя, и погубил тебя» [Достоевский 1974: 401]. Предложение переведено так: «*Bilirdim ki, səni sevirəm və səni məhv etdim*» [Dostoyevsky 2011: 516] («Я знал, что я люблю тебя, и погубил тебя»). Или: «Визит продолжался недолго» [Достоевский 1974: 295] переводится как: «*Görüş uzun çəkdi*» [Dostoyevsky 2011: 378] («Визит продолжался долго»).

Смещение знаков препинания при переводе также может привести к отклонению от текста оригинала: «Ты не вертись! — крикнул он студентке, которая порывалась со стула. — Нет, я тоже слова прошу, я обижен-с» [Достоевский 1974: 306]. На азербайджанском языке — «Нет, я тоже слова прошу, я обижен-с» [Dostoyevsky 2011: 393] дано с абзаца. Таким образом, целостная речь майора при переводе была разделена на две части, в результате чего создается впечатление, что это речь майора и студентки, т. е. монологическая речь передана как диалогическая.

Собственные имена, используемые в оригинале, в том числе топонимы, названия газет и журналов и т. д., при переводе должны оставаться неизменными. В оригинале читаем: «Чрез его руки, в молодости, прошли целые склады “Колокола” и прокламации» [Достоевский 1974: 303]. Очевидно, вследствие опечатки название газеты в переведенном тексте выглядит как «*Kolovkol*» [Dostoyevsky 2011: 389], где не должно быть буквы «v». «Недопустимо преподносить читателю искаженные факты по небрежности и некомпетентности» [Semedova 2016: 113], — пишет исследовательница Л. Самедова.

Таким образом, в ходе сравнения оригинального и переведенного текстов романа «Бесы» нами были обнаружены определенные несоответствия, недочеты и технические ошибки, которые можно легко устранить при следующих изданиях. Неверная транслитерация собственных имен, искажение фактического материала и обозначений времени считаются недопустимыми в переводимых текстах. Некоторая невнимательность переводчика привела к лексико-грамматической трансформации, в результате чего отрицание превратилось в утверждение. Однако выявление ошибок такого рода — работа редактора.

Вместе с тем необходимо подчеркнуть, что непосредственное обращение к творчеству Ф. М. Достоевского и такому сложному произведению, как «Бесы», требует от переводчика, в первую очередь, смелости и трудолюбия. Являясь исследователем творчества Достоевского и владея билингвальными знаниями, профессор М. К. Коджаев внес неоспоримый вклад в азербайджанское литературоведение и переводоведение. Переводчику

удалось сохранить содержание, художественность, композицию, систему образов, а главное — личный стиль автора. И заслуга переводчика в том, что благодаря ему Достоевский заговорил на азербайджанском языке, тем самым открыв очередную страницу ставших традицией русско-азербайджанских литературных связей.

Источники

Достоевский Ф. М. Бесы / Полное собрание сочинений в 30-ти тт. Т. 10. Л.: Наука, 1974. 520 с.

Dostoyevski F. M. Şeytanlar. Seçilmiş əsərləri üç cilddə. T. 3. Bakı: Şərq-Gərb, 2011. 704 с.

Литература

Белов С. В. Почему братьев Карамазовых было трое? // Русская речь. 1979. № 4. С. 28–33.

Галышева М. П. Момент и миг у Достоевского // Русская речь. 2008. № 5. С. 15–18.

Гулузаде Я. М. Художественный перевод и литературные связи. Баку: Мутарджим, 1999. 148 с.

Евнин Ф. И. Роман «Бесы» // Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Изд-во АН СССР, 1959. С. 215–264.

Захаров В. Н. Слово и курсив в «Преступлении и наказании» // Русская речь. 1979. № 4. С. 21–27.

Карякин Ю. Ф. Зачем хроникер в «Бесах»? // Литературное обозрение. 1981. № 4. С. 72–84.

Коджаев М. М. Характеры и идеи Ф. М. Достоевского. Баку: Мутарджим, 2007. 464 с.

Поспелов Г. Н. Творчество Ф. М. Достоевского. М.: Знание, 1971. 64 с.

Səmədova L. H. Tərcümə mətninin redaktəsi. Bakı: Sabax, 2016. 124 с.

Taghiyeva M. M. Fyodor Dostoyevski Azərbaycan dilində. Bakı: Mütərcim, 2020. 224 с.

References

Belov S. V. [Why were there three Karamazov brothers?]. *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 28–33. (In Russ.)

Evnin F. I. [Novel "The Devils"]. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's works]. Moscow, 1959, pp. 215–264. (In Russ.)

Galysheva M. P. [Moment and instant in Dostoevsky]. *Russkaya rech'*, 2008, no. 5, pp. 15–18. (In Russ.)

- Guluzade Ya. M. *Khudozhestvennyi perevod i literaturnye svyazi* [Literary translation and literary connections]. Baku, Mutardzhim Publ., 1999. 148 p.
- Karyakin Yu. F. [Why is there a chronicler in “The Devils”]. *Literaturnoe obozrenie*, 1981, no. 4, pp. 72 –84. (In Russ.)
- Kodjayev M. K. *Kharaktery i idei F. M. Dostoevskogo* [F. M. Dostoevsky's characters and ideas]. Baku, Mutardzhim Publ., 2007. 464 p.
- Pospelov G. N. *Tvorchestvo F. M. Dostoevskogo* [Dostoevsky's works]. Moscow, Znanie Publ., 1971. 64 p.
- Semedova L. H. *Tərcümə mətninin redaktəsi* [Editing the translated text]. Baku, Sabax Publ., 2016. 124 p.
- Taghiyeva M. M. *Fyodor Dostoyevski Azərbaycan dilində* [Fyodor Dostoevsky in Azerbaijani language]. Baku, Mutardzhim Publ., 2020. 224 p.
- Zakharov V. N. [Word and italics in “Crime and Punishment”]. *Russkaya rech'*, 1979, no. 4, pp. 21–27. (In Russ.)

Ирония в посланиях и амфигурии Антония Погорельского

Марина Викторовна Терехова, Литературный институт имени А. М. Горького (Россия, Москва),
tmarik85@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030081

аннотация: В статье анализируются приемы создания иронии в трех стихотворениях Антония Погорельского: «Неелов беспутный...», «Послание к другу моему N. N., военному человеку» и «Абдул-визирь...». В двух стихотворениях, написанных в жанре послания, причем конкретной его разновидности, а именно — послания о поэтическом творчестве, традиционные дихотомии (талантливый ленивец и бесталаный труженик; странник и домосед) Погорельским парадоксализируются и наполняются неожиданным содержанием. Иронический эффект строится на псевдообличении или, напротив, псевдовозвышении адресатов послания, а также на демонстративном преподнесении заведомо ложного и несостоятельного как должного. Автор обращается к приему «надевания масок»; прибегает к снижению патетики (в частности, темы высокого призвания поэта), сочетая высокий стиль с разговорной лексикой, используя гротеск и подчеркнутую условность (например, портреты-шаржи), а также создает коннотативные оппозиции. В третьем стихотворении, написанном в жанре амфигурии, Погорельский конструирует образ абсурдной реальности, используя приемы соединения несоединимого и нарушения логических связей. Принимая во внимание присутствие в поэзии Погорельского и других посланий, где ирония не обнаруживается, можно сделать вывод о том, что ирония не присуща жанру послания вообще, она является художественной задачей автора в данных конкретных произведениях. Рассмотренные приемы, лишь намеченные в ранней поэзии, будут

продуктивно использоваться А. Погорельским в дальнейшем, в период зрелого творчества.

ключевые слова: Погорельский, ирония, послание, смысловая оппозиция, маска

для цитирования: Терехова М. В. Ирония в посланиях и амфигурии Антоны Погорельского // Русская речь. 2024. № 3. С. 89–102. DOI: 10.31857/S0131611724030081.

The Language of Fiction

Irony in the Epistles and Amphiguri of Antony Pogorelsky

Marina V. Terekhova, Maxim Gorky Institute of Literature and Creative Writing (Russia, Moscow),
tmarik85@mail.ru

ABSTRACT: The article analyzes the techniques of creating irony in three poems by Anthony Pogorelsky: “Neelov the dissolute...”, “Message to my friend N. N., a military man” and “Abdul the Vizier...”. In two poems written in an epistolary genre, namely, in a form of a message about poetic creativity, traditional dichotomies (a talented lazy person and a mediocre worker; a wanderer and a homebody) are being paradoxized by Pogorelsky and filled with unexpected meaning.

The ironic effect is based on pseudo-exposure or, on the contrary, pseudo-exaltation of the message recipients, as well as on the demonstrative presentation of obviously false and untenable matters as if they were due and proper. The author refers to the technique of “putting on masks”; resorts to reducing pathos (in particular, in the poet’s high calling theme), combining high style with colloquial vocabulary, using grotesque and emphasized convention (for example, cartoon portraits), and creates connotative oppositions.

In the third poem, written in the amphiguri genre, Pogorelsky constructs an image of the absurd reality, using techniques of combining the incompa-

tible and breaking logical connections. Taking into account the presence of Pogorelsky and other epistles in poetry, where irony is not found, it can be concluded that irony is not inherent in the genre of the epistle in general, it is the artistic task of the author in these specific works. The considered techniques, only outlined in early poetry, will be productively applied by A. Pogorelsky in the future, during the period of mature creativity.

KEY WORDS: Pogorelsky, irony, message, semantic opposition, mask

FOR CITATION: Terekhova M. V. Irony in the Epistles and Amphiguri of Antony Pogorelsky. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 89–102. DOI: 10.31857/S0131611724030081.

Антоний Погорельский (Алексей Перовский) за свою недолгую жизнь проявил себя в самых разных сферах деятельности. Философ и филолог по образованию, он был также переводчиком, специалистом в области биологии, служащим Сената, офицером-добровольцем во время войны 1812 года. В историю же литературы он вошел прежде всего как разножанровый прозаик. Его перу принадлежат такие произведения: повесть «Лафертовская маковница» (1825), сборник повестей «Двойник, или Мои вечера в Малороссии» (1828), волшебная повесть для детей «Черная курица, или Подземные жители» (1829), рассказ «Посетитель магика» (1829), незавершенный роман «Магнетизер» (1830), роман «Монастырка» (1833), а также ряд критических статей, в частности, посвященных поэме А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». Наследие Погорельского невелико по объему, но при этом во многих жанровых и тематических областях он был «первопроходцем». Так, гоголевский цикл «Вечера на хуторе близ Диканьки» и роман в повестях «Русские ночи» В. Ф. Одоевского были созданы не без влияния «Двойника...» Погорельского, а в повести «Черная курица, или Подземные жители» впервые в русской литературе столь полно и глубоко был воссоздан внутренний мир ребенка.

Однако помимо прозаических произведений перу Погорельского принадлежат также несколько стихотворений. Они еще не становились объектом специального исследовательского внимания, в то время как целостное и всестороннее рассмотрение художественного мира писателя представляется очень важным. Именно в стихотворениях, с которых и начинался творческий путь писателя, обнаруживаются «ключи» к стилю его последующих зрелых произведений.

Всего известно шесть стихотворений Антония Погорельского. Три первых, «Неелов беспутный...», «Послание к другу моему N. N., военному человеку» и «Абдул-визирь...», написаны не позднее 1811 года. В это время Погорельский входит в круг московской творческой молодежи, приобретая репутацию мастера розыгрыша, игры и мистификации. Он также сближается с Вяземским, который отметил зарождение в нем поэтического дара:

И тебе и нам в то время
Тайной всем был твой удел;
Но уже таилось семя,
Но в тебе художник зрел [Вяземский 1935: 251].

В стихах этого периода доминирует игровое, ироническое начало. Второе обращение Погорельского к поэзии происходит через несколько лет; он пишет такие стихи, как «Странник-певец» (не позднее 1818 г.), «Друг юности моей! Ты требуешь совета?..» (не позднее 1819 г.), «К Тиндариде. Горация книга I. Ода IV Velox amoenum saepe Lucretilem» (не позднее 1820 г.). Здесь уже преобладает совершенно иная, элегическая интонация. Показательно, что ранняя и поздняя части условной «гексалогии» содержат обращения к одним и тем же жанрам, к сходным образам и приемам, но соотносятся между собой как «низкое» и «высокое».

В первых двух ранних стихотворениях Погорельский обращается к жанру послания. Еще в XVIII в. послание определялось В. К. Тредиаковским исключительно как «разговор на письме», стиль которого должен быть «краток, силен, ни высок, ни низок, прямо дело изъясняющий» [Тредиаковский 1963: 389]. В 1810–1820-х годах послание становится одним из ведущих лирических жанров, появляются разновидности послания, формируются черты поэтики, складывается круг тем и мотивов. Однако трудность в определении жанра послания в том, что оно может вместить как иронично-сниженное содержание, так и серьезное, трагическое. Как отметил М. Л. Гаспаров, «формальный признак послания — наличие обращения к конкретному адресату и соответственно такие мотивы, как просьбы, пожелания, увещевания и пр. Содержание послания <...> преимущественно морально-философское и дидактическое, но были многочисленные послания повествовательные, панегирические, сатирические, любовные и пр.» [Гаспаров 2001: 763].

Стихотворение «Неелов беспутный...» адресовано Сергею Неелову, признанному в кругах московского молодого дворянства остро слову и мастеру поэтических экспромтов и импровизаций. Тематика стихотворения традиционна для дружеского послания — поэтическое творчество.

Как отмечает Е. В. Богданович, в посланиях на подобную тему поднимаются вопросы «славы и бесславия, зависти и презрения к общественному мнению, гениальности и бездарности, которые развиваются с опорой на определенный набор мотивов, получающих разные интерпретации и входящих в различные сочетания и оппозиции» [Богданович 2011: 9]. В стихотворении Погорельского высокие темы снижаются, а оппозиции — парадоксализируются. Основной прием, создающий иронический эффект, строится на псевдообличении адресата послания:

Неёлов беспутный!
С ума ты слетел;
От лиры бесструнной
Стихов захотел!¹

Неелов именуется «беспутным» и «слетевшим с ума», ибо хочет стихов от «лиры бесструнной» (если вспомнить «Риторику» Аристотеля, то «лирой бесструнной» там именуется лук, но в данном случае смысл оксюморона более прозрачен: отсутствие поэтического таланта). Все эти именования Неелов заслуживает именно потому, что видит поэта в том, кто им не является, а именно — в адресанте послания. Далее Неелов именуется хлестким словом «повеса», и в его адрес продолжают обличительные по форме высказывания:

Ты знаешь, повеса,
Что я не поэт,
Ни меры, ни веса
В стихах моих нет.

Однако содержательно это вновь не что иное, как констатация собственной творческой несостоятельности. Но вместе с тем — и в этом тоже парадокс, создающий комический эффект, — обращается Погорельский к адресату именно в стихах.

В следующем четверостишии Неелову выдвигается новое обвинение, а именно — насилие над адресантом:

А тащишь насильно
Меня на Парнас;
И так изобильно
Хлыстовых у нас.

¹ Здесь и далее стихи А. Погорельского цитируются по изданию: *Погорельский А. Избранное* / Ред., статья и комментарии М. А. Турьян. М.: Советская Россия, 1985. 432 с.

Иронический эффект создается как путем парадоксального снижения высокого («наси́льно тащить» в обитель муз), так и сокрытием, уводом в подтекст главной причины «обвинений». Погорельский не называет себя впрямую графоманом, но имплицитно уподобляет «королю графоманов» Д. И. Хвостову, подчеркнуто переименовав его фамилию и делая ее фактически нарицательной. Иными словами, подразумеваемое саморазоблачение как будто бы вновь оборачивается разоблачением других. Более того, Погорельский идет еще дальше, помещая себя в стан *осуждающих графоманию*:

Ах! сам же, бывало,
Я их осуждал;
Над ними немало
Я сам хохотал.

Последнее четверостишие наконец высвечивает весь иронический подтекст стихотворения:

А ныне не смею
Тебе отказать —
Тружусь, потею,
И должен писать!

Происходит это за счет «снятия масок» адресата и адресанта. Как отмечает К. М. Шилихина, «...ключевыми становятся понятия отношения автора, маски, притворства и отстраненности. Писатель, подобно актерам, притворяется, надевает маску, отстраняясь от собственного текста» [Шилихина 2014: 48]. Неелов из «беспутного повесы» превращается в имеющего власть и силу, автор же послания — в «не смеющего отказать» и трудящегося поневоле. Подобный финал, помимо прочего, иронически заостряет важную в посланиях о творчестве дихотомию: счастливая лень (знак свободы и таланта) / тяжелый труд (знак отсутствия и того, и другого). Так, Пушкин впоследствии назовет Батюшкова «Парнасский счастливый ленивец, / Харит изнеженный любимец», а сам Батюшков в послании А. И. Тургеневу использует выражение «Поэт, лентяй, счастливец / И тонкий философ». Вершиной раскрытия темы безблагодатного творца станет образ пушкинского Сальери. У Погорельского же образ бесталанного труженика иронично снижен: его единственной побудительной причиной писать является якобы «принуждение» Неелова, а не желание славы и даже не самообольщение. Соответственно, парадоксально переосмысливается и традиционная дихотомия, что также создает иронический эффект.

Финальная строка, подчеркнуто нарушающая ритмическую цельность стихотворения, — «продолжение впредь» — также множится ироническими

смыслами: это и обещание «впредь» все же писать (несмотря на саморазоблачение), но это и указание на возможное продолжение данного конкретного произведения (хотя очевидно, что его сюжет к этому никак не располагает).

Следующее стихотворение, «Послание к другу моему N. N., военному человеку», также посвящено поэтическому творчеству, но не только.

Его содержание еще шире: это уже оппозиция двух ценностных приоритетов: поэт и воин. Однако раскрывается тема вновь в ироническом ключе. В стихотворении условно можно выделить три части. В первой декларируется оппозиция, причем ирония видится уже в подчеркнуто-схематичных указаниях на сферы деятельности героев — через предметную конкретику:

Судьба определила
Владеть тебе мечом,
А мне она вручила
Чернильницу с пером.

Далее лирический герой-адресант недвусмысленно расставляет ценностные приоритеты. Ирония здесь обнаруживается и в однозначности этой расстановки, и в наивно-прямолинейной констатации собственной якобы «несостоятельности»:

Ах! Как, мой друг, завидно
Мне, глядя на тебя.
Я признаюсь — обидно
С тобой сравнить себя!

Тема невыгодного для адресанта контраста развивается посредством воссоздания двух портретов, которые, по сути, являются шаржами:

В серебряных ты латах
Летишь, как вихрь, с конём —
А я — сижу в палатах
С обгрызанным пером!

Характерно, что шаржирован не только герой-адресант — за счет сниженной детали («обгрызанное перо») и подчеркнутой условности («сижу в палатах»), но и адресат N. N.: при его описании вместо ожидаемого предложного падежа («летишь... на коне») использован творительный («летишь... с конем»). Помимо самоценного комизма воссозданной картины, комична и возникающая упрощенная параллель между героями: «летишь с конем» / «сижу с пером».

В следующем четверостишии от внешнего контраста адресант переходит к сопоставлению состоятельности действий обоих героев. Критерием этой состоятельности оказывается благосклонность некой условной дамы, носящей хрестоматийное имя героини древнегреческого пасторального романа — Хлоя:

Прекрасную слезами
Насилу тронул я;
Ты — шевельнул усами,
И Хлоя уж твоя!

Оригинальным и действенным языковым приемом, формирующим иронический эффект, является также создание коннотативных оппозиций, как это можно видеть в процитированных четверостишиях. Именно благодаря подобным оппозициям (мечом-пером, мечом-конем, слезами-усами) осуществляется шаржированное снижение двух изначально высоких «амплуа» — поэта и воина. При этом поэт вновь оказывается в проигрыше, причем в продолжение темы послания к Неелову возникает тема поэта-труженика, достойного сочувствия («насилу тронул»).

Вторая часть стихотворения представляет собой военные деяния адресата. Этапы «ратного пути» описаны в высшей степени схематично; их последовательность стереотипна до банальности: воину «булатный меч милее» «любви оков»; он «врагам вселяет страх», получает чин генерала, берет в плен визиря и награждается звездой. Схематизм, перечисление общих мест, шаржирование — все это действенные приемы, создающие иронический эффект. Но Погорельский использует еще один любопытный прием: все описанное является плодом воображения героя-поэта; это — картины, возникающие в его воображении. Смыслы интересным образом «оборачиваются»: адресант вроде бы исходит из убежденности в собственной приниженности и, наоборот, несомненных достоинств друга N. N., но очевидно, что ирония направлена на обоих героев. В завершающем череду воображаемых картин четверостишии ироничному ракурсу способствует предельная гиперболизация заслуг и наград воина:

Ты весь засыпан в злате,
Сияет грудь звездой;
А я — сию в халате,
Любуюсь тобой.

Последняя часть стихотворения призвана «снять маски» и дать взгляд на героев с иного ракурса. Образ N. N. в реальности лишен героического ореола, его участь незавидна. Воссозданный портрет является прямой противоположностью тому, что рисовалось в воображении лирического

героя, причем последовательно развенчивается каждый пункт нафантазированной состоятельности: воин лишен здоровья («здоровьем истощился»), состояния («и опустел карман»), остается в звании корнета и получает увечье («За всё сие наградой: / Корнетом без ноги»), и, наконец, последнее и главное — он теряет любовь. При этом ироническая патетика первых частей сменяется сниженной лексикой:

И к Хлое поспешивши,
Увы, бедняк узнал,
Что, рог луне отбивши,
Ты сам с рогами стал.

Вместе с тем нельзя не отметить, что, используя подобный прием, Погорельский следует жанровым канонам послания. Как отмечает В. А. Грехнев, «смена типажей — характерный композиционный прием послания, любившего созерцать, как сквозь вереницу “обликов” проступают все те же знакомые черты адресата» [Грехнев 1978: 32–48]. Иронический же эффект достигается именно разительным контрастом между надуманным «обликом» и реальными чертами.

В финале, не отступая от иронической тональности, автор приходит к выводу об иной расстановке ценностных приоритетов, подсказанной самой жизнью: военный героизм не приносит никаких жизненных благ и тем более морального удовлетворения, напротив — наносит ощутимый ущерб человеческой жизни. Завидовавший воину поэт в итоге оказывается в выигрыше; впрочем, и эта мысль подана иронично: удел поэта также не приносит благ, но он хотя бы не чреват ущербом:

А я — здесь у камина
Счастлив своей судьбой:
Остался хоть без чина,
Но с Лизой и с ногой.

Следует отметить, что объектом иронического осмысления в данном стихотворении выступает и одна из ключевых тем в посланиях на тему творчества, а именно — тема уединения поэта, его удаления в собственный мир (дом), уход от светской жизни. Погорельский вводит репрезентативные вещные детали, указывающие на пребывание в домашней обстановке (камин, халат), а также задействует и хрестоматийный в данном контексте мотив пребывания героя с возлюбленной (В. Э. Вацуро называет его — «обязательный атрибут поэтического уединения» [Вацуро 1994: 109]). Иронический же эффект создает не только демонстративная прозаизация («с Лизой и с ногой»), но и иронично осмысленная благодаря гротескной заостренности оппозиция: противопоставлены не «светский»

поэт и поэт «уединившийся», а поэт и воин. Итог же противопоставления подчеркнуто мелок: в приоритете оказывается не та или иная деятельность, но лишь относительно спокойное существование.

Стоит отметить, что это стихотворение создается Погорельским в один год с посланием К. Н. Батюшкова «Мои Пенаты», которое единодушно признается современниками своеобразным «жанровым эталоном», в частности в плане разработки темы творчества и уединения. Разумеется, послание Погорельского несопоставимо с батюшковским в художественном отношении, однако свидетельствует о его поэтической «прозорливости» и понимании тенденций времени, которое он даже отчасти опередил. Ироничное осмысление того или иного явления (метода, жанра, тематики) обычно появляется на этапе иссякания, упадка, Погорельский же иронически воплотил явление в высшей степени актуальное.

Третье стихотворение Погорельского, «Абдул визирь...» П. А. Вяземский охарактеризовал так: «Перовский написал амфигури (amphigouri), шуточную, веселую чепуху» [Вяземский 1883: 413]. Далее Вяземский пишет о шалости «удачного мистификатора» Погорельского, которая состояла в том, что он принес эти стихи Антону Прокоповичу-Антонскому, председателю Общества любителей русской словесности, заявив, «что желает прочесть стихи свои в первом публичном заседании общества», чем вызвал «смущение робкого Антонского» [Вяземский 1883: 414]. Этот факт дает основание полагать, что стихотворение было написано в 1811 году — в год основания Общества и, соответственно, проведения его первого заседания.

Как такового объекта иронии в этом стихотворении, кажется, не прослеживается; на первый план здесь выходят игровые приемы, создающие то, что было названо Вяземским «веселой чепухой», а именно — подчеркнуто абсурдную реальность. Тем не менее анализ показывает, что Погорельский остается верен своему стилю и стилистическая связь с ироническими посланиями здесь явно прослеживается.

Так, все стихотворение представляет собой череду мало связанных между собой по тематике четверостиший, построенных, однако, сходным образом. В каждом фигурирует некий известный политический, культурный или религиозный деятель, помещенный в абсурдную, неподобающую ситуацию:

Абдул визирь
На лбу пузырь
Свой холит и лелеет.
Bayle, геометр,

Взяв термометр,
Пшеницу в поле сеет.
А Бонапарт с колодой карт
В Россию поспешает.

Садясь в балон,
Он за бостон
Сесть Папу приглашает.
Но Папин сын,
Взяв апельсин,
В нос батюшки швыряет.

Четверостишия «нанизываются» по кумулятивному принципу, и каждый последующий призван умножить абсурд происходящего, так как появляющийся новый персонаж присоединяется к остальным, совершая некое противоречащее логике и здравому смыслу действие: «Тут Магомет / надев корсет... / Их потчивает чаем»; «А Епиктет, / Чтоб минуэт / Плясать, надел калоши»; «Министр Пит / В углу сидит / И на гудке играет»; «Вольтер старик, Свой сняв парик, / В нём яицы взбивает».

Основной прием, который использует Погорельский (уже знакомый по «ироническим посланиям»), — смысловые оппозиции, основанные на контрасте масштаба личности человека и его неподобающих, нелогичных действий. Сюда же относится и обратное, а именно — придание ничтожным существам и явлениям значимости посредством использования высокой лексики:

То зря, комар
На самовар
Вскочив, в жару потеет.
<...>
Станица мух,
Скрепя свой дух,
Им хлопает в ладоши.

Однако здесь смысловые оппозиции столь гротескны, что создают образ «опрокинутой реальности». Можно также говорить и об использовании масок для героев. Условно говоря, перед нами скорее скоморохи, названные именами великих людей; однако задача этих скоморохов — не *высмеять*, а *рассмешить*. Именно поэтому здесь нет «второго смысла» и «исправления» неправильной картины мира в финале. Таким образом, приемы, в целом сходные с теми, что задействованы в иронических посланиях, выполняют в данном случае несколько иную функцию.

Как свидетельствует П. А. Вяземский, амфигури сочинял также и Неелов. В контексте нашего исследования интересны вот эти строки:

А Жан Расин,
Как в масле блин,
В бессмертья утопает.

<...>

А Бонапарт
С колодой карт
Один в пасьянс играет [Вяземский 1883: 360–361].

Очевидно, что Неелов здесь вступает в поэтический диалог с Погорельским — налицо и сходные приемы, и те же персонажи. Тот факт, что Неелов именно *реагирует на* амфигури Погорельского, подтверждается более поздней датой написания — по свидетельству Вяземского, это 1813 год (то есть Погорельский и в этом случае выступил *первым*, задающим тематику и стиль). Как можно видеть, у Неелова французский драматург и французский император помещены в едко-пренебрежительный — а не просто шуточный — контекст, что вполне естественно, учитывая время создания (сразу после Отечественной войны 1812 года). Но это не единственное отличие. В амфигури Неелова фактически отсутствует поэтика абсурда; он использует остроумные и неожиданные сравнения и метафоры, но это не создает абсурдную реальность, что блестяще удается Погорельскому. Можно сказать, что Погорельский в этом плане даже превосходит поэтические открытия отдаленного будущего, прежде всего обзориотов.

Итак, были рассмотрены три стихотворения Погорельского — два послания и одно амфигури. Анализ показал, что автор использовал широкий арсенал средств для создания в стихотворениях иронического эффекта. Учитывая наличие в творчестве Погорельского и других посланий, в которых ирония отсутствует, можно констатировать, что наличие иронии — не особенность жанра послания вообще, а художественная цель Погорельского в данных конкретных произведениях. Для достижения этой цели автор задействовал такие приемы, как переосмысление и парадоксализация традиционной для послания дихотомии (талантливый поэт — поэт-труженик), создание коннотативных оппозиций, снижение высокого (тематики, образов), что достигается, в частности, соединением высокого стиля и разговорной лексики. Также заведомо ложное и несостоятельное демонстративно преподносится как должное, в финале же восстанавливается истинное положение вещей. Данные приемы, лишь намеченные в ранней поэзии, продуктивно использовались А. Погорельским в дальнейшем, в период зрелого творчества, что может стать предметом отдельного исследования.

Источники

Вяземский П. А. Избранные стихотворения / Ред. статья и комментарии В. С. Нечаевой. М.–Л.: Academia, 1935. 658 с.

Вяземский П. А. Старая записная книжка // Полное собрание сочинений князя П. А. Вяземского в 12 тт. Т. 8. СПб.: Типография М. М. Стасюлевича, 1883. 528 с.

Погорельский А. Избранное / Ред., статья и комментарии М. А. Турьян. М.: Советская Россия, 1985. 432 с.

Литература

Богданович Е. В. Стихотворное послание 1810-х — начала 1820-х гг. в контексте русской и французской поэтических традиций: автореф. дис. ... канд. филол. наук. СПб., 2011. 23 с.

Вацуру В. Э. Поэты пушкинской поры. Элегическая школа. СПб.: Наука, 1994. 241 с.

Гаспаров М. Л. Послание // Литературная энциклопедия терминов и понятий. Институт научн. информации по общественным наукам РАН. М.: НПК «Интелвак», 2001. Стлб. 763.

Грехнев В. А. Дружеское послание пушкинской поры как жанр // Болдинские чтения. Горький: Волго-Вятское кн. изд-во, 1978. С. 32–48.

Тредиаковский В. К. Новый и краткий способ к сложению российских стихов с определениями до сего надлежащих званий // Избранные произведения. М.–Л.: Советский писатель, 1963. С. 365–420.

Шилихина К. М. Дискурсивная практика иронии: когнитивный, семантический и прагматический аспекты: автореф. дисс. ... докт. филол. наук. Воронеж, 2014. 50 с.

References

Bogdanovich E. V. *Stikhotvornoe poslanie 1810^{kh} — nachala 1820^{kh} gg. v kontekste russkoi i frantsuzskoi poeticheskikh traditsii*. Avtoref. dis.... kand. filol. nauk [Poetic message of the 1810s — early 1820s. in the context of Russian and French poetic traditions. Cand. philol. sci. diss. abstr.]. St. Petersburg, 2011. 23 p.

Gasparov M. L. *Poslanie* [Message]. Literary encyclopedia of terms and concepts Institute of Scientific information on social sciences of the Russian Academy of Sciences. Moscow, NPK "Intelvac" Publ., 2001, col. 763. (In Russ.)

Grekhnev V. A. [Friendly message from Pushkin's time as a genre]. *Boldinskie chteniya* [Boldin Readings]. Gorky, Volgo-Vyatka book. Publ. House, 1978, pp. 32–48. (In Russ.)

Shilikhina K. M. *Diskursivnaya praktika ironii: kognitivnyi, semanticheskii i pragmaticeskii aspekty* [Discursive practice of irony: cognitive, semantic and pragmatic aspects. Dr. philol. sci. diss.]. Voronezh, 2014. 50 s.

Trediakovsky V. K. [A new and short way to compose Russian poems with definitions of previously appropriate titles]. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Leningrad. Sovetskii Pisatel' Publ., 1963, pp. 365–420. (In Russ.)

Vatsuro V. E. *Poety pushkinskoi pory. Elegicheskaya shkola* [Poets of Pushkin's time. Elegiac School]. St. Petersburg, Nauka Publ., 1994. 241 p.

Монолог мировой души из пьесы «Чайка»: к вопросу об адекватности интерсемиотического перевода

Чуреева Ольга Александровна, Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского (Россия, Симферополь), au-room-ua@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030092

АННОТАЦИЯ: Настоящее исследование предпринято на материале письменного текста монолога мировой души из пьесы А. П. Чехова и его интерсемиотического перевода, предложенного авторами спектакля «Чайка» в постановке М. А. Захарова (2005 г.). Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть предмет исследования в свете проблемы адекватности межсемиотического перевода, под которым понимается трансляция смысла, закодированного средствами одной знаковой системы, при помощи знаков других знаковых систем (в том числе поликодовых), и на основании анализа материала сделать вывод о степени функциональной эквивалентности драматического произведения и его сценической реализации. В работе применялись методы сравнения, дискурсивного и функционального анализа текста. В ходе исследования установлено, что интерпретация Московского государственного театра «Ленком Марка Захарова» строится преимущественно на расхождении графической и интонационной сегментации фраз. Интерпретаторами сознательно нарушаются принципы актуального членения синтаксических конструкций в тексте А. П. Чехова и создаются разорванные структуры, не обусловленные синтаксисом исходного текста. В рассматриваемой сценической конкретизации пьесы «Чайка» зафиксирован ряд фактов переводческой деформации, связанной с исключением

или подменной компонентов авторского текста (опущение или замена союзов, замещение одних знаков препинания другими) и включением элементов, изначально отсутствовавших в монологе и привнесенных в него авторами театрального текста (дискурсивные слова, уточнения). Отмечаются случаи окказиональной трансформации акцентных структур, сопровождающиеся изменением тона, модуса и фокуса.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: монолог, пьеса «Чайка», Нина Заречная, монолог мировой души, текст, знак, трансмутация, интерсемиотический перевод, адекватность перевода

для цитирования: Чуреева О. А. Монолог мировой души из пьесы «Чайка»: к вопросу об адекватности интерсемиотического перевода // Русская речь. 2024. № 3. С. 103–114. DOI: 10.31857/S0131611724030092.

The Language of Fiction

The World Soul Monologue from the Play “The Seagull”: Toward the Issue of Transmutation Adequacy

---

Olga A. Chureyeva, V. I. Vernadsky Crimean Federal University, Russia, Simferopol, au-room-ua@mail.ru

---

ABSTRACT: The study is based on the material of the world soul monologue, embedded in Chekhov’s play “The Seagull”, and its intersemiotic translation, provided by the authors of the performance “The Seagull”, directed by Mark Zakharov in 2005. The study aims to examine the question under discussion in respect of the adequacy of intersemiotic translation relying on the analysis of the material. The research was carried out using methods of description and comparison, discourse analysis, as well as the method of functional analysis. It has been proven, that the interpretation of the Moscow State Theater “Mark Zakharov’s Lenkom” is primarily based on the divergence of

graphic and intonation parcelling. The deliberately violate the principles of the actual division of syntactic structures in the text of A. P. Chekhov and create parcellemes that are not conditioned by the syntax of the invariant text. It is emphasized that there is a number of translation deformation in the theatrical text. The conducted research allowed to reveal cases of the exclusion or substitution of the original text (omission or replacement of conjunctions, substitution of some punctuation) and the inclusion of elements that were originally absent in the monologue and introduced into it by the authors of the theatrical text (discursive words, clarifying word, assertives).

KEYWORDS: monologue, play "The Seagull", Nina Zarechnaya, world soul monologue, text, sign, transmutation, intersemiotic translation, adequacy of translation

FOR CITATION: Chureeva O A. The World Soul Monologue from the Play "The Seagull": Toward the Issue of Transmutation Adequacy. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 103–114. DOI: 10.31857/S0131611724030092.

Создание спектакля по пьесе представляет собой процесс перевода, в ходе которого вербальные знаки интерпретируются при помощи знаков различных семиотических систем. О возможности интерпретации текста посредством изменения материи впервые заявил Р. О. Якобсон, назвав такой тип перевода интерсемиотическим, то есть подразумевающим переход из одной системы знаков в другую, например из вербальной в невербальную ("intersemiotic transposition — from one system of signs into another, e. g. from verbal art into music, dance, cinema, or painting") [Jakobson 1959: 238]. Пьеса, будучи произведением словесного искусства, включает в себе потенциал межсемиотической транспозиции, так как создается с целью сценической реализации, в ходе которой конструируется поликодовый театральный текст, представляющий собой систему вербальных и невербальных знаков, конструируемых одновременно. Следовательно, интерсемиотический перевод как способ интерпретации текста не ограничивается преобразованием вербальных знаков в невербальные, но предполагает возможность трансляции смысла, закодированного средствами одной знаковой системы, при помощи знаков других семиотических систем (в том числе полисемиотических).

Таким образом, спектакль, предложенный зрителям, является результатом интерсемиотического перевода, сценической конкретизацией пьесы, одним из возможных вариантов интерпретации. Насколько адекватным будет перевод, зависит от того, является ли интерпретатор драматического текста исследователем, цель которого состоит в том, чтобы понять намерение автора и реализовать его, или же перформером (лицом, осуществляющим постановку о самом себе), способным пожертвовать содержанием ради эффектной формы, затемнить и исказить исходный смысл, навязать свое собственное представление о должном и данном. Интерпретировать драматический текст — значит поставить его на сцене, расшифровать, используя соответствующие инструменты, сделать понятным, доставить сообщение автора адресату (индивидуальному или коллективному) и произвести определенную эмоциональную и когнитивную трансформацию в сознании читателя/зрителя в соответствии с авторской интенцией.

Настоящее исследование предпринято на материале письменного драматического текста пьесы «Чайка» А. П. Чехова и визуального театрального текста одноименного спектакля М. А. Захарова (видеозапись постановки Московского государственного театра «Ленком Марка Захарова», 2005 г.). В рамках данной статьи анализируется интерсемиотический перевод расшифровки спектакля Треплева, представленного Ниной Заречной, то есть в фокус внимания помещается монолог, озвученный героиней со сцены во время премьеры.

Цель работы состоит в том, чтобы рассмотреть предмет исследования в свете проблемы адекватности интерсемиотического перевода и на основании функционального анализа сценической интерпретации монолога мировой души, предложенной авторами рассматриваемого театрального текста, сделать вывод о степени функциональной эквивалентности драматического произведения и его сценической реализации. Для достижения поставленной цели в работе применялись методы сравнения, дискурсивного и функционального анализа текста.

При интерсемиотическом переводе интерпретатор неизбежно сталкивается с вопросом, в каком ключе и какими средствами необходимо передать авторский текст, чтобы перевод оказался максимально точным. Несценичная, на первый взгляд, пьеса «Чайка» (пьеса, в которой, по замечанию самого автора, много разговоров о литературе и мало действия) включает в себе огромный интерпретационный потенциал, успешная реализация которого возможна лишь при внимательном, близком чтении произведения и следовании авторским указаниям (формально выраженным или же невыраженным, но осознаваемым). Знание Чеховым законов театрального искусства и глубокое понимание механизмов, которые

делают драматическое произведение сценичным, то есть пригодным для постановки на сцене перед зрителями, объясняет факт столь пристального внимания режиссеров всего мира к его пьесам и существование столь значительного числа интерпретаций. На сегодняшний день известно более 73 000 вариантов сценического прочтения пьесы А. П. Чехова «Чайка», следовательно, такое же количество интерпретаций монолога мировой души.

Выбор лингвистических и нелингвистических средств, костюма, пластического рисунка будет продиктован творческой манерой постановщика и жанром постановки, что, в свою очередь, влияет на манеру прочтения текста (тембр, тон, громкость, регистр голоса, интонацию, мимику, жесты и движения). Адекватная сценическая интерпретация подразумевает актуализацию смысла, который явно или неявно прочитывается в письменном тексте и должен быть сохранен при трансформации материальных носителей знака.

Согласно классификации, предложенной У. Эко, в соответствии с которой носители знака (sign vehicles) бывают трех типов в зависимости от материальной формы выражения, слово, произнесенное исполнителем на сцене, относится к знакам второго типа, воспроизведение которых характеризуется определенной степенью уникальности, связанной с индивидуальными особенностями строения речевого и дыхательного аппаратов говорящего, актерской задачей, эмоциональным состоянием в момент речи, а также такими внешними факторами, как наличие/отсутствие шума и помех, температура помещения, его площадь, заполненность пространства и т. д. ("signs whose tokens, even though produced according to a type, possess a certain quality of material uniqueness") [Eco 1976: 179]. Индивидуальные особенности произношения, не влияющие на смысловую и функциональную составляющие высказывания, могут восприниматься как допустимые вариации исходного типа. Голос исполнителя (его высота, тон, регистр, сила, мелодика, ровность и др. характеристики), артикуляция, произношение, наличие/отсутствие говора, отражающего региональные особенности речи, влияют на узнаваемость соответствующих свойств знака. Однако если «определенные качественные особенности» входят в противоречие с актуальной существенной информацией, содержащейся в тексте и характеризующей знак, продуцируемый носитель знака перестает воспроизводить исходный знак и либо становится носителем другого знака, либо превращается в пустой знак (манеру ради манеры, жест ради жеста, звук ради звука). Например, вопрос актрисы о дереве («Че ж оно такое темное-то?») не соответствует исходному («Отчего оно такое темное?»), претерпевает артикуляционные и орфоэпические искажения, фраза приобретает иную окраску и вводит

слушающего в заблуждение, поскольку формирует образ Заречной как провинциальной, глуповатой, невежественной девушки, в то время как согласно сведениям, содержащимся в тексте, она принадлежит в дворянскому сословию, является дочерью богатого помещика, хорошо владеет речью, обладает «чудным голосом», не использует просторечные слова и разговорные частицы. Кроме того, из контекста следует, что Нина задает данный вопрос не для получения информации или нового знания, а для переключения внимания.

Приступая к переводу монолога из пьесы Трехплева на язык сцены, интерпретаторы текста (режиссер, постановщик, сценограф, звукорежиссер, художник по костюмам, актеры и т. д.) должны решить большое количество вопросов. Прежде чем найти сценическое решение, авторам спектакля необходимо попытаться ясно представить себе драматическую реальность, увидеть, прочитать и сопоставить все авторские указания, явные (в ремарках) и скрытые (в репликах). В связи с этим следует обратить внимание на ремарку, в которой содержится информация, касающаяся места и времени действия, окружающей обстановки, способа появления актрисы на сцене: *Поднимается занавес; открывается вид на озеро; луна над горизонтом, отражение ее в воде; на большом камне сидит Нина Заречная, вся в белом* [Чехов 1986: 13]. Отметим, что важным компонентом данного сценического указания является комментарий относительно положения героини в пространстве (*на большом камне сидит Нина Заречная*). Монолог, который произносится сидя, по качеству звучащей речи, эффективности управления вниманием и силе воздействия на слушающего будет существенно отличаться от монолога, произносимого стоя или в движении, так как обладает меньшей динамикой. Согласно авторскому указанию зрители должны увидеть героиню, сидящую на большом камне, сразу, как только откроется занавес. В постановке театра «Ленком Марка Захарова» актриса на глазах у зрителей пробирается из левой кулисы сквозь декорации, расположенные на верхнем ярусе сцены, к импровизированному камню, усаживается, положив ладони на колени, поднимает плечи, откашливается, поправляет длинные волосы, снова поводит плечами и только после этого начинает говорить. Эти приготовления к публичному выступлению, совершаемые на глазах у публики, разрушают иллюзию, выводят зрителей из сна, в который, по замыслу и условию драматурга-Трехплева, они должны были быть погружены.

В соответствии с режиссерской партитурой М. А. Захарова актриса, исполняющая роль Нины, начинает читать свой монолог с напряжением, старательно и тяжело выкатывая каждое слово. Такая манера прочтения возможна в ситуации, когда человек читает с листа незнакомый и непонятный текст. Создается впечатление, что актриса озвучивает текст,

выведенный на монитор телесуфлера. При этом Нина напряженно всматривается в какую-то точку поверх голов зрителей, как будто боится, что, переведя взгляд, не сможет найти то место в тексте, на котором она остановилась. Первое слово дается ей с трудом, как первый неуверенный шаг, поэтому она начинает монолог со второй попытки. В рассматриваемой интерпретации начинающая актриса Нина Заречная компенсирует отсутствие сценического опыта и актерского мастерства громкостью речи и нарочитой артикуляцией фраз, маскируя волнение агрессивной подачей. Вступительная часть монолога мировой души звучит и воспринимается слушателями не как философское размышление о том, что «все жизни, свершив свой печальный круг, угасли», а как обвинительная речь, отчет или рапорт с перечислением недочетов. Актриса произносит текст, не обращая внимания на знаки препинания, на логические ударения. Из синтагматического отрезка «орлы и куропатки», выпадает сочинительный союз «и», который присутствует в тексте Чехова, вследствие чего нарушается структура и ритм этого фрагмента текста, создается впечатление, что актриса вспоминает список наименований, стараясь точно воспроизвести их последовательность: «Люди / львы / орлы / куропатки...» Цель Нины состоит в том, чтобы не забыть от волнения сложный и странный текст пьесы Треплева. Игнорирование пунктуационных знаков приводит к произвольности пауз и размыванию границ предложений, к нарушению логических связей внутри синтаксических конструкций. Так, например, в первой фразе монолога, содержащей упоминание живых существ, разделительные знаки подсказывают, где должны быть сделаны паузы при устном перечислении: «...рыбы, обитавшие в воде, морские звезды» [Чехов 1986: 13]. Такое пунктуационное оформление указывает на то, что обособленное определение «обитавшие в воде» относится к существительному «рыбы», стоящему перед ним. Следовательно, в устной речи необходимо выстроить интонационный рисунок фразы в соответствии с данными графическими указателями. Однако в интерпретации театра «Ленком Марка Захарова» Нина их игнорирует: отрывает определение («обитавшие в воде») от определяемого слова («рыбы») и после паузы продолжает произносить монолог, произвольно присоединяя причастный оборот к последующему устойчивому сочетанию «морские звезды», что приводит к смещению фокуса и производит комический эффект. Смех зрителей как реакция на сообщение (его интерпретанта) подчеркивает алогичность подобного синтагматического членения. Синтагма завершается многоточием после глагола «угасли»: «...словом, все жизни, все жизни, все жизни, свершив свой печальный круг, угасли...» [Чехов 1986: 13]. Однако в рассматриваемой сценической конкретизации текста глагол «угасли» произносится с интонацией конца предложения,

которое не может иметь продолжения и которое следует понимать как «угасли и точка». Нарушение акцентной структуры увеличивает погрешность перевода и снижает степень функциональной эквивалентности текстов: в отличие от точки, которая используется для решительного и однозначного завершения, многоточие указывает на нерешительность, незавершенность, недосказанность, на переход в другую плоскость, плоскость подтекста. Многоточие после слова «угасли» подсказывает верную интонацию завершения мысли — постепенное понижение тона голоса и снижение уровня громкости.

Манера произнесения сценического монолога в рассматриваемой интерпретации создает впечатление, что актриса старательно учила текст, но не доучила или от волнения забыла. Это ощущение усиливается за счет приема вокализации пауз и включения в текст дискурсивных слов, или дискурсивов (специфических коммуникативных единиц, отражающих мыслительные усилия говорящего и помогающих ему строить высказывание в момент речи), таких как «во», «да», «ну». Например: *«души их всех слились в одну / <Во-от>»*. В тексте Чехова после этой фразы стоит точка и пауза не предусмотрена. Однако в монологе актрисы, исполняющей роль Нины, данная точка отмечает переход от одной части высказывания к следующей. И пауза, сделанная актрисой после дискурсивного слова «во», свидетельствует о подготовке к важному заявлению. Далее Нина встает с камня, выпрямляется и заявляет: *«Общая мировая душа / это я / <Да>»*. Отметим, что в тексте Чехова личное местоимение «я» в конце предложения повторяется дважды и после каждого стоит многоточие: *«Общая мировая душа — это я... я...»* [Чехов 1986: 13]. В сценической интерпретации театра «Ленком Марка Захарова» второе «я» было замещено дискурсивным словом «да». Интонация указывает на то, что сообщенная информация может удивить слушателей своей неожиданностью и неочевидностью, вызвать сомнения в истинности утверждения, поэтому актриса, как будто отвечая на немой вопрос, действительно ли это так, подтверждает свое заявление утвердительным «да». Для перехода к следующей части монолога, в которой предыдущее сообщение разворачивается и уточняется, актриса вновь прибегает к использованию дискурсива. Отметим, что вспомогательные коммуникативные единицы являются носителями информации, не менее важной для адресата, чем содержание передаваемого сообщения, так как они являются показателями психоэмоционального состояния говорящего, его отношения к предмету высказывания, к ситуации, к слушающему. Так, частица «ну» может указывать на отсутствие желания говорящего рассказывать о чем-либо, отсутствие интереса к предмету и содержанию дискурса, когда устное сообщение является результатом принуждения к высказыванию. Возможно,

по этим соображениям авторы исследуемого интерсемиотического перевода текста вводят в монолог Нины дискурсивное слово «ну», намереваясь подчеркнуть то, что актрисе текст Треплева непонятен и неинтересен: «<Ну> / во мне душа Александра Великого / Цезаря / Шекспира / последней пиявки...» Однако, на наш взгляд, следуя вышеописанной логике, важно принимать во внимание отношение говорящего не только к тексту высказывания, но и к речевой ситуации в целом. Действительно, Заречной текст пьесы непонятен и неинтересен, тем не менее ей интересны популярный писатель Тригорин и знаменитая актриса Аркадина, являющиеся зрителями спектакля и оценивающие его (не только текст Треплева, но и игру Заречной), поэтому она старается справиться с поставленной перед ней актерской задачей и произвести благоприятное впечатление. С учетом данных факторов введение в речь дискурсивных слов для связи фраз представляется неоправданным (особенно слова «ну»). В рассматриваемой интерпретации из приведенной выше фразы при перечислении выпадают сочинительные союзы, предворяющие каждую единицу перечисления в исходном тексте и выполняющие служебную функцию усиления значения «большого числа»: «Во мне душа и Александра Великого, и Цезаря, и Шекспира, и Наполеона, и последней пиявки» [Чехов 1986: 13]. Асиндетон как риторическая фигура, основанная на опускании союзов, таким образом, сообщает сценической речи иной ритм и снижает пафос. Включение коммуникативных единиц («ну», «да», «вот») в произносимый со сцены текст монолога, с одной стороны, свидетельствует о недостатке образования и невысоком уровне речевой культуры говорящего (в трактовке театра «Ленком Марка Захарова» Нина Заречная имеет провинциальный говор, часто использует просторечные формы слов и разговорные частицы), с другой стороны, указывает на психоэмоциональное состояние актрисы, ее самоощущение в момент речи (неуверенность, чувство дискомфорта, неловкости, растерянности).

Следует отметить, что во второй части монолога, произносимого стоя, актриса, исполняющая роль Нины, постепенно начинает чувствовать текст и избавляется от зажима. Это происходит после первой чеховской ремарки «Пауза». Данная ремарка обладает наибольшим интерпретационным потенциалом в ряду авторских указаний, так как подразумевает возможность восстановления отсутствующей структуры. Прерывание речевого потока может быть вызвано внешними факторами (внезапное происшествие) или внутренними (внезапная догадка, озарение, колебание и т. д.). При интерсемиотическом переводе отсутствующая в художественном тексте структура может быть восстановлена. Если пауза вызвана событием внешнего порядка, то это событие может быть визуализировано. Если же причина паузы имеет психологическую природу и является отражением

внутреннего диалога или борьбы, то после паузы в речи говорящего или в его поведении должна произойти перемена. В тексте А. П. Чехова пауза предусмотрена после того, как актриса троекратным повторением трех слов, описывающих ощущения героини, заканчивает часть монолога, в которой сообщает о завершении жизненного цикла всех существ: сначала трижды произносится слово «холодно», потом «пусто», затем «страшно». С точки зрения театрального искусства данный фрагмент представляет наибольшую сложность при сценической интерпретации, так как актеры при сценической интерпретации текста руководствуются правилом кратности: если одно и то же слово повторяется несколько раз, то каждый раз оно должно быть произнесено по-новому. Это правило распространяется на все слова и фразы, звучащие рефреном, независимо от позиции в тексте (например, часто повторяемая реплика Нины «Я чайка» по закону театра не может всегда звучать одинаково). Таким образом, наличие в тексте рефренов, с одной стороны, дает актеру свободу, с другой стороны, представляет собой своего рода ловушку, так как важно найти верную интонацию, чтобы наполнить звуковую оболочку необходимым содержанием; в противном случае слово может превратиться в семантический пузырь, в пустой знак. Рассматриваемый фрагмент синтаксически оформлен как три сложных бессоюзных предложения, каждое из которых представляет собой соединение трех односоставных предложений посредством запятых: *Холодно, холодно, холодно. Пусто, пусто, пусто. Страшно, страшно, страшно* [Чехов 1986: 13]. Пунктуационное оформление должно подсказать правильный вариант прочтения. Однако зачастую интерпретаторы при интересемиотическом переводе текста игнорируют чеховский синтаксис и знаки препинания, в результате чего нарушается линейно-акцентная структура, что влияет на восприятие текста. Пример такой переводческой деформации наблюдается в интерпретации театра «Ленком Марка Захарова»: *Холодно // холодно-холодно // Пусто-пусто // И страшно!* (в двойных структурах восходящий фазовый акцент усиливается за счет повышения регистра голоса почти до писка). Выбор в пользу приема дробления предложений, по-видимому, продиктован стремлением интерпретаторов усилить воздействие текста на слушателя/зрителя, что соотносится с точкой зрения Ю. В. Богоявленской, согласно которой подобные структуры обладают повышенной динамичностью и эффективнее воздействуют на сознание адресата, способствуя достижению коммуникативной цели [Богоявленская 2018: 9]. В приведенном выше фрагменте монолога экспрессивность синтаксической модели усиливается за счет постепенного усечения конструкций, в результате чего финальный сегмент воспринимается как сформулированный итог. Во второй части монолога актрисы, после паузы, происходит существенная трансформация,

затрагивающая жанр текста. Это уже не рассказ о положении дел, а признание, исповедь. Иной речевой жанр требует иного пафоса и иной манеры. Актриса получает второй шанс освоить авторский текст, принять его и транслировать соответствующее чувство слушателям. Она может пренебречь этой возможностью и продолжить читать текст механически, бессвязно, апатично или же попытаться нащупать его нерв. В интерпретации М. А. Захарова актриса Нина Заречная начинает читать текст уже не как чужие записи, а как личный дневник, в котором описывает свои переживания (чувство одиночества, сожаления о нереализованных амбициях). Она едва не плачет, произнося реплику: «...и я помню все / все / все // и каждую жизнь в себе самой я переживаю вновь / и мой голос звучит в этой пустоте уныло / и никто не слышит...» Укор и сожаление чувствуются в обращении: «И вы / бледные огни / не слышите меня...» И этот укор относится не столько к бесплотным бледным огням, сколько к зрителям спектакля, ко всем, кто смотрит на Нину в этот момент, потому что на слове «вы» актриса указывает жестом на зрителей. Слова «Я не знаю / где я / и что меня ждет» Нина произносит всхлипывая, плачет, но спустя некоторое время проявляет самообладание, преодолевает страх и слабость, демонстрирует силу, решительность и веру в победу («мне суждено победить»). Последующий текст («и после того материя и дух сольются в гармонии прекрасной и наступит царство мировой воли») она читает твердо, уверенно, троекратно повторяя глагол «наступит» с интонацией собственной убежденности в справедливости сказанного и желания убедить в том других, развеять возможные сомнения («Наступит совершенно точно — даже не сомневайтесь»). В интерпретации театра «Ленком Марка Захарова» особо акцентируется утвердительный характер высказывания: «Я знаю!» — добавляет Нина фразу, которая отсутствует в тексте Чехова. Данная ассертивная реплика необходима режиссеру для усиления эффекта уверенности Нины в том, что царство мировой воли действительно наступит. И, разумеется, за этим утверждением следует некое условие, поэтому актриса особо выделяет союз «но», делая после него паузу, обусловленную текстуально, чтобы зритель приготовился внимательно выслушать это условие: «Но // Это будет лишь тогда / когда...»

Заключение

Интерпретация Московского государственного театра «Ленком Марка Захарова» строится преимущественно на расхождении графической и интонационной сегментации высказываний. Интерпретаторами сознательно нарушаются принципы актуального членения синтаксических конструкций в тексте А. П. Чехова и создаются разорванные коммуникативные

структуры, не обусловленные синтаксисом инвариантного текста. В рассматриваемой сценической конкретизации пьесы «Чайка» зафиксирован ряд фактов переводческой деформации, связанной с исключением или подменой компонентов авторского текста (опущение или замена союзов, замещение одних знаков препинания другими) и включением элементов, изначально отсутствующих в монологе и привнесенных в него авторами театрального текста (дискурсивные слова, уточнения). Нарушение и окказиональная трансформация акцентных структур увеличивает погрешность перевода и снижает степень функциональной эквивалентности текстов.

Литература

- Богоявленская Ю. В. Парцелляция как когнитивно-семиотический феномен // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2018. № 55. С. 5–16.
- Чехов А. П. Чайка // Полное собрание сочинений и писем: в 30 томах. Т. 13. М.: Наука, 1986. С. 4–60.
- Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington. Indiana University Press Publ. London, Macmillan Publ., 1976. 355 p.
- Jakobson R. O. On Linguistic Aspects of Translation // On translation. Cambridge, 1959. P. 232–239.

References

- Bogoyavlenskaya Yu. V. [Parcelling as a cognitive and semiotic phenomenon]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya*, 2018, no. 55, pp. 5–16. (In Russ.)
- Chekhov A. P. [The Seagull]. *Polnoe sobranie sochineniy i pisem: v 30 tomakh* [The complete Works and Letters: in 30 Vols.]. Vol. 13. Moscow, Nauka Publ., 1986, pp. 4–60 (In Russ.)
- Eco U. A Theory of Semiotics. Bloomington. Indiana University Press Publ. London, Macmillan Publ., 1976. 355 p.
- Jakobson R. O. On Linguistic Aspects of Translation. *On translation*. Cambridge, 1959, pp. 232–239. (In Eng.)

В помощь изучающим русский язык

Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов

Надежда Константиновна Онипенко, Институт русского языка имени В. В. Виноградова РАН
(Россия, Москва), onipenko_n@mail.ru

DOI: 10.31857/S0131611724030107

АННОТАЦИЯ: В статье предлагается объяснение правил пунктуационного оформления препозитивных атрибутивных оборотов, дается комментарий к соответствующему разделу Свода орфографических и пунктуационных правил РАН. Проблема обособления решается в связи с категорией таксиса и категорией определенности/неопределенности. Обособление является средством выражения зависимой предикативности, что связано с наличием добавочных связей между оборотом и сказуемым. Условием появления второго направления связей и добавочных обстоятельственных значений между основным и зависимым предикатами называется таксис, понимаемый как техника межпредикативного взаимодействия. Второй аспект проблемы обособления — семантика определяемого слова, к которому относится оборот. Правила обособления атрибутивных оборотов соотносятся с правилами обособления оборотов при местоимениях, что позволяет показать значение референциального статуса определяемого имени для разграничения атрибутивных и предикативно-атрибутивных отношений. В безартиклевым русском языке категория определенности/неопределенности обнаруживает себя в правилах обособления препозитивных оборотов в абсолютном начале предложения: условием обособления в этой позиции является конкретно-референтность определяемого слова (его известность из предшествующего текста, его определенность и индивидуальность), запрет на обособление обусловлен

значениями неопределенности и обобщенности в значении именного компонента. Рассматриваются синонимические связи причастных и деепричастных оборотов в абсолютном начале предложения.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: русский язык, синтаксис, пунктуация, обособление, таксис, атрибутивный оборот, школьное преподавание, категория определенности-неопределенности, причастие, деепричастие

для цитирования: Онипенко Н. К. Еще раз об обособлении препозитивных атрибутивных оборотов // Русская речь. 2024. № 3. С. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724030107.

Learning Russian

Once Again about the Isolation of Prepositive Attributive Phrases

---

Nadezhda K. Onipenko, Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences (Russia, Moscow), onipenko_n@mail.ru

---

ABSTRACT: The article offers an explanation of the rules for punctuation of prepositive attributive phrases and provides a commentary on the corresponding section of the Code of Spelling and Punctuation Rules of the Russian Academy of Sciences. The problem of detachment is proposed to be solved in connection with the category of taxis and the category of definiteness/indefiniteness. Detachment is a means of expressing dependent predicativity, which results from additional associations between the attributive phrase and the predicate. The condition for the appearance of these associations and additional adverbial meanings between the main and dependent predicates is taxis, understood as a technique of interpredicative interaction. The other aspect of the problem of detachment is the semantics of a defined noun or pronoun to which the phrase refers. The rules for detachment of attributive phrases defining a noun, correlate with the ones for pronouns, which makes it possible to show the significance of the referential status of a defined noun for distinguishing between attributive and predicative-

attributive relations. As the Russian grammar doesn't have articles, the category of definiteness/indefiniteness reveals itself in the rules for detachment of prepositive phrases at the absolute beginning of a sentence. The condition for detachment in this position is the concrete referential status of a noun being defined (its familiarity from the previous text, its definiteness and individuality). The prohibition on detachment is due to the values of uncertainty and generality in the meaning of the nominal component. The paper also considers synonymous relations between participial and gerund phrases at the absolute beginning.

KEYWORDS: Russian language, syntax, punctuation, detachment, taxis, attributive phrase, school teaching, category of definiteness/indefiniteness, participle, gerund

FOR CITATION: Onipenko N. K. Once Again about the Isolation of Prepositive Attributive Phrases. Russian Speech = Russkaya Rech'. 2024. No. 3. Pp. 115–127. DOI: 10.31857/S0131611724030107.

Поводом для этой статьи стали вопросы о существующих правилах обособления определительных оборотов (причастий с зависимыми словами и прилагательных с зависимыми словами). В Институт русского языка приходят письма, в которых задаются вполне резонные вопросы: почему один и тот же определительный (например, причастный) оборот, оказываясь в разных предложениях, ведет себя по-разному (в одних обособляется, а в других нет) и, более того, почему один и тот же оборот в одном и том же предложении может обособляться и не обособляться? Эти вопросы касаются правила, регулирующего знаки препинания при оборотах, стоящих перед определяемым словом, то есть при препозитивных оборотах.

Действительно, в «Правилах русской орфографии и пунктуации» есть правило, в рамках которого комментируются параллельные примеры с обособлением и без обособления: «*Окруженный зеленой изгородью дом привлек наше внимание* (слово *дом* включено в определительное словосочетание *окруженный зеленой изгородью дом*). — *Окруженный зеленой изгородью, дом не был виден издали* (определение обособлено, так как осложнено обстоятельством значением: так как был окружен зеленой изгородью); *Убранный в подполье урожаем обещал сытую зиму* (Цвет.). — *Убранный*

в подполье, урожай обещал сытую зиму (в первом случае определительный оборот не отделяется от определяемого имени; во втором случае оборот *убранный в подполье* обособлен от имени, такой оборот создает дополнительный причинный оттенок: так как был убран в подполье)» [Лопатин (ред.) 2009: 158]. В первой паре оборот попадает в разные предложения, во второй лексически ничего не меняется, различие находим лишь в интонационном и пунктуационном оформлении оборота. Внимательный читатель Правил в первой паре согласится с авторами, так как увидит функцию обособления — обнаружить причинно-следственные отношения между содержанием оборота и основной предикативной единицы, но пояснение ко второй паре его не убедит: причинный оттенок есть и в первом, и во втором примере, так зачем нужно обособление? Всегда ли обособление связано с наличием причинно-следственных отношений? И всегда ли обособление возможно?

Попытаемся дать ответы на эти вопросы внимательного читателя. Для того чтобы прояснить ситуацию, нужно обратить внимание на (1) интонацию и ударение в примерах с обособлением и без обособления; (2) семантику определяемого слова; (3) на синонимию препозитивных атрибутивных оборотов и деепричастных оборотов. Чтобы соединить все эти проблемы в одном объяснении, будем рассматривать препозитивные обороты (причастные и деепричастные) в абсолютном начале предложения, именно те, которые приводятся в качестве примеров при формулировке правил. При этом будем учитывать не только связь оборота с основным сказуемым данного предложения, но и смысловые отношения с предшествующим предложением.

И начнем с очень интересных наблюдений А. М. Пешковского, который впервые сформулировал «условия обособления», то есть выявил факторы, влияющие на интонационное обособление слов и словосочетаний внутри простого предложения. К этим факторам Пешковский отнес измененный порядок слов, объем оборота (наличие зависимых слов или соединение равнофункциональных членов предложения), наличие особых, добавочных связей со сказуемым или другим членом предложения, намеренное отделение какого-то члена предложения от соседствующего с ним, отнесенность к личному местоимению. При этом для Пешковского были важны наблюдения за интонацией данного предложения в конкретных речевых или текстовых условиях. Он считал, что пишущему не нужно искать каких-то «правил», поскольку «единственный возможный критерий здесь — произношение и что нужно только прочесть сочетание вслух и выбрать ту интонацию, которую желаешь внушить читателю» [Пешковский 2001: 425].

Из наблюдений А. М. Пешковского нас интересуют те, которые касаются обособления причастного оборота, стоящего в начале предложения и относящегося к подлежащему. В этой позиции возможен выбор причастия и деепричастия, деепричастие всегда обособляется, а причастие может обособляться и не обособляться. Именно эта синтаксическая позиция требует применения объяснительной синтаксической теории.

Анализируя пример из Пушкина (*Тронутый преданностью старого кучера, Дубровский замолчал и предался своим размышлениям*), А. М. Пешковский писал: «Это обособление связано с особым произношением и той части предложения, которая следует за обособленной группой. Именно в ней подлежащее в этих случаях ритмически стушевывается, наименее ударяется, а наиболее ударяется тот член или те члены, с которыми преимущественно приводится в связь обособленное прилагательное» [Пешковский 2001: 427] (обособленным прилагательным Пешковский называл не только прилагательное, но и причастие). И далее читаем: «Если это особое, обозначаемое ритмом и интонацией соотношение по тем или иным причинам не создается, все особенности произношения отпадают: обособляющая интонация исчезает, подлежащее получает свое нормальное ударение, прилагательное со всеми своими членами ритмически примыкает к подлежащему» [Там же: 427–428]. Из этих высказываний следует, что существуют причины, по которым подлежащее может быть безударным, и причины, по которым подлежащее должно быть ударным, по которым оно не «отдает» свое ударение препозитивному причастию (или прилагательному) с зависимыми словами.

Рассмотрим еще пример из «Дубровского»: *Дело затянулось. Уверенный в своей правоте (?) Андрей Гаврилович мало о нем заботился, не имел ни охоты, ни возможности сыпать около себя деньги...* Если мы хотим показать смысловые отношения между оборотом и группой сказуемого, то должны использовать «обособляющую интонацию» с ударением на обороте и безударным подлежащим, поскольку причинные отношения между оборотом и основным сказуемым здесь есть. Но у Пушкина обособления в этом предложении нет. Значит, что-то не позволяет подлежащему «ритмически стушевываться», сохраняет ударение на подлежащем. Это что-то мы находим в последующем контексте: *Со своей стороны Троекуров столь же мало заботился о выигрыше затеянного им дела. Шабашкин за него хлопотал, действуя от его имени.* В этом фрагменте Андрей Гаврилович и Троекуров сопоставляются и противопоставляются, и поэтому имена собственные должны быть параллельно ударными. Ударность подлежащих обусловлена текстовыми связями предложений. При этом и следующее подлежащее (*Шабашкин*) ударное: при нейтральном, неэкспрессивном порядке слов мы увидели бы это предложение

в таком варианте (*За него хлопотал Шабашкин*, с ударением именно на имени собственном).

Текстовые задачи определяют ударность существительных и в описательных фрагментах, поэтому препозитивные причастные обороты в описательных текстах часто не обособляются. См. примеры из текстов А. П. Чехова:

*Подул ветер, напоминающий о зиме. **Почерневший от непогоды лес** нахмурился и уже перестал манить под свою листву.*

*Знойный и душный полдень. На небе ни облачка... **Выжженная солнцем трава** глядит уныло, безнадежно: хоть и будет дождь, но уж не зеленеть ей... Лес стоит молча, неподвижно...*

*По опушке леса крадется маленький сутуловатый мужичонок, ростом в полтора аршина... Голенница сапог спустились до половины. **Донельзя изношенные, заплатанные штаны** мешками отвисают у колен и болтаются, как фалды. **Засаленный веревочный пояс** сполз с живота на бедра, а рубашу так и тянет вверх к лопаткам.*

При описании пространства (пейзаж, интерьер) или внешности человека (портрет) существительные являются частями общей темы; к каждой такой микротеме прибавляется своя добавочная (к основной) рема, что образует параллельную тема-рематическую структуру. Ударения на тематических существительных и задают этот параллелизм. Ударные подлежащие в описательных контекстах, несмотря на их принадлежность к теме, не упомянуты в предтексте, а значит, не являются в полной мере определенными, что также становится фактором, влияющим на ударность существительного. См. еще примеры из произведений Н. В. Гоголя:

*В самом деле, это была картина довольно смелая: запорожец как лев растянулся на дороге. **Закинутый гордо чуб** его захватывал на поларшина земли. Шаровары алого дорогого сукна были запачканы дегтем для показания полного к ним презрения. Полюбовавшись, Бульба пробирался далее по тесной улице...;*

*Дождь, однако же, казалось, зарядил надолго. **Лежавшая на дороге пыль** быстро замесилась в грязь, и лошадям ежеминутно становилось тяжелее тащить бричку;*

*Дорога шла между разбросанными группами дубов и орешника, покрывавшими луг. Отлогости и небольшие горы, зеленые и круглые, как куполы, иногда перемежевывали равнину. **Показавшаяся в двух местах нива** с вызревающим житом давала знать, что скоро должна появиться какая-нибудь деревня.*

См. примеры описательных фрагментов из стихотворений И. Бродского, в которых мы также видим отсутствие препозитивного обособления при ударном существительном:

Изваянные в мраморе сатиры
и нимфа смотрят в глубину бассейна,
чья гладь покрыта лепестками роз.

Потерявший изнанку пунцовый круг
замирает поверх черепичных кровель,
и кадык заостряется, точно вдруг
от лица остается всего лишь профиль.

Повисший над пресным каналом мост
удерживает расплывчатый противоположный берег
от попытки совсем отделиться и выйти в море.

Раскрашенная в цветá зари собака
лает в спину прохожего цвета ночи.

Во всех приведенных примерах причастие с зависимыми словами и определяемое существительное находятся в одной строке. Если бы определяемое существительное стояло в другой строке, то мы не смогли бы говорить об интонационной целостности атрибутивного причастного оборота и определяемого им существительного, поскольку основную роль в интонационном оформлении играла бы тогда стихотворная техника деления синтаксической конструкции между строками.

В поэтическом тексте автор может интонационно выделить оборот, поместив его в отдельную строку, а существительное — в другую строку:

Взбаламутивший море
ветер рвется как ругань с расквашенных губ
в глубь холодной державы,
заурядное до-ре -
ми-фа- соль-ля-си-до извлекая из каменных труб. (И. Бродский)

Рассмотрим еще пример из стихотворения И. Бродского «Каппадокия»

Залитое луной,
войско уже не река, гордящаяся длиной,
но обширное озеро...

В этом фрагменте поэт не только разделяет оборот и существительное строками, но и ставит запятую, то есть указывает за синтаксическое обособление препозитивного оборота. Это обособление можно объяснить

действием двух категорий: категории определенности и категории времени. В первой строфе стихотворения читаем:

*Армия издалека
выглядит как извивающаяся река,
чей исток норовит не отставать от устья,
которое тоже все время оглядывается на исток.*

Армия (войско) Митридата идет в Каппадокию, чтобы вступить в битву с римскими легионерами Суллы. Сначала мы видим войско на марше (1-я строфа), а потом остановившимся на ночлег (3-я строфа). Таким образом, слово *войско* в интересующем нас примере называет то, что уже известно из предшествующего текста, то есть несет на себе семантику определенности. См. подобный пример из прозаического текста:

*Из глубины цеха медлительно и неуклонно текла широкая лента главного конвейера. Течение ее казалось таким же заданным из века, как течение большой реки. **Залитый солнечным светом**, конвейер двигался, притягивая и подчиняя себе всех и все... (Г. Е. Николаева, Битва в пути).*

Если же существительное называется в первый раз, то оно не может «отдать» ударение, как, например, в описании одной из картин Дж. Констебля:

*В данном случае Констебль представил тихий теплый день на берегу реки Стур. Плотники и судостроители только что разошлись на обед, и рядом со строящейся баржей остался один человек. **Освещенная ярким солнцем большая лодка**, предназначенная для того, чтобы возить муку с мельницы в Лондон, показана с прежде не свойственной английскому мастеру точностью, в то время как деревья и долина реки изображены менее детально (Т. Акимова, Музей Виктории и Альберта. Лондон).*

Возвратимся к примеру из стихотворения «Каппадокия». В этом примере есть и еще один фактор, влияющий на обособление: это — категория времени, что квалифицируется в справочниках по пунктуации как «добавочные обстоятельственные отношения». Сначала войско выглядело как река, а потом, спустя некоторое время, превратилось в озеро. На основе временной семантики нередко возникают и причинно-следственные отношения: причастный оборот *залитое луной* можно прочитывать как причину. Но это не непосредственная причина, так как войско стало выглядеть как озеро ночью, когда остановилось на ночлег.

В качестве доказательства добавочных обстоятельственных отношений обычно используется подстановка деепричастия *будучи*; см., например, в тексте «Правил русской орфографии и пунктуации»: **Написанная предельно просто и точно**, новая книга, по словам Константина Воробьева,

должна стать «кардиограммой сердца» (В. В. Воробьева). Ср.: *Будучи написанной предельно просто и точно, новая книга... должна стать «кардиограммой сердца»* [Лопатин (ред.) 2009: 158]. Подстановка деепричастия *будучи* является доказательством полупредикативности препозитивного оборота, то есть наличия имплицитных модального и временного значения, на основе которых и появляются добавочные причинно-следственные отношения.

Однако в примере из стихотворения И. Бродского нет собственно причины: дело не в причине, а в наличии изменения во времени: днем это река, а ночью — озеро. Это сопоставление возможно при наличии значения определенности в именной группе.

Существительное с семантикой определенности позволяет вынести на первый план собственно временные и/или причинно-следственные отношения между оборотом и основным сказуемым:

Прежде Юргин видел свое будущее почему-то неясно, в отдельных деталях, как если бы смотрел на картину, написанную маслом, при сумеречном свете; теперь, освещенное любовью к Лене, будущее сверкало всеми красками, и он мог говорить о нем без конца, как это могут делать знатоки живописи о любимой картине (М. Бубеннов, Белая берега);

Заполненная людьми, квартира похорошела, все уже не так кричало о ремонте, и Нина осчастливилась, отбросила сомнения, которые ее терзали (А. Слапковский, Ремонт).

Пример из стихотворения «Каппадокия» и два последних прозаических фрагмента свидетельствуют о том, что условием обособления (выделения посредством ударения и паузы атрибутивного оборота), а также условием появления добавочных обстоятельственных отношений между оборотом и основным сказуемым оказывается семантика определяемого слова — его известность из предшествующего текста.

Если мы еще раз сравним примеры из «Правил» 2009 г.: «Окруженный зеленой изгородью дом привлек наше внимание (слово *дом* включено в определительное словосочетание *окруженный зеленой изгородью дом*). — *Окруженный зеленой изгородью, дом не был виден издали* (определение обособлено, так как осложнено обстоятельственным значением: так как был окружен зеленой изгородью), то станет ясно, что в случае с обособлением о существовании дома говорящему было известно заранее. См. текстовый пример, из которого понятно, что обособление оборота оказывается востребованным тогда, когда существительное было уже названо:

После этих домиков дорога поворачивала налево, оставляя позади два дома:<...> второй дом, ближе к обрыву, с виду напоминал охотничий. Он полностью был построен из дерева. <...> Расположенный недалеко от

моего участка, дом не был виден из-за деревьев, но каким-то странным образом манил к себе (Л. Риттиева, Игра).

См. аналогичные примеры:

*Особым событием, как было обещано, явилось посещение показательного дома колхозника. **Окруженный виноградным садом и мандариновыми деревьями, дом** был, мягко говоря, не совсем обычный для колхозника: огромный, красивый... (А. Тарасов, Миллионер);*

*Мы подходим к стоящему на холме светлому зданию. **Окруженный белыми снегами под синим небом, дом** выглядит изящным, безмолвно взирая огромными оконными проемами на копошащихся строителей (Л. Залесова-Докторова, Прогулка по Павловску с Сергеем Гутцайтом).*

Понятно, что при таком повторе употребляется и анафорическое местоимение — либо указательное, либо личное 3-го лица:

*Тихая августовская ночь. С поля медленно поднимается туман и матовой пеленой застилает всё, доступное для глаза. **Освещенный луною, этот туман** дает впечатление то спокойного, беспредельного моря, то громадной белой стены (А. П. Чехов, Мертвое тело);*

*В 1682 году, среди этих непроходимых лесов, на старой Мещовской дороге стоял, близ речки Брыни, верстах в шестидесяти от ее впадения в реку Жиздру, постоялый двор. **Окруженный со всех сторон дремучим лесом, он** был единственным приютом для проезжих (М. Н. Загоскин, Брынский лес);*

*Это, впрочем, не дом, а домик. **Он** мал, в один маленький этаж и в три окна, и ужасно похож на маленькую, горбатую старушку в чепце. **Оштукатуренный в белый цвет, с черепичной крышей и ободранной трубой, он** весь утонул в зелени шелковиц, акаций и тополей, посаженных дедами и прадедами теперешних хозяев. Его не видно за зеленью. Эта масса зелени не мешает ему, впрочем, быть городским домиком (А. П. Чехов, Приданое).*

И здесь мы переходим к другому пункту правила обособления: при личном местоимении определительный оборот обособляется всегда [Лопатин (ред.) 2009: 159]. Личное местоимение всегда указывает на известное, определенное — либо из речевой ситуации, либо из предшествующего текста:

*Но Пугачев не имел уже намерения идти на старую столицу. **Окруженный отовсюду войсками правительства**, не доверяя своим сообщникам, он уже думал о своем спасении; цель его была: пробраться за Кубань или в Персию (А. С. Пушкин, История Пугачева).*

Обособление повышает смысловой статус причастия, что необходимо тогда, когда причастие встраивается в сюжетную или логическую последовательность, то есть выражает не собственно фоновое, а сюжетно значимое положение дел:

Извлеченный на берег самоубийца сопротивлялся Рюмину лениво, без всякого одушевления. Брошенный сильной рукой художника на песок, он встал, отряхнулся и, потупившись, сунул художнику в руку свою мокрую ладонь. — Пампасов! — сказал он вежливо. — Каких пампасов? — изумленно спросил Рюмин. — Это я — Пампасов. Нужно же нам познакомиться (А. Т. Аверченко, Камень на шее).

В приведенном фрагменте два препозитивных причастных оборота: первый не обособлен, поскольку для автора важно сохранить ударение на существительном *самоубийца*, чтобы сделать скрытый намек для читателей, что незнакомец, возможно, симулирует самоубийство (что выяснится в конце рассказа). Уступительные отношения возникают именно между словом *самоубийца* и группой основного сказуемого, в которой наречие и предложно-падежная форма выражают нехарактерное для самоубийцы поведение. Второй оборот обособлен. Это обособление необходимо потому, что причастие выражает действие героя, встроенное во временную последовательность событий: сначала Рюмин бросил незнакомца на песок, потом тот встал, отряхнулся и вежливо представился. И местоимение здесь необходимо именно потому, что оборот должен быть обособлен.

Если у героя есть имя собственное, то обособление при повторе имени вполне закономерно:

В салоне воздушного корабля безмятежно спал Евгений Лукашин, прижимая к груди портфель с березовым веником. А через час сердобольный попутчик уже вводил Лукашина, который мешком висел на его руке, в зал ожидания Ленинградского аэровокзала. <...> Брошенный попутчиком, Лукашин приоткрыл глаза, с надеждой поискал друзей, но их нигде не было видно (Э. Рязанов, Э. Брагинский, Ирония судьбы, или С легким паром).

Итак, добавочные обстоятельственные отношения и, следовательно, обособление оборота возможны тогда, когда определяемое имя или местоимение характеризуется определенностью (конкретной референтностью). При этом в контексте не должно быть параллельно ударных именных групп. Если же существительное является способом неопределенной номинации (человек в пальто, прохожий, приезжий, неизвестный господин,

гость, посетитель и др.), то оно сохраняет ударение и препозитивный оборот при таких существительных не обособляется:

*Он уж перестал мечтать об устройстве имения и о поездке туда всем домом. **Поставленный Штольцем управляющий** аккуратно присылал ему весьма порядочный доход, к Рождеству мужики привозили хлеба и живности, и дом процветал обилием и весельем* (И. А. Гончаров, Обломов);

***Деревянно шагавший человек** с подвязанным лицом быстро зашагал к убитой змее, взглянул на нее и всплеснул своими палкообразными руками* (А. П. Чехов, Степь);

***Возвышавшийся перед оркестром человек во фраке**, увидев Маргариту, побледнел, заулыбался и вдруг взмахом рук поднял весь оркестр* (М. А. Булгаков, Мастер и Маргарита).

Подведем итог. Обособление — это один из способов смысловой организации текста. В абсолютном начале предложения оборот соотносится, во-первых, с опорным существительным, во-вторых, с основным сказуемым данного предложения, в-третьих, с содержанием предшествующего предложения, что имеет непосредственное отношение к выбору опорного слова (существительное или личное местоимение). Существительное может быть определенным, неопределенным или абстрактным, оно может обозначать конкретный, единичный предмет или всех представителей того или иного класса. Обособленный оборот, будучи встроенным в общий механизм связности текста, соединяется с личными местоимениями, конкретно-предметным определенными существительными (известными из предтекста), часто именами собственными, то есть теми существительными, которые могут быть безударными.

Для того чтобы решить, обособлять или не обособлять причастный или адъективный оборот перед определяемым словом, нужно (1) увидеть не одно предложение, а целый текстовый фрагмент; (2) прочитать его вслух и понять, где должно стоять ударение (на опорном существительном или на обороте), что, в свою очередь, связано (3) с семантикой определяемого слова (известностью/неизвестностью из предшествующего текста) или наличием параллельных ударений, указывающих на наличие сопоставительно-противительных отношений; (4) помнить, что причинно-следственные отношения между основным сказуемым и оборотом возможны лишь тогда, когда есть связь с движущимся временем, когда возможно какое-то изменение, например, состояния или качества, которое и становится причиной последующего действия. Синонимические связи атрибутивного оборота с деепричастным свидетельствуют о временном взаимодействии причастного (или адъективного) оборота с видо-временной формой основного сказуемого.

Литература

Лопатин В. В. (ред.) Правила русской орфографии и пунктуации. Полный академический справочник. М.: Эксмо, 2009. 480 с.

Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Языки славянской культуры, 2001. 544 с.

References

Lopatin V. V. (ed.) *Pravila russkoi orfografii i punktuatsii. Polnyi akademicheskii spravochnik* [Rules of Russian spelling and punctuation. Complete Academic Handbook]. Moscow, Eksmo Publ., 2009. 480 p.

Peshkovskii A. M. *Russkii sintaksis v nauchnom osveshchenii* [Russian syntax in scientific coverage]. Moscow, Yazyki slavyanskoi kul'tury Publ., 2001. 544 p.

Русская речь

НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ

Оригинал-макет подготовлен *И. Барановым, И. Мустаевым*

Зав. редакцией *М. А. Пузина*
Редакторы *О. В. Антонова, С. В. Дьяченко*
Корректор *Н. Н. Занегина*
Верстка *С. В. Родионовой*

А Д Р Е С Р Е Д А К Ц И И:

119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
редакция журнала «Русская речь»,
тел.: +7 495 637-27-35, e-mail: rus-rech@mail.ru

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ № ФС 77-82889 от 14 марта 2022 г., выдано Федеральной службой
по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор)

Подписано к печати .
Дата выхода в свет .
Формат 60×88 $\frac{1}{16}$. Уч.-изд. л. . Тираж экз.
Зак. /
Цена свободная

У Ч Р Е Д И Т Е Л И:

Российская академия наук
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Государственный институт русского языка им. А. С. Пушкина

И З Д А Т Е Л Ь:

Российская академия наук
119071, Москва, Ленинский пр.-кт, д. 14
20 экземпляров распространяются бесплатно

Исполнитель: ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

Отпечатано в ФГБУ «Издательство «Наука»: 121099, г. Москва,
Шубинский пер., д. 6, стр. 1

16+